

ISSN 2414-4452

PHILOLOGY

International scientific journal

№ 5 (5), 2016

Founder and publisher:
Publishing House «Scientific survey»

The journal is founded in 2016 (January)

Volgograd, 2016

UDC 8
LBC 72

PHILOLOGY

International scientific journal, № 5 (5), 2016

The journal is founded in 2016 (January)
ISSN 2414-4452

The journal is issued 6 times a year

The journal is registered by Federal Service for Supervision in the Sphere of Communications, Information Technology and Mass Communications.

Registration Certificate: III № ФС 77 – 62764, 18 August 2015

EDITORIAL STAFF:

Head editor: Musienko Sergey Aleksandrovich

Executive editor: Manotskova Nadezhda Vasilyevna

Dmitrieva Elizaveta Igorevna, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of Department “Foreign languages - 5”

Ansimova Olga Konstantinovna, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Chair of Russian language

Atamanova Natalia Viktorovna, Candidate of Philology, Associate Professor of the Russian Language Department

Authors have responsibility for credibility of information set out in the articles.
Editorial opinion can be out of phase with opinion of the authors.

Address: Russia, Volgograd, Angarskaya St., 17 "G"

E-mail: sciphilology@mail.ru

Website: <http://sciphilology.ru/>

Founder and publisher: Publishing House «Scientific survey»

УДК 8
ББК 72

ФИЛОЛОГИЯ

Международный научный журнал, № 5 (5), 2016

Журнал основан в 2016 г. (январь)
ISSN 2414-4452

Журнал выходит 6 раз в год

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

**Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС 77 - 62764 от 18 августа 2015**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор: Мусиенко Сергей Александрович
Ответственный редактор: Маноцкова Надежда Васильевна

Дмитриева Елизавета Игоревна, кандидат филологических наук, доцент кафедры "Ино-
странные языки - 5"

Анимова Ольга Константиновна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского
языка, Новосибирский государственный технический университет

Атаманова Наталья Викторовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского
языка

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

Адрес редакции: Россия, г. Волгоград, ул. Ангарская, 17 «Г»
E-mail: sciphilology@mail.ru
Website: <http://sciphilology.ru/>

Учредитель и издатель: Издательство «Научное обозрение»

CONTENTS

Philological Sciences

Baranova O.T.
WAYS OF EXPANSION OF STUDENTS' VOCABULARY
AT SENIOR STAGE OF LEARNING FOREIGN LANGUAGE 8

Boborykina T.A.
THE ACTUAL PROBLEMS IN PHILOLOGICAL CONTEXT OR THE TERRORISM OF FREEDOM..... 12

Maltseva T.V.
LINGUISTIC CONSCIOUSNESS WITHIN THE STRUCTURE OF LINGUISTIC IDENTITY 15

Matveyeva A.S.
THE CONNECTION BETWEEN CAUSATIVE AND VOICE
CATEGORIES IN ENGLISH (ON THE MATERIAL OF THE MODERN ENGLISH)..... 18

Polyakova E.A., Volkova V.V.
TRANSLATION FEATURES OF THE ENGLISH
PHRASEOLOGICAL UNITS WITH NATIONAL COMPONENT INTO RUSSIAN 20

Ramantova O.V.
SPECIFICATION IN TERMS OF RUMORS..... 22

Rakhimova G.A.
ON THE TRANSLATION OF NOVELLA
THE LITTLE PRINCE BY ANTOINE DE SAINT-EXUPÉRY IN UZBEK 27

Literary Studies

Litvinenko N.A.
REVIEW OF "REALITY AND TIME IN FRENCH LITERATURE:
FROM DECADENCE TO MODERNITY", V.V. SHERVASHIDZE'S MONOGRAPH 30

Russian Literature

Vasilevskaya Yu.L.
UNDERVALUED MAGNUM OPUS: *CHIZHIKOVA LAVRA*
IN I.S. SOKOLOV-MIKITOV'S CREATIVE WORK 32

Literature of Peoples of the Foreign Countries

Abdurazakova D.S.
CAO ZHI'S POEM *THE FAIRY OF THE RIVER LUO* IN GU KAICHI'S ART INTERPRETATION..... 36

Svirid L.A.
GENRE PECULIARITIES OF *LES BRABAN*, A NOVEL BY PATRICK BESSON 39

Folklore Studies

Sazonova A.A., Trostina M.A.
WOMAN'S DESTINY IN THE RUSSIAN HEART-RENDING ROMANCE..... 42

Journalism

- Gayduk T.V.*
ISSUES OF WORLDVIEW FORMATION IN MEDIA AT CHILDREN'S TARGET
AUDIENCES (BASED ON THE MATERIAL OF THE TRIDEVYATOE TSARSTVO MAGAZINE)..... 45

Linguistics

- Ryapov R.I.*
THE CATEGORIES OF MODALITY IN THE TURKISH LANGUAGE 49

- Siminko E.O.*
TRANSLATION PECULIARITIES OF THE TURKISH PROVERBS INTO RUSSIAN 52

- Stolyarova A.A.*
LINGUOSTYLISTIC AND STRUCTURAL FEATURES
OF POWERS OF ATTORNEY IN MODERN GREEK AND RUSSIAN 54

Slavic Languages

- Dyszak A.S.*
THE LEXIS OF POLISH SEXUAL MINORITIES SLANG 59

Germanic Languages

- Kushnaryova S.E.*
PARADIGM OF LEXICAL CONSTITUENT CHANGES OF THE CONTACT FINGLISH LANGUAGE 68

- Fatyanova I.V.*
NOMINATIVE SPACE OF MICROSPHERE OF CONCEPTS
OF TERRORISM IN THE MODERN ANGLO-AMERICAN POLITICAL DISCOURSE 71

Latin Languages

- Chorna N.V.*
THE POLYPHONY OF POSTMODERN LITERARY DISCOURSE
(THE MATERIALS OF LATIN AMERICAN SHORT STORIES)..... 78

Linguistic Theory

- Khomuskova N.F.*
METAPHORICAL TYPE OF MEANING OF VERBS
OF DESTRUCTION IN RUSSIAN IN XI-XVII CENTURIES 81

Comparative Historical, Typological and Comparative Linguistics

- Nedosugova A.B.*
JAPANESE AND RUSSIAN LINGUISTIC WORLD-IMAGE
IN TERMS OF COMPARATIVE CULTURAL LINGUISTICS 84

СОДЕРЖАНИЕ

Филологические науки

<i>Баранова О.Т.</i> СПОСОБЫ ОБОГАЩЕНИЯ ЛЕКСИКИ УЧАЩИХСЯ НА СТАРШЕМ ЭТАПЕ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ.....	8
<i>Боборыкина Т.А.</i> ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОСТИ В СВЕТЕ ФИЛОЛОГИИ ИЛИ ТЕРРОРИЗМ СВОБОДЫ.....	12
<i>Мальцева Т.В.</i> ЯЗЫКОВОЕ СОЗНАНИЕ В СТРУКТУРЕ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ	15
<i>Матвеева А.С.</i> СВЯЗЬ КАТЕГОРИИ КАУЗАТИВНОСТИ С КАТЕГОРИЕЙ ЗАЛОГА В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА).....	18
<i>Полякова Е.А., Волкова В.В.</i> ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА НА РУССКИЙ ЯЗЫК АНГЛИЙСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С НАЦИОНАЛЬНЫМ КОМПОНЕНТОМ	20
<i>Рамантова О.В.</i> КОНКРЕТИЗАЦИЯ В СИТУАЦИИ СЛУХОВ	22
<i>Рахимова Г.А.</i> ОБ УЗБЕКСКОМ ПЕРЕВОДЕ ПОВЕСТИ АНТУАНА ДЕ СЕНТ-ЭКЗЮПЕРИ «МАЛЕНЬКИЙ ПРИНЦ»	27

Литературоведение

<i>Литвиненко Н.А.</i> РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ ШЕРВАШИДЗЕ В.В. «РЕАЛЬНОСТЬ И ВРЕМЯ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ: ОТ ДЕКАДАНСА К СОВРЕМЕННОСТИ».....	30
---	----

Русская литература

<i>Василевская Ю.Л.</i> НЕОЦЕНЁННЫЙ MAGNUM OPUS: ПОВЕСТЬ «ЧИЖИКОВА ЛАВРА» В ТВОРЧЕСТВЕ И.С. СОКОЛОВА-МИКИТОВА	32
---	----

Литература народов стран зарубежья

<i>Абдуразакова Д.С.</i> ПОЭМА ЦАО ЧЖИ «ФЕЯ РЕКИ ЛО» В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ГУ КАЙЧИ	36
<i>Свирид Л.А.</i> ЖАНРОВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ РОМАНА ПАТРИКА БЕССОНА «ЗАКАТ СЕМЬИ БРАБАНОВ».....	39

Фольклористика

<i>Сазонова А.А., Тростина М.А.</i> ЖЕНСКАЯ СУДЬБА В РУССКОМ «ЖЕСТОКОМ» РОМАНСЕ.....	42
---	----

Журналистика

<i>Гайдук Т.В.</i> ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ В СМИ КАРТИНЫ МИРА У ДЕТСКИХ ЦЕЛЕВЫХ АУДИТОРИЙ (НА ПРИМЕРЕ МАТЕРИАЛОВ ЖУРНАЛА «ТРИДЕВЯТОЕ ЦАРСТВО»)	45
--	----

Языкознание

<i>Ряпов Р.И.</i> КАТЕГОРИИ МОДАЛЬНОСТИ В ТУРЕЦКОМ ЯЗЫКЕ	49
---	----

<i>Симинько Е.О.</i> ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ТУРЕЦКИХ ПОСЛОВИЦ НА РУССКИЙ ЯЗЫК	52
--	----

<i>Столярова А.А.</i> ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ И СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ДОВЕРЕННОСТЕЙ НА НОВОГРЕЧЕСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ.....	54
---	----

Славянские языки

<i>Дышак А.С.</i> ЛЕКСИКА СЛЕНГА ПОЛЬСКИХ СЕКСУАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ	59
---	----

Германские языки

<i>Кушнарёва С.Е.</i> ПАРАДИГМА ИЗМЕНЕНИЯ ЛЕКСИЧЕСКОГО СОСТАВА КОНТАКТНОГО ЯЗЫКА FINGLISH	68
---	----

<i>Фатьянова И.В.</i> НОМИНАТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО МИКРОКОНЦЕПТОСФЕРЫ TERRORISM В СОВРЕМЕННОМ АНГЛО-АМЕРИКАНСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ	71
---	----

Романские языки

<i>Черная Н.В.</i> ПОЛИФОНИЯ ПОСТМОДЕРНОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ДИСКУРСА (НА МАТЕРИАЛЕ ЛАТИНОАМЕРИКАНСКИХ НОВЕЛЛ)	78
--	----

Теория языка

<i>Хомуськова Н.Ф.</i> МЕТАФОРИЧЕСКИЙ ТИП ЗНАЧЕНИЯ ГЛАГОЛОВ РАЗРУШЕНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ XI-XVII ВВ.	81
---	----

Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание

<i>Недосугова А.Б.</i> ЯПОНСКАЯ И РУССКАЯ ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА В АСПЕКТЕ СОПОСТАВИТЕЛЬНОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ	84
--	----

УДК 372.881.111.1

СПОСОБЫ ОБОГАЩЕНИЯ ЛЕКСИКИ УЧАЩИХСЯ НА СТАРШЕМ ЭТАПЕ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

О.Т. Баранова, студент

Дагестанский государственный университет (Махачкала), Россия

***Аннотация.** В статье рассматривается процесс обогащения и активизации вокабуляра на старшем этапе обучения иностранному языку. Совершенствование лексических навыков у учащихся на старшем этапе обучения является одной из ведущих проблем в педагогике на сегодняшний день. Актуальность этой проблемы так же определяется задачей, которая стоит перед преподавателями – развитие коммуникативной компетенции учащихся. Также в статье определены способы обогащения лексики в контексте новых требований к языковому образованию.*

***Ключевые слова:** лексическая сторона, навыки, коммуникативная компетенция, игры, видеоматериалы.*

Изучение лексики – не самоцель, а средство обучения всем видам речевой деятельности, то есть аудированию, говорению, чтению и письму [4, с. 37]. В основе каждой речевой деятельности слово, лексика важны не менее грамматики и фонетики. Многие методисты, которые исследуют проблемы, касающиеся формирования и совершенствования лексических навыков, выделяют специфические трудности лексической стороны речи, ведь слово – это сложное и многообразное явление. Его произношение и многозначность по сравнению с родным языком, способы его употребления и сочетания с другими словами – вызывают трудности у учащихся [2, с. 54].

Проблема формирования лексической стороны речи остается одной из важнейших в процессе обучения английскому языку. Исследованием этой проблемы занимались многие методисты. Среди отечественных выделяют И.Л. Бим, С.Ф. Шатилов, Л.В. Щерба и многие другие. В методике преподавания английскому языку говорят о необходимости формирования лексических навыков, как о необходимом умении, без которого невозможно осуществить общение на изучаемом языке.

Методисты предлагают различные методы и приемы ознакомления с новой лексикой и ее употребления в речи учащихся. Выбирая определенный метод введения и закрепления лексики, преподаватель должен учитывать несколько факторов: возраст учащихся, их языковые знания и возможности, цели и задачи урока, а также вид усваиваемой лексики [3, с. 94].

На старшем этапе обучения обязательным является формирование и развитие у учащихся умений самостоятельно выбирать наиболее эффективные методы организации лексики и ее запоминания, а использовать изученную лексику, учащиеся должны в ситуациях, приближенных к реалиям [1, с. 143].

В данной работе, на основе материала книги **HEADWAY INTERMEDIATE** для 10-11 классов предлагаются наиболее эффективные упражнения, направленные на оптимизацию процесса обогащения и закрепления лексики.

Система упражнений, направленная на оптимизацию процесса обучения лексике на уроках английского языка

Итак, одной из наиболее интересующих тем для выпускников является тема работы – будущей профессии, и владение английским языком дает учащимся много возможностей и перспектив в выборе своей профессии. **Тема урока «The world of a work»**

1. Начиная работу с учащимися, учитель с целью вызвать интерес учеников, задает разного рода вопросы, так он не только разогревает интерес, а также определяет, насколько хорошо учащиеся выучили лексику по теме урока:

Teacher: What jobs and professions do you know?

Possible answers: coach, confectioner, chimney sweep, doctor, engineer, florist, ect.

Teacher: What are the most popular jobs and professions in our time? Why?

Possible answers: I think the profession of the doctor / of the teacher is so popular because it is necessary for the society.

2. Учитель записывает в один столбик слова и фразы о том, что вы можете сделать с работой, затем вызывает к доске трех учеников и просит разделить их на три столбика. Так происходит процесс семантизации лексических единиц, то есть учащиеся осознают, в каких ситуациях данные слова и фразы нужно использовать, и осознанно подходят к этапу использования лексических единиц в разных видах речевой деятельности: **The 1st group** – getting a job, apply for a job, have a job interview, write a CV, look for a job;

The 2nd group – leaving a job, retire, be retired, resign from a job, make somebody redundant;

The 3rd group – not having a job, be unemployed, be out of work;

3. Вставьте подходящее слово в предложение.

Учащиеся выполняют данное упражнение для комбинирования лексических единиц с другими, уже знакомыми ученикам лексическими единицами английского языка. Учитель должен не просто выполнять одно упражнение за другим, он должен постоянно развивать тему, заставляя учащихся высказывать свое мнение о каждой фразе или предложении, перед выполнением упр. В процессе презентации новых лексических единиц, ученики проговаривают каждое слово:

- recruit – новичок
- perk – приработок
- shift – смена
- trainee – стажер
- challenge – требование
- supervision – надзор, контроль
- promote – продвижение
- available – доступный, наличный

1. She had to stay at the hospital because _____ hasn't come.
2. Workers have _____ when they do their work successfully.
3. Her main profession is a doctor. But she also works as a nurse to have a _____.
4. If _____ has passed trial period he will get a job.
5. The Millers company has _____ thanks to its ambitious and broadminded workers.
6. This company has high _____ for its employees.
7. Drug manufactures work under a strict _____.

4. Теперь учащиеся выполняют задание в устной форме, по очереди выходя к доске, учитель показывает ему слово на карточке, после чего учащийся объясняет значение слова классу.

1. When you do things successfully, and when you have it you get ahead (achievement).
2. A document with marks for exams that you have passed and about your qualifications (certificate).
3. It is a document with details of your history of work, and with you skills and abilities (CV – curriculum vitae).
4. When your employer makes you to leave your job (fired).
5. Meeting with an employer who offers you a job (interview).

Упражнения и алгоритм работы с игровым методом для обогащения лексики

Роль игры на уроке английского языка так же очень важна, так как занятие становится для них более интересным и увлекательным.

Игра «Лото»

Учитель заранее подготавливает 20 карточек, на каждой из них написано две профессии на русском языке, затем учитель делит карты на две колонки, и соответственно вызывает двух учеников, каждый из них получает 10 пуговиц или монеток. Игра на скорость, каждый ученик, по мере того как называет слова, указанные на карточке, кладет на нее монетку и переходит к следующей карте, и так до последней карточки. Выигрывает тот, кто быстрее назовет все профессии. Но учитель имеет право снять 2 балла за каждую незакрытую карту. Затем преподаватель вызывает еще несколько пар учеников из разных команд. Данная игра способствует многократному повторению изучаемого материала и новых лексических единиц, а также ее можно провести по любой лексической теме. В конце учитель подсчитывает баллы каждой команды и определяет победителя.

Игра «И раз..., и два!»

Для проведения этой игры также понадобятся изображения людей не просто разных профессий, а людей, выполняющих работу по своей профессии. Преподаватель составляет по одному предложению к каждому из изображений, но предложения разделены на несколько частей и смешаны между собой. Изображения стоят в одной колонке, а в другой предложения вразброс. Вызывает к доске одного ученика и засекает время, за которое он выполнил задание. В первую очередь учащийся устанавливает правильную последовательность слов в предложениях (он может начать с любого), затем он должен определить к какому изображению относится каждое предложение. После преподаватель вызывает ученика из другой команды. В финале игры победу одерживает тот, кто быстрее выполнил задание.

Упражнения, способствующие формированию и развитию продуктивных лексических навыков

Работа с фильмами и видеоматериалами на уроках английского языка также является важным элементом в совершенствовании фонетических и лексических навыков учащихся. При работе с фильмами у учащихся

задействованы все виды речевой деятельности: аудирование, говорение, чтение и письмо.

По теме «*The world of a work*» мы решили использовать несколько отрывков из фильма «*The pursuit of Happiness*».

Подготовительный этап. На этом этапе преподаватель дает название фильма. Цель этапа: мотивирование учащихся, снять возможные сложности восприятия текста и подготовить к выполнению заданий.

1. Предсказание. Перед просмотром учащихся просят догадаться по названию, о чем фильм, как он может быть связан с темой урока. На этом этапе преподаватель задает учащимся:

- 1) наводящие вопросы, по которым они могут легко догадаться, о чем фильм, какая главная идея фильма;
- 2) учащимся могут быть также предоставлены наглядные материалы – картинки и фотографии, взятые и видеоматериала.

2. Далее преподаватель выписывает незнакомые слова на доске, чтобы они не вызвали трудностей при просмотре фильма, затем необходимо проанализировать грамматическую структуру каждого слова и выражения. Например:

You'll probably ultimately rank – Выше головы не прыгнешь.

You'll excel at a lot of things – У тебя масса талантов.

To be dressed as a garbage man – Быть одетым как человек со свалки.

3. После этого преподаватель дает учащимся краткое содержание фильма, просит их при просмотре выделять ключевые моменты, то есть в чем смысл фильма, чему он учит, правильно ли ведут себя герои в данной ситуации. На эти вопросы они ответят после просмотра фильма.

Просмотровый этап. Основная цель преподавателя – убедиться в том, что учащиеся поняли содержание фильма, развитие языковой компетенции учащегося, учитывая уровень их знаний. Выполняются задания на поиск конкретной информации в фильме.

1) проверяют предсказания, которые делали учащиеся перед просмотром. Например:

Teacher: Ann has said that the protagonist of the film a rich man. Now, was her prediction correct?

Pupil: No, it wasn't. Chris Gardner is a poor man, he is looking for a good job.

Teacher: Nick, you've said that this film is about a man who faced up with difficulties, but in the end he succeeded. Was your prediction correct?

Pupil: Yes, my prediction was correct.

2) заполнить пропуски в диалоге, который учащиеся уже прослушали в отрывке из фильма.

- Christ Gardner. Good to see you again. I've been sitting there 1 _____.

trying to come up with the story, that would explain my being there dressed like this. And I wanted to come up with a story that would demonstrate qualities, that I'm sure you all admire here, like 2 _____ and 3 _____.

But the truth is I was arrested for 4 _____.

- But what were you doing before you was arrested?

- I was 5 _____.

- Jay say that you are pretty determined. He said you are 6 _____.

- Well, I like to think so.

- And you want to 7 _____?

- Yes, sir.

3) желательно обсуждать детали эпизода или выписывать непонятные слова и фразы, делать краткий пересказ эпизода. Например:

Where does the action take place? Who are the main characters in this film?;

4) не менее полезным упражнением во время просмотра видео материала является дублирование фильма по ролям, такое задание поможет учащимся правильно интерпретировать текст, правильно передать смысл фильма на родном языке.

Постдемонстрационный этап. Основной его целью является формирование и развитие коммуникативной компетенции учащихся. Упражнения, которые должны быть выполнены учащимися:

1. Проверяют выполненные упражнения

Answers: 1 for the last half-hour; 2 earnestness; 3 diligence; 4 for failure to pay parking tickets; 5 painting my apartment; 6 smart; 7 to learn this business;

2. True, False or not given

A. Chris Gardner has a daughter – False

B. Linda leaves him because he has no money – True

C. Chris had a difficult childhood – Not given

3. Одним из наиболее важных заданий на этом этапе является **обсуждение**. Наиболее эффективной формой обсуждения является организация дискуссий, анализ происходящего на экране.

Например: *Chris's wife always reproaches him instead of supporting him, is she right? Or Do you like the 1st interview of Christopher Gardner?*

Работа с видеоматериалами и фильмами на уроках иностранного языка, безусловно, результативна, но важно помнить о правильной организации такого урока и о возможностях учащихся: видеоматериал / фильм должен соответствовать этапу обучения школьников.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гез, Н.И. Методика обучения иностранным языкам в средней школе / Н.И. Гез, М.В. Ляховицкий, А.А. Миролюбов. – М.: Высш. Школа, 1982. – 373 с.
2. Долгова, Л.А. Методика как теория и практика обучения иностранным языкам / Л.А. Долгова. – Нижний Новгород, 1994. – 336 с.
3. Коньшева, А.В. Современные методы обучения английскому языку / А.В. Коньшева. – Минск: ТетраСистемс, 2004. – 175 с.
4. Пассов, Е.И. Урок иностранного языка в средней школе / Е.И. Пассов. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Просвещение, 1988. – 223 с.

Материал поступил в редакцию 31.08.16.

**WAYS OF EXPANSION OF STUDENTS' VOCABULARY
AT SENIOR STAGE OF LEARNING FOREIGN LANGUAGE**

О.Т. Baranova, Student

Dagestan State University (Makhachkala), Russia

***Abstract.** In article the process of expansion and activization of vocabulary at senior stage of learning foreign language is considered. Improvement of lexical skills at students at senior stage of learning is one of the leading issues in pedagogics today. The relevance of this issue is also determined by task which faces teachers – development of communicative competence of student. Also in this article the ways of expansion of vocabulary in the context of new requirements to language education are defined.*

***Keywords:** lexical part, skills, communicative competence, games, video material.*

UDC 80

THE ACTUAL PROBLEMS IN PHILOLOGICAL CONTEXT OR THE TERRORISM OF FREEDOM

T.A. Boborykina, Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor of Department for Interdisciplinary Linguistic and Literary Studies
Saint-Petersburg State University, Russia

Abstract. *The essay explores some of the actual problems, such as paradoxes of freedom, politics and religion in the philological context. The very concept of freedom is regarded through the prism of the opposite philosophies of Dostoevsky and Marquis de Sade. The essay advances the idea that freedom from inner censorship, and from the ability to tell the good from the evil – is no longer a freedom, but instead, a self-will. Such kind of “liberty”, asserted by the French ideologist of “sadism”, which knows nothing sacred, nothing “higher than man himself” leads to self destruction. This devastating tendency is defined in the essay as “the terrorism of freedom”.*

Keywords: *freedom, terrorism, Dostoevsky, Marquis de Sade, Albert Camus, N. Berdyaev.*

A currently discussed seemingly ridiculous burkini (women’s Islamic swimwear) problem highlighted the paradoxical controversy of freedom. By various laws women in France were prevented from swimming in a public wearing a suit which covers almost the whole body except face, hands and feet. The design is intended to accord with Islamic traditions of modest dress. However, this does not accord with European culture today. How does the law accord with the human rights? How does it all accord with deep-rooted French ideas of Liberty and Equality?

The “dress code” discourse brings back to mind the tragic events in the French publishing house, also connected with religious issues and controversy of values and freedoms.

Let us consider how philological aspects may help understand the roots and consequently the meaning of the basic issues that modern society has to face.

The term “terrorism” (from Latin *terror*) appeared in the end of the 18th century during the French Revolution and meant the policy of the State terror. Later it gained more universal meanings, like the use of violence and threats especially for political purposes; also the state of fear and submission produced by terrorism etc.

The concept “freedom” is a more complicated one and has much more meanings. In the context of our topic it may be reduced to liberties and the rights of a person.

Today liberties are rapidly broadening the borders – from legal one-sex-marriages and families of three parents to sex education in some European and Canadian schools¹, where the breadth of the subject interpretation can compete with the impudence of Marquis de Sade’s fantasies. In this respect, liberty is basically tending towards infinity.

In the field of *freedom of speech* today it often means publishing the unprintable or blasphemous, which usually does not go beyond political or favorable conjuncture, and not necessarily leads to an objective representation of truth.

It seems like the most difficult part of *freedom* is to define by person himself what is permissible and what is not. It was Dostoevsky who – through the words of the Grand Inquisitor addressed to Christ – had warned about this difficulty of choice: “... man must hereafter with free heart decide for himself what is good and what is evil, having only Thy image before him as his guide. But didst Thou not know that he would at last reject even Thy image and Thy truth, if he is weighed down with the fearful burden of free choice?”²

The similar question, one may guess, rises over the tragedy performed not so long ago in Paris at the office of Charlie Hebdo the French satirical magazine. Here opposite liberties met face to face, causing a dramatic clash. The extreme tensivity of the collision requires analyses and a brief excursus into history and literature.

The issue of freedom, of its current state of limits and boundlessness is explored here through the text of the French Revolution times writer – Marquis de Sade and also through the ideas of freedom as expressed by Feodor Dostoevsky, Nikolai Berdyaev, Albert Camus and others.

We all remember too clear that on January 7, 2015 there was an attack against the office of Charlie Hebdo, the magazine which not once had published caricatures on what we would call *Sacred values*, including the Islamic Prophet Muhammad, Coran, etc., and 12 people were killed. Then there was the march of several million people, most of whom were holding a slogan “Je suis Charlie”. As various resources state, “the slogan was adopted by supporters of freedom of speech and freedom of the press, and became the symbol of solidarity against terrorism”.

Yet, although spread all over the world in various modifications, the slogan had not been shared by everyone and the opposite statement was put forward: “Je ne suis pas Charlie”. This means, that the support of *freedom of speech* and solidarity against terrorism does not necessarily mean the support of the way of understanding of the *freedom of speech* and its limits.

According Charlie Hebdo, they employ their satire against dogma, hypocrisy, old-fashioned clichés and limitations of liberties. Still, their quite brutal caricatures do not produce an impression of the freedom of thinking, and often look rather like plain vulgarity. They may be seen in one of the blogs, eloquently entitled “Caricatures to the Freedom of Speech.”

In this respect Prince Charles-Philippe d’Orléans, the Duke of Anjou states: “I will go against the emotional tide and break with the ‘I Am Charlie’ movement. No, I am not Charlie, because I never liked that Manichean newspaper.

Charlie Hebdo is a vulgar rag that treats all opinions except its own with contempt, and which, under the guise of freedom of expression, allows everyone to act provocatively... So I refuse ... to defend Charlie, because I simply do not understand what it is I should defend. ... Honor the memory of the victims, yes. Pay tribute to Charlie Hebdo, no.”³

To this we would add yet another citation, this time from Nataliya Narochitskaya – a Russian politician, historian and diplomat, President of the Historical Perspective Foundation, director of the Paris office of the Russian Institute of Democracy and Cooperation. This is what she had to say in the discussed context, “I always considered that any religion could not be subject of mockery and insults. There is no freedom of speech behind this. It’s just common dissoluteness. Freedom may be understood in various ways: I am free – nobody can humiliate me, insult or slap me in the face. Or: I am free – I can slap anybody in the face, humiliate and insult.”⁴

As a rule, those who speak about the Parisian tragedy, focus on the encroachment upon liberties, upon freedom of expression. However, we face here the drama of a more complicated structure as on the other side of this conflict there is an encroachment upon the sanctity of faith.

It is obvious, that all this bears historic roots, which go as far as the French Revolution with its key words: “Liberté, égalité, fraternité”, each being far from monosemantic.

The revolution (as revolutions usually do) had grudges against God. It bore an apostate, atheistic character and perhaps this inevitably hall-marked further development of history and culture and still prevents the French admitting the existence of other cultures where faith and religion remain sacred notions.

Jacobins with their widespread program of execution and the Reign of Terror called themselves “friends of liberty and equality” (“amis de la liberté et de l’égalité”). Storming the Bastille in 1789, they freed among other prisoners Marquis Donatien Alphonse François de Sade. As he later supported the Republic, he called himself “Citizen de Sade” and managed to obtain several official positions despite his aristocratic background.

The revolutionary politician, philosopher and a writer, famous for his libertine, outnumbering *fifty shades of grey* sexuality, and for his notorious novels, may to a certain extent be called the ideologist of the revolutionary subvert of the “old world” morals. The program of the ultimate overthrow is most fully presented in his essay *Yet Another Effort, Frenchmen, if You Would Become Republicans (Français, encore un effort si vous voulez être républicains)*, which primordially had been part of the *Philosophy in the Bedroom (La philosophie dans le boudoir, 1795)*, the novel where all restrictions, from ethical to religious, are removed.

In the first chapter of the essay – *Religion (La religion)* de Sade claims Liberty to be “the unique idol”, calls God – “an unworthy phantom”, saying that “...theism in its essence and in its nature the most deadly enemy of the liberty we adore”, and concludes: “Let us condemn the first of those blessed charlatans who comes to us to say a few more words either of god or of religion, let us condemn him to be jeered at, ridiculed, covered with filth in all the public square and marketplaces in France’s largest cities.”⁵ Doesn’t all this sound in accordance with the ideology of Charli Hebdo?

In the next chapter *Manners (Les mœurs)*, the author carries on: “... no more gods, Frenchmen ... it is only by jeering that you will destroy them.”⁶ These notions seem to fully meet the tasks and the stylistics of the discussed satirical magazine.

Unfortunately, it has become a trend, and in Russia as well, to present blunt platitude under the guise of freedom of expression. As if another cover of the Charli Hebdo, though slightly more artistic, looks the poster to a recent notorious Novosibirsk production of Richard Wagner’s *Tannhäuser*⁷. The playbill, which even the advocates of the performance do not dare to describe aloud, revives the precepts of Citizen de Sade: “It would hence not be merely to tolerate indifferently each of the cults that I should like to see us limit ourselves; I should like there to be perfect freedom to deride them all, I should like men, gathered in no matter what temple to invoke the eternal who wears their image, to be seen as so many comics in a theatre at whose antics everyone may go and laugh.”⁸

There are heated discussions pro and contra these liberties in Russia today. The adepts of ultimate freedom seem to be against any kind of censorship in which they fancy the terrible “apparition of communism” arising from the past.

According to de Sade, freedom means the right to be dissolute, the right to do whatever one wants, including murder. At this point citizen-marquis asks a rhetorical question: “...our ideas touching murder may surprise for their boldness. But does that matter? Have we not aquired the right to say anything? the time has come for the ventilation of great verities; men today will not be content with less.”⁹ Does not this “today” sound quite up to date?

Albert Camus who, by the way, using the money he received with his Nobel Prize, had adapted and directed for the stage Dostoyevsky’s *The Possessed (Demons)* in 1959, published a book *The Rebel*¹⁰ where one chapter – *A Man of Letters* – is dedicated to de Sade. Examining various revolutions, and in particular the French one, Camus argues that most revolutions involved a fundamental denial of both history and transcendental values. This is what he has to say about the *man of letters*, de Sade: “He rejects, with exceptional perspicacity for his times, the presumptuous alliance of freedom with virtue. Freedom, particularly when it is a prisoner’s dream, cannot endure limitations. ... Sade’s success in our day is explained by the dream that he had in common with contemporary thought: the demand for total freedom ... Two centuries ahead of time and on a reduced scale, Sade extolled totalitarian societies in the name of unbridled freedom – which, in reality, rebellion does not demand. The history and the tragedy of our times really begin with him.”¹¹ Though Camus’s book was written in 1951, the cited passages sound as if written today.

The question about the right and the freedom to kill is also asked by Dostoevsky’s character of *Crime and Punishment*, who keeps drawing parallels between himself and Napoleon and in this one can sense an allusion to the French Revolution and at the same time the prophesy of the Russian revolution to come. Raskolnikov, unlike Pushkin’s Hermann¹², who is also compared to the great Frenchman, comes to an old woman not with a romantic pistol, but with an ax, partly similar to the weapon

of the French Revolution – guillotine. Although Hermann did not kill the old woman, he only frightened her to death; he still was punished by total loss of both money and mind for this kind of unwilling crime. As for Dostoevsky's Raskolnikov, he commits murder in the very beginning of the voluminous novel, the rest of which is the long way of the hero to an understanding that what he had done was a *crime*. And his crime began with a far too literal perception of the French idea of *liberty* and *rights*.

The questions of the rights and liberties also rise in Dostoevsky's *The Possessed*. In this novel revolutionary ideas are straightforwardly mixed up with de Sade's perversity¹³, and there emerges a prophetic insight that the sense of difference between the detestation of evil and the beauty of virtue is gradually eliminating and disappearing¹⁴.

In another of Dostoevsky's novel – *The Brothers Karamazov* – one of the most provocative ideas is “Without God, everything is permitted”. All of the main issues in the novel are presented in *The Legend of the Grand Inquisitor* from an eternal perspective.

The secret of the Inquisitor, a preacher of faith, is that he does not believe in Christ. And even after having encountered Jesus face to face, he disavows Him, arguing in favor of man and the right of free choice that Christ has given him. The Inquisitor assures Christ that “nothing is more seductive for man than his freedom of conscience, but nothing is a greater cause of suffering”. Here we have the leitmotif of “the fateful dialectic of freedom”¹⁵ of which the Russian religious philosopher Nikolai Berdyaev speaks analyzing Dostoevsky's *World Conception*. Berdyaev states: “Freedom as a self-will destroys itself, and transforms into its antipode, it corrupts and spoils a man, when he in the violence of freedom does not want to know anything higher than a man. If there is nothing higher than a man than there is no man too. If freedom is not connected ... with Godly freedom, than there is no freedom. If everything is permitted to a man, than humanly freedom transforms into a slavery of a man to his own self... Such is the inevitable dialectics of freedom.”¹⁶

In our view, freedom of censorship is a wonderful thing. But freedom of the inner censorship, of the necessity to differ the good from the evil – this is a substitution of notions; this is no longer freedom, but willfulness. This is the way to a deadlock, which had been marked by the founder of the “sadism”. This is the kind of such terrible freedom, which does not want to know anything sacred, anything higher than a man, and which finally annihilates the man himself. This is what we would call the *terrorism of freedom*.

Notes

¹ Thousands of parents keep kids home from school in sex-ed protest. – URL : www.thestar.com/yourtoronto/education/.

² Dostoevsky, F. M. *The Brothers Karamazov* / F. M. Dostoevsky. – L. : Nauka, 1976, V. 14. – P. 232.

³ Je ne suis pas Charlie ~ Prince Charles-Philippe d'Orléans. – URL : <https://thewallwillfall.wordpress.com/.../je-ne-suis-pas-charlie-prince-char>.

⁴ URL : www.narochnitskaia.ru/...dyi-strelba-v-parizhe-kak.

⁵ Marquis de Sade. *Philosophy in the Bedroom*. Translated by Richard Seaver and Austryn Wainhouse, Digitized and typeset by Supervert 32C Inc. – 2002. – P. 91–98.

⁶ Ibidem, P. 100.

⁷ First night performance: December 2014.

⁸ Marquis de Sade. *Philosophy in the Bedroom*. Translated by Richard Seaver and Austryn Wainhouse, Digitized and typeset by Supervert 32C Inc. 2002. – P. 100.

⁹ Ibidem, P. 115.

¹⁰ *L'Homme révolté*, 1951.

¹¹ Albert Camus. *Man in Revolt* With a Foreword by Sir Herbert Read A revised and complete translation of *l'homme revolte* by Anthony Bower.

¹² Pushkin, A. S. *The Queen of Spades* / A. S. Pushkin.

¹³ Dostoevsky, *The Brothers Karamazov* / F. M. Dostoevsky. – Complete works in 30 volumes. – L. : Nauka, 1976. – vol. 10. – P. 201.

¹⁴ Dostoevsky, F. M. Ibid.

¹⁵ Berdyaev, N. A. “Dostoevsky's World Conception” in *The Philosophy of Creativity, Culture and Art* / N. A. Berdyaev. – M., 1994. – Vol. 2. – P. 124–125.

¹⁶ Ibidem, P. 18.

Материал поступил в редакцию 05.09.16.

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОСТИ В СВЕТЕ ФИЛОЛОГИИ ИЛИ ТЕРРОРИЗМ СВОБОДЫ

Т.А. Боборыкина, кандидат филологических наук,

доцент кафедры междисциплинарных исследований в области языка и литературы

Санкт-Петербургский государственный университет, Россия

Аннотация. В статье исследуются некоторые актуальные проблемы – парадоксы толерантности и свободы политики и религии в филологическом контексте. Само понятие свободы рассматривается через призму философии таких разных писателей, как Достоевский и Маркиз де Сад. Проводится мысль о том, что свобода от внутренней цензуры, от возможности отличить «добро» от «зла» – уже не свобода, а своеволие. Такая свобода, утверждаемая французским идеологом «садизма» не желающая знать ничего святого, ничего «высшего, чем человек», в конечном счете, уничтожает самого человека, разрушая его изнутри. Эта опасная тенденция и определяется в статье как «терроризм свободы».

Ключевые слова: свобода, терроризм, Достоевский, Маркиз де Сад, Альбер Камю, Николай Бердяев.

УДК 81

ЯЗЫКОВОЕ СОЗНАНИЕ В СТРУКТУРЕ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

Т.В. Мальцева, кандидат психологических наук, доцент
Санкт-Петербургский государственный университет, Россия

Аннотация. В статье рассматривается языковая личность как носитель индивидуального и коллективного языкового сознания. Дается типология коммуникативного поведения на основе культурно-специфических особенностей коммуникантов и характеристика вербальных и невербальных средств отражения ментально-лингвального комплекса индивидуума.

Ключевые слова: языковое сознание, языковая личность, языковая культура, мультикультурное пространство, языковая картина мира, культурно-специфические особенности.

Язык как индивидуально-психическое и социальное образование отражает процесс становления идентификационной принадлежности личности к языковой культуре, насколько данная личность умеет использовать язык в общении, понимая речевое высказывание и выражая свои мысли. С помощью языковых средств личность планирует свою деятельность и организует её, ориентируясь в мультикультурном пространстве. Она выступает носителем языкового сознания, как коллективного, так и индивидуального, поскольку формируется как языковая, преломляя через свою индивидуальность все реалии окружающей действительности в образах и представлениях, которые хранятся в коллективном сознании.

На актуальность и важность исследования языкового сознания, осознания своей этнической принадлежности и знания языковой картины мира указывали в своих трудах многие авторы ещё прошлого века, а именно, П.Я. Гальперин, М.М. Гохлернер, А.А. Залевская, Г.В. Ейгер и И.А. Рапопорт [2, с. 29] определяли языковое сознание как «... один из видов обыденного сознания – это средство формирования, хранения и переработки языковых знаков и выражаемых ими значений, правил их сочетания и употребления, отношения к ним человека». Они выделяли функции языкового сознания с позиции понятия его в общем смысле как «сознания» и в узком смысле как «объекта». На основе специфических особенностей языка действуют следующие функции языкового сознания [2, с. 30]:

- отражательная;
- оценочная;
- регулятивно-управляющая;
- интерпретационная;
- селективно-ориентировочная.

Данные функции образуют иерархически организованную систему, в которой язык является средством отражения и регулирования речевого поведения. Кроме своей основной функции – отражения действительности, языковое сознание отбирает такие средства общения, которые помогают носителю языка ориентироваться в окружающей обстановке.

По мнению авторов, языковое сознание существует в виде индивидуального, коллективного и группового. Причём первое, на наш взгляд, является наиболее важным в рамках концепции самообразования личности, поскольку именно различия в осознании индивидуумом лингвистической действительности дают повод педагогам задуматься о принципиальных особенностях разных стратегий обучения.

В коллективном и групповом сознании отражаются этнопсихолингвистические реалии национальной культуры общества. Они влияют на становление внутреннего мира человека, который формирует своеобразный национальный колорит, выражающийся в словоупотреблении и речевом поведении, и обычно называемый менталитетом. Языковые ассоциации определяются разными культурными обычаями и традициями этнических групп. В языке выражается всё, что значимо для данной культуры. Таким образом, через призму языка можно увидеть и составить картину (модель, образ) мира.

А.А. Залевская [3, с.87] рассматривает языковое сознание с позиции образа мира. В своей книге она ссылается на определение А.А. Леонтьева «... образ мира – это отображение в психике человека предметного мира, опосредованного предметными значениями и соответствующими когнитивными схемами и поддающееся сознательной рефлексии». Языковое сознание связывают с понятием языковой нормы и в узком смысле называют его критерием правильности языкового высказывания.

Любое речеобразование начинается с уровня восприятия и складывается из интерактивных и информационно воздействующих факторов, которые в свою очередь обуславливаются национально-культурной специфичностью индивида. В языковых единицах любого иносоциума проявляются зачастую разные отношения к жизнедеятельным категориям человеческого бытия. В результате этого при усвоении иностранного языка в сознании носителей разных культур происходит столкновение психических образов и представлений и, как следствие, возникновение явления интерференции языковой картины мира [5]. Адекватность коммуникативного

поведения иноязычных коммуникантов предполагает некое когнитивное единство в соприкосновении разных культур. Оно должно лечь в основу разработки учебной стратегии поведения. На уровне восприятия это механизмы различения, узнавания и осмысления преподносимой информации. От их слаженного функционирования зависит в целом процесс взаимопонимания иноязычных реципиентов. С первых минут общения воспринимающий собеседник проявляет встречную мыслительную активность, направленную на постижение цели говорящего, которая бывает зачастую обусловлена культурно-специфическими особенностями данных менталитетов. Стратегия коммуникативного поведения будет складываться из тех образов и представлений, которые заложены в языковом сознании речевых партнёров с детства и поддерживаются в их ментальном окружении на протяжении всей жизни. Механизм регулирования процессов понимания / не понимания целей и намерений говорящего будет зависеть от того, насколько идентично преподаватель поможет студентам построить линию поведения в следующих ситуациях в рамках учебного моделирования.

Ситуация общения как понимания действительности предполагает окружение, в котором происходит обмен информацией. Разговаривают два немца:

- Это опять Шмидт.
- Нет, это Шульц.
- А где его старая.
- Наверное, в новом.

На первый взгляд ситуация кажется нереальной, если не знаешь, что в Германии сейчас возникла новая профессия – мусорные детективы, которые по обрывкам бумаг узнают «преступников», бросивших макулатуру не в тот контейнер. Так в этой стране с детства воспитывают экологическое мышление.

Лексическая трудность – многозначность и омонимия. В зависимости от контекста одно и то же обозначение может иметь разное содержание, напр. «waschen» - мыть, стирать. В языковом сознании немца глагол waschen ассоциируется как с руками, так и с бельём. Тогда как у русского это два разных глагола. Трудности эти преодолимы, если усвоение иностранного языка опирается на речевые контексты, ситуации, в которых эти единицы употребляются. Они помогают говорящему выбрать адекватный вариант.

Грамматические трудности встречаются, если законы соединения языковых единиц поверхностной синтаксической структуры расходятся с её глубинной структурой. Легче усваивается фраза по модели: S – P – O. При расхождении требуется дополнительные мыслительные операции трансформации, например, в немецком языке отрицание отрицания: Kommst du nicht mit? Doch, ich komme mit. В русском языке большую трудность представляют предложения, построенные на семантической инверсии с двойным отрицанием: Я не привык, не выполнять домашнее задание.

Установка – особое состояние психики готовности к восприятию определённого объекта на основе вероятностного прогнозирования ситуации [1]. Например, если следовать определённым правилам социокультурного менталитета, то установка с отрицанием не значительно облегчит взаимопонимание субъектов коммуникации. Вот несколько примеров-советов, которые помогут заранее определиться при выборе адекватной линии коммуникативного поведения:

- не следует ожидать от немцев в ответ того же, что ты сделал для них сам;
- не делитесь с молодыми немцами своими восхищениями об их стране;
- не звони по телефону после 9 вечера;
- не подходи при разговоре к собеседнику близко;
- не приходи в гости раньше назначенного срока.

Зависимость языкового отображения в психике человека от предметного мира исследуют по следующим вербальным критериям [1]:

1. тип характера человека, напр., эстонский – «горячие эстонские парни»;
2. цветообозначения:

слово «белый» ассоциируется у большинства русских со снегом, у узбеков – с хлопком, у казахов – с молоком;

3. народно-поэтические традиции:

у киргизов ассоциации на слово «волк» положительные;

4. зоосравнения:

у казахов слово «пчела» ассоциируется «со злобностью, недовольством»;

у русского со словом «трудолюбие»;

5. комплименты:

например, в Египте «гусыня» – ласковый комплимент, в русской культуре – оскорбление;

6. безэквивалентная лексика, обусловленная национально-культурной спецификой, например, слово «загулял» непонятно без конкретной ситуации.

Невербальные критерии:

1. жесты, например, загибание у русских и разгибание пальцев у американцев при счёте или жесты подтверждения и отрицания разные у русских и болгар;

2. оптимальное расстояние при межличностном общении европейцев – 45 см. У японцев – 25 см.;

3. этикетные традиции, например, разные виды поклонов у японцев.

В коллективном языковом сознании отражается специфика социально-культурной эпохи, которая проявляется в типологических особенностях языковой личности. В.И. Карасик [4] выводит три приоритетные позиции социальных типов современной России. Это – «Братан», криминальная личность, узнаваемый по тюремному жаргону и специфической интонации; «Новый русский», изъясняется с помощью жаргона и приблизительных номинаций; «Телевизионный ведущий», его речь безупречна, он образован и интеллигентен. Та же лингвистическая действительность, с которой мы имеем дело при работе со студентами, отражает социальный тип интеллигентной образованной языковой личности.

Итак, языковое сознание в структуре языковой личности является своеобразным индикатором социально-экономического развития общества и несёт в себе черты как коллективной, так и индивидуальной формы отражения предметного мира. Составляющими языковой картины мира являются слова, словосочетания, простые фразы. Они представляют вербально-семантический уровень языковой личности и функционируют в её структуре в форме ощущений и восприятий. Концептуальную картину мира создают представления и понятия, которые формируются в структуре языковой личности на основе мышления и благодаря мнемическим процессам закрепляются на когнитивно-тезаурусном уровне в виде лингвистических структур, где хранится информация в закодированном виде. На высшем мотивационном уровне информация порождается на основе личных и общественных потребностей, обусловленных прагматическими целями и транслируется в виде коммуникативного текста (устного или письменного). Так представляется ментально-лингвальный комплекс языковой личности, причём качество каждого элемента данной системы зависит от индивидуальных особенностей человека, которые определяют его способности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Горелов, И. Н. Основы психолингвистики / И. Н. Горелов, К. Ф. Седов. – М., 2001.
2. Ейгер, Г. В. Язык и личность / Г. В. Ейгер, И. А. Раппопорт. – Харьков, 1991.
3. Залевская, А. А. Вопросы теории овладения вторым языком в психолингвистическом аспекте / А. А. Залевская. – Тверь, 1996.
4. Карасик, В. И. Язык социального статуса: монография. 2-е изд. / В. И. Карасик. – М. : ИЯ РАН, 1992; Гнозис, 2002. – 330 с.
5. Тарнаева, Л. П. Перевод и межкультурная коммуникация: лингводидактический аспект / Л. П. Тарнаева. – СПб: Петербург, 2008.

Материал поступил в редакцию 08.08.16.

LINGUISTIC CONSCIOUSNESS WITHIN THE STRUCTURE OF LINGUISTIC IDENTITY

T.V. Maltseva, Candidate of Psychology Sciences, Associate Professor
Saint-Petersburg State University, Russia

Abstract. *The article deals with linguistic identity as a carrier of individual and collective linguistic consciousness. The typology of communicative behavior based on culture-bound features of communicants is presented as well as characteristics of verbal and non-verbal means reflecting mental and lingual complex of a person.*

Keywords: *linguistic consciousness, linguistic identity, linguistic culture, multicultural medium, linguistic worldview, culture-bound features.*

УДК 80

СВЯЗЬ КАТЕГОРИИ КАУЗАТИВНОСТИ С КАТЕГОРИЕЙ ЗАЛОГА В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

А.С. Матвеева, аспирант, ассистент кафедры иностранных языков
Оренбургский государственный педагогический университет, Россия

***Аннотация.** Статья раскрывает понятия категории каузативности и категории залога в английском языке и их взаимодействие в тексте. Несмотря на то, что некоторые исследователи считают эти категории «валентностными», между ними существует существенная разница, семантические и функциональные различия не приравнивают каузативность к залогу, они являются самостоятельными отдельными категориями языка. Автор производит анализ данных категорий на примере английских диссертаций на соискание степени магистра.*

Ключевые слова: каузативность, залог, категория, каузатор.

Каузативные отношения являются важной формой всеобщей связи и взаимосвязи явлений объективного мира. Эта связь существует там, где на временную последовательность событий накладывается необходимое порождение одного другим. Началом процесса познания является выявление человеком характерных признаков предмета. Затем он задается вопросом о наборе признаков, характерных для данного предмета. В поисках ответа на этот вопрос познающий субъект ставит его в ряд с другими предметами и явлениями действительности, определяет тип связи между сосуществующими явлениями – так человеческая мысль движется от знания внешнего к знанию внутреннему, от одной формы связи и взаимозависимости к другой, более глубокой и более общей [4, с. 198]. Выясняя зависимость данного предмета или явления от других и его роль в порождении последующих событий, познающий субъект устанавливает причинно-следственные отношения между явлениями действительности.

Американский лингвист М. Сибатани так формулирует условия, при которых отношения между событиями квалифицируются как каузативные: «1. Зависимость между двумя событиями такова, что говорящий полагает, что наступление каузированного события происходит во время T2, которое наступает после T1-времени каузирующего события. 2. Зависимость между каузирующим и каузированным событиями такова, что говорящий полагает, что наступление каузированного события полностью зависит от каузирующего события. Зависимость двух событий в данном случае должна быть таковой, чтобы она позволяла говорящему делать вывод о том, что каузированное событие не имело бы места в то конкретное время, если бы не имело бы места каузирующее событие...» [4, с. 200]. Так выбор одной из языковых версий причинности ставится в прямую зависимость от точки зрения говорящего, познавшего данную каузативную ситуацию. Существование различных положений дел во времени и пространстве относительно данной каузативной ситуации (разных точек зрения) обуславливает деление всех версий причинности на проспективные и ретроспективные. Первые предполагают представление каузативной ситуации с точки зрения непосредственного наблюдателя: субъект познающий «видит», как один субъект (каузатор) воздействует на другой (другого), и сообщает нам об этом (в примерах подчеркнуто нами, А.М.): «However, motivation is a factor that the couple brings with them into therapy; essentially, it is considered to be an “internal” component of each member of the couple, and it makes the couple feel better» «Однако, мотивация – это основной фактор, на который должна опираться пара во время лечения; по сути, он считается «внутренней» составляющей каждого члена супружеской пары, и это заставляет людей чувствовать себя лучше» [7]. «Engagement in the therapeutic process, as demonstrated by actions such as discussion with the therapist, is considered to be beneficial to the outcome of therapy, in that it allows the couple to take ownership of therapy» «Вовлеченность в терапевтический процесс, которая может быть продемонстрирована в результате бесед с врачом, благоприятно влияет на исход лечения, позволяя парам получить максимальный эффект» [8].

Говорящий воспроизводит в речи все то, что он воспринимает, представляет слушающему все компоненты каузативной ситуации, отражает их в своей речи (как в зеркале), «не включая» своего логического мышления, показывает слушающему каузативную ситуацию в объективном порядке следования ее составляющих (от причины к следствию). Это причинно-следственные отношения в момент причинения, порождения причинной следствия [5, с. 544].

«Назвать» каузативную ситуацию – это значит представить процесс причинения таким образом, как он происходит в объективной действительности. Для этого способа представления каузативной ситуации в языке предназначены предложения с каузативными глаголами [4, с. 201].

Грамматическое значение каузативных глаголов напрямую зависит от соотношения каузативности с понятием залог. Ряд исследователей (Т.А. Кильдибекова, И.Б. Долинина) считают каузативность, залог, результативность «валентностными» категориями, поскольку они всегда сопровождаются изменением валентностной структуры предложения [4, с. 201]. Поэтому часты сближения, и даже отождествления категории каузативности

и категории залога. При решении вопроса о том, является ли каузатив залогом, необходимо учитывать определение залога, данное А.А. Холодовичем: «Залог есть регулярное обозначение в глаголе соответствия между единицами синтаксического уровня и единицами семантического уровня. Короче, залог – это грамматически маркированная в глаголе диатеза» [5, с. 126]. По мнению Е.Е. Корди, в этом определении залога имеется в виду то, что «...при залоговых преобразованиях набор единиц семантического уровня, или участников ситуации, называемой глаголом, для каждого глагола остается постоянным, но меняется тип соответствия между единицами семантического уровня (субъектом, объектом, адресатом) и единицами синтаксического уровня – членами предложения» [2, с. 153]. Каузативное преобразование отличается от залогового тем, что добавленный участник ситуации (каузатор) увеличивает валентность исходного глагола на единицу. Он занимает привилегированную синтаксическую позицию подлежащего, а прежнее подлежащее понижает свой синтаксический ранг. Так, при каузативном преобразовании изменяется и семантическая, и синтаксическая структура предложения. Описанные выше различия позволяют исключить каузатив из числа залогов и рассматривать каузативность как самостоятельную категорию глагола [1, с. 202].

Выделяется 4 критерия отграничения каузатива от залога: «1. Каузатив выражает совершенно определенный смысл, тогда как залог не выражает смысла, т. е. не меняет лексического значения (точнее, денотативного значения) исходного глагола. 2. В языках, обладающих и залогом, и каузативом, форм залога не фразеологизуются; каузативы же фразеологизуются гораздо чаще. 3. Различные залогом никогда не сочетаются друг с другом в пределах одной словоформы; в ряде языков, однако, каузатив может сочетаться с залогом. 4. Залог никогда не выражается в словоформе дважды, тогда как двойные каузативы вполне обычны, и даже тройные каузативы не являются невозможными» [6] (в примерах подчеркнуто нами, А.М.): «The presence of safety and valuing of the therapeutic process allows the couple to overcome the impasse in their relationship that caused them to begin couple therapy. Couples are allowed to disclose their troublesome patterns of interaction in an environment which is experienced as unsupportive» «Наличие безопасности и оценки терапевтического процесса позволяет паре преодолеть тупик в своих отношениях и побуждает использовать данную терапию. Парам разрешается раскрывать и обсуждать свои проблемы в необычной для них, неблагоприятной среде» (в данном примере подчеркивается, что одна и та же каузативная конструкция может быть репрефигурована и дважды использована в тексте).

Таким образом, каузативность является самостоятельной категорией глагола. Семантические и функциональные различия не позволяют приравнивать ее к залогом. Каузативный глагол, как основной носитель каузативного признака, в каузативной оппозиции может иметь различное формальное выражение. Оппозиции могут быть полными либо неполными, но это не снижает статус каузативного глагола, поскольку, в отличие от некаузативного оппозиита, последний способен целиком называть каузативную ситуацию и ее участников [5, с. 544].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кильдибекова, Т. А. Функционально-семантическая категория каузативности в русском языке. Исследования по семантике. Семантика слова и словосочетания / Т. А. Кильдибекова. – Уфа : Фланта, 1984. – С. 8–18.
2. Корди, Е. Е. Модальные и каузативные глаголы в современном французском языке / Е. Е. Корди. – Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1988. – 153 с.
3. Мельчук, И. А. Курс общей морфологии / И. А. Мельчук. – Вена : Язык рус. культур, 1998. – 544 с.
4. Сымулов, М. Г. Способы выражения каузативных отношений в разноструктурных языках : На материале английского и чувашского языков : диссертация кандидата филологических наук : 10.02.20 / М. Г. Сымулов. – Чебоксары, 2005. – 198 с.
5. Холодович, А. А. Типология каузативных конструкций / А. А. Холодович. – Л. : Наука, 1969. – 126 с.
6. Шорохова, И. А. Аспекты семантики каузативных глаголов / И. А. Шорохова // Вестник Челябинского государственного университета. – № 8. – Челябинск, 2007.
7. Turner, Sh. M. The Relationship Between Social Networking and Self / Sh. M. Turner. – August, M.A., 2014.
8. Rewiring the State: The Privatization of Information Technology in the Ontario Public Service (1972-2003).

Материал поступил в редакцию 12.08.16.

THE CONNECTION BETWEEN CAUSATIVE AND VOICE CATEGORIES IN ENGLISH (ON THE MATERIAL OF THE MODERN ENGLISH)

A.S. Matveyeva, Postgraduate Student, Assistant of Department for Foreign Languages
Orenburg State Pedagogic University, Russia

Abstract. *The article defines the notions of causative category and voice category in English and their correlation in text. Despite the fact that some researches consider these categories valent, there is a significant difference between them; semantic and functional differences do not equate causative category with voice – they are separate linguistic categories. The author analyses these categories on the examples of English master dissertations.*

Keywords: *causative category, voice, category, causer.*

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА НА РУССКИЙ ЯЗЫК АНГЛИЙСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С НАЦИОНАЛЬНЫМ КОМПОНЕНТОМ

Е.А. Полякова¹, В.В. Волкова²

¹ кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии,

² студент факультета романо-германской филологии

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Ивановский государственный университет», Россия

Аннотация. В данной работе представлен анализ перевода особой группы английских фразеологизмов с компонентом «национальность». В ходе исследования было выявлено 70 фразеологических единиц, из которых 27 не переводятся в англо-русских фразеологических словарях. Выбранные фразеологические единицы разделены на три группы в зависимости от способа перевода.

Ключевые слова: фразеология, перевод фразеологизмов, национальная специфика фразеологизмов.

Фразеологизмы, или фразеологические единицы – это устойчивые словосочетания, знаки языка, обладающие особой природой и выполняющие особую функцию в языке и речи [1, с. 55]. Именно в них выражается вся суть и своеобразие нации. Еще Ф.И. Буслаев отмечал, что фразеологизмы – своеобразные микромиры, они содержат в себе «и нравственный закон, и здравый смысл, выраженные в кратком изречении, которое завещали предки в руководство потомкам» [2, с. 37]. Перевод фразеологизмов на данный момент является одной из важных проблем, которые исследует лингвокультурология – сравнительно молодое направление в науке, изучающее взаимодействие языка и культуры. Именно фразеологический фонд языка является «зеркалом, в котором лингвокультурная общность идентифицирует свое национальное самосознание» [5, с. 149], и во многих современных лингвистических работах фразеология рассматривается именно в контексте культуры.

Особое место во фразеологическом составе каждого языка занимают фразеологизмы с национальным компонентом. Следует отметить, что перевод такого рода фразеологизмов представляет большую трудность для переводчика именно из-за ярко выраженной национальной окраски, которую сложно передать в другом языке.

В данной статье предпринята попытка составить классификацию фразеологизмов с национальным компонентом по способу перевода. В ходе исследования было проанализировано 70 английских фразеологизмов с компонентом «национальность», отобранных из авторитетных англоязычных фразеологических словарей Oxford Dictionary of Idioms (далее в тексте ODI), Longman Idioms Dictionary (LID), а также из интернет-ресурсов TheFreeDictionary (TFD) и Cambridge International Dictionary of Idioms (CID). Полученный список был дополнен фразеологическими единицами из «Англо-русского фразеологического словаря» А.В. Кунина (К). При анализе перевода английских фразеологизмов на русский язык мы опираемся на фразеологический словарь А.В. Кунина, а также на «Англо-русский краткий словарь идиом, устойчивых выражений» Н. Белинской (Б).

По способу перевода фразеологические единицы были разделены на три группы в зависимости от сохранения, замены или отсутствия национального компонента в переводе. Мы опирались на классификацию способов перевода фразеологизмов, предложенную А.В. Куниным и разделяемую В.Н. Комиссаровым, которая включает следующее: 1) полный эквивалент; 2) частичный эквивалент: а) частичный лексический эквивалент и б) частичный грамматический эквивалент; 3) обертональный перевод; 4) описательный перевод; 5) дословный перевод (калькирование) [4, с. 4-17].

Из 70 фразеологизмов лишь девять сохранили при переводе на русский язык национальный компонент. В основном такие переводы были выполнены методом калькирования. В некоторых случаях появлялись варианты переводов, решающие разные задачи: одни объясняли значение английской фразеологической единицы, другие делали данный фразеологизм понятным для русской аудитории. Фразеологизм *something is rotten in (the state) of Denmark* представляет собой наиболее интересный случай перевода. Здесь мы сталкиваемся одновременно с шекспиризмом и с английской пословицей. В английском языке данный фразеологизм значит «something suspicious is going on (from Shakespeare's play Hamlet)» (TFD). Фразеологизм переводится как «подгнило что-то в Датском королевстве»; ≅ *какая-то скверна завелась* (К). В первом варианте используется метод калькирования, так как слова изначально принадлежат герою трагедии Шекспира, Марцеллу, наблюдающему появление призрака короля-отца и его встречу с Гамлетом. Во втором варианте оригинальная английская фразеологическая единица переведена на русский язык частичным лексическим эквивалентом. Он близок оригинальному фразеологизму по значению, стилистической окраске и образности, но несколько отличен по лексическому составу: опущен национальный компонент («Denmark») и использовано существительное «скверна» – смысловое развитие глагола «to rot» («гнить»). Таким образом, в русском языке может использоваться и первый, и второй перевод в тех случаях, когда с иронией говорится о признаках явного неблагополучия где-либо, особенно если причины не совсем ясны или о них предпочитают умалчивать. Другими примерами этой группы являются такие фразеологизмы, как *an Englishman's home is his castle* («дом англичанина – его крепость»; англичанин у себя дома – хозяин (К), «мой дом – моя крепость») и *the curse of Scotland* («проклятие Шотландии» и «девятка бубен») (К).

Группа фразеологизмов с замененным национальным компонентом самая небольшая: она представлена несколькими фразеологизмами, и в ней в основном использован перевод с помощью частичного лексического эквивалента. Особый интерес представляет собой фразеологизм *to take French leave*. В английских фразеологических словарях даются разные трактовки данной фразеологической единицы: «to make an unannounced or unauthorized departure (This expression stems from the custom prevalent in 18th-century France of leaving a reception or entertainment without saying goodbye to your host or hostess)» (ODI); «to leave work without permission for a time» (LID) с пометой «вышедший из употребления». В англо-русских фразеологических словарях встречается фразеологизм *French leave*, который переводится как: 1) уход без прощания; незаметный уход; ≅ уход по-английски; уход без разрешения, без предупреждения; прекращение работы без предупреждения (К); 2) уход без прощания, по-английски (Б). При этом в словаре Кунина указано, что данное выражение (*French leave*) считается устаревшим и обычно используется с глаголом «to take». Переводы «уход без прощания; незаметный уход», «уход без разрешения, без предупреждения» и «прекращение работы без предупреждения» являются описательными. Вариант перевода «уход по-английски» – частичный лексический эквивалент. При этом меняется национальный компонент («французский» – «английский»), что связано с тем периодом в русской истории, когда царил поклонение перед французской культурой и языком. Кроме этого фразеологизма, к данной группе можно отнести такие фразеологические единицы, как *it's all Greek to me* («это для меня китайская грамота») (К) и *The Dutch have taken Holland!* («открыл Америку!») (К).

Третья группа самая многочисленная, и представлена 31 фразеологизмом. Сюда входят как фразеологизмы, имеющие аналог в русском, не содержащий национального компонента, так и фразеологизмы, не имеющие аналога, которые могут переводиться лишь описательно. К фразеологизмам, которые имеют аналог в русском, относится, например, такой фразеологизм, как *if... then I'm a Dutchman* («даю голову на отсечение, что...») (К). К фразеологизмам, которые можно перевести только описательно, можно отнести выражение *to catch a Tartar* («встретить противника не по силам») (К), *excuse (pardon) my French* («простите за выражение»). Любопытно, что в последнем случае в русской разговорной речи широко используется выражение «извините/простите мой французский», сохраняющее в себе значение, стиливую окраску, лексико-грамматический состав оригинала, однако в авторитетных фразеологических словарях русского языка на настоящий момент отсутствует это выражение и объяснение его этимологии.

Таким образом, очевидно, что перевод английских фразеологизмов с национальным компонентом представляет собой непростую, но интересную для исследователя задачу. Результаты, полученные в ходе анализа переводов фразеологизмов с национальным компонентом, позволили нам установить, что в целом в словарях преобладает тенденция к переводу с отсутствием национального компонента.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белинская, Н. Англо-русский словарь идиом, устойчивых выражений и т.д. / Н. Белинская. – 2003. – 626 с.
2. Буслаев, Ф.И. Русские пословицы и поговорки / Ф.И. Буслаев. – Л.: Наука, 1984. – 286 с.
3. Кунин, А.В. Большой англо-русский фразеологический словарь / А.В. Кунин. – Издание 5-е. – М.: Русский язык-Медиа, 2006. – 1214 с.
4. Кунин, А.В. О переводе английских фразеологизмов в англо-русском фразеологическом словаре / А.В. Кунин. – Тетради переводчика, № 2. – М.: Международные отношения, 1964. – С. 3-19.
5. Телия, В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В.Н. Телия. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
6. Cambridge International Dictionary of Idioms. URL: <http://itools.com/tool/cambridge-international-dictionary-of-idioms> (англ.) (дата обращения 14.08.2016).
7. Longman Idioms Dictionary, 1998. – 402 p.
8. Oxford Dictionary of Idioms. Oxford University Press, 2004. – 352 p.
9. TheFreeDictionary. URL: <http://www.thefreedictionary.com> (англ.) (дата обращения 13.08.2016).

Материал поступил в редакцию 01.09.16.

TRANSLATION FEATURES OF THE ENGLISH PHRASEOLOGICAL UNITS WITH NATIONAL COMPONENT INTO RUSSIAN

E.A. Polyakova¹, V.V. Volkova²

¹ Candidate of Philology, Associate Professor of the English Philology Department,

² Student of Faculty of Romance and Germanic Philology

Ivanovo State University, Russia

Abstract. In this article the analysis of translation of special group of the English phraseological units with the nationality component is given. In the process of research 70 phraseological units have been revealed, 27 of which have no translation in the English-Russian phraseological dictionaries. The chosen phraseological units are divided into three groups depending on the translation way.

Keywords: phraseology, translation of phraseological units, national specifics of phraseological units.

УДК 81-114.2

КОНКРЕТИЗАЦИЯ В СИТУАЦИИ СЛУХОВ

О.В. Рамантова, магистр лингвистики, ассистент
Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет, Россия

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о языковой репрезентации конкретизирующих факторов в ситуации слухов. В этой связи автор дает характеристику коммуникативной ситуации порождения и передачи неподтвержденной или недостаточно проверенной информации и описывает значимость ситуативных факторов разной степени детерминированности в условиях общения, направленного на верификацию и проверку передаваемых сведений. Материалом коммуникативного анализа являются тексты из пьес У. Шекспира.

Ключевые слова: говорящий, коммуникативная ситуация, коммуникация, конкретизация, слухи, слушающий, Шекспир.

Основной задачей данного исследования является описать структуру ситуации слухов и показать особую значимость некоторых ситуативных факторов коммуникации разной степени детерминированности, которые влияют на проверку или подтверждение передаваемой информации.

Исходя из существующих наблюдений представителей прагма-коммуникативного анализа обычная коммуникативная ситуация включает в себя говорящего, слушающего (т.е. адресата), сообщение, обстоятельства коммуникации и источник информации [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7]. Это *основной и минимальный набор элементов*, которые необходимы, чтобы общение состоялось. Разница между ситуацией слухов и ситуацией, в которой слухи не передаются, заключается в следующем. В коммуникативной ситуации говорящий, как правило, является первоначальным источником слухов, и вся коммуникативная ситуация является первичной с точки зрения порождения информации. Что касается ситуации передачи слухов, то понятия источника информации и говорящего разделены. Иными словами, говорящий не является источником информации, а первичный источник присутствует в предшествующей ей коммуникативной ситуации, которая не выражена в тексте. Таким образом, основные различия между ситуацией слухов и обычной коммуникативной ситуацией заключаются в: 1) ролевой нагрузке говорящего; 2) характере самой ситуации слухов по ее рекуррентности, то есть она вторична с точки зрения порождения информации; 3) качестве информации относительно ее достоверности. Необходимо отметить, что в ситуации слухов существенную роль могут сыграть дополнительные ситуативные параметры. В связи с этим, целесообразно выделять разные типы коммуникативной ситуации передачи слухов: (1) ситуацию порождения слухов и (2) ситуацию передачи слухов.

Особую роль в случае передачи слухов играет *такой ситуативный фактор, как источник сообщения*. Указывая на него, автор сообщения выражает степень достоверности информации: *чем более определенно представлена информация, ее источник, тем более достоверной она становится, не соответствуя значению «слухи», тем меньше выражено значение «слухи»*. Источник информации выражается различными языковыми средствами. Это может быть указание в виде нарицательного имени существительного или неопределенно-личного местоимения. Довольно часто маркером ситуации передачи слухов является указание в виде глагольной конструкции типа *they say «говорят»*, или *I've heard «я слышал...»*. Говорящий может намеренно или неосознанно вообще не указывать на источник, подчеркивая неподтвержденность сообщаемой информации. Из этого следует, что автор передаваемого сообщения, возможно разделяя мнение первоисточника, снимает с себя ответственность за достоверность своих слов.

Особенностью ситуации слухов является *мультиадресатный характер функционирования сообщаемой информации*. Передаваемое сообщение обращено сразу к нескольким слушающим, т.е. к «множественному» адресату, и при определенных обстоятельствах оно будет передаваться и дальше. Важно иметь в виду, что существует, по крайней мере, два способа передачи информации. Во-первых, информация может гипотетически передаваться «по цепочке». В этом случае адресант передает информацию единственному адресату, который, в свою очередь, передает ее последующему адресату и т.д. Во-вторых, число адресатов может расти в геометрической прогрессии, если допустить, что каждый адресант может передать информацию бесконечному множеству адресатов, каждый из которых таким же образом передает ее далее. В любом случае при передаче информации слухов потенциальное количество слушающих будет возрастать, ее достоверность уменьшаться, а первоначальный источник слуха будет все больше отдаляться от новых адресатов.

В силу неопределенности и неподтвержденности сведений, для ситуации передачи слухов существенны многие коммуникативные параметры, начиная от межличностных отношений коммуникантов и заканчивая временем и местом диалога. *Каждый слушающий сам решает для себя, какие факторы для него важнее и уже на их основании определяет степень истинности сведений*. Чем больше наводящих вопросов задает собеседник, тем более определенным становится его отношение к услышанному – верить или не верить слухам.

Из результатов исследования следует, что особое значение в ситуации слухов имеют обстоятельства. Здесь следует различать *обстоятельства коммуникации* и *обстоятельства, при которых были получены передаваемые говорящим сведения*.

Обстоятельства, при которых передаваемые сведения были получены, заслуживают особого внимания со стороны участников общения. Поскольку говорящий не является первичным источником информации, слушающие вынуждены полагаться на различные факторы, которые сопровождали процесс получения им этих сведений. Речь идет о том, какой статус имеет лицо, от которого исходило сообщение, в каких межличностных отношениях тот коммуникант состоит с адресатами, присутствовал ли говорящий лично в той ситуации, был ли он пассивным слушающим или сообщение было адресовано именно ему, и какое отношение говорящий имеет к теме сообщения. Если говорящий невольно стал невидимым третьим слушающим и подслушал информацию из первоисточника, тогда степень ее достоверности возрастает. Если он получил информацию от кого-то, кому он доверяет, тогда также можно говорить о большой степени истинности сведений. Логично предположить, что чем больше таких факторов задействовано в ситуации общения, тем легче слушающим установить соответствие слухов действительности, если они в этом заинтересованы.

Стоит признать и тот факт, что **именно обстоятельства, при которых сведения были получены, оказываются намного важнее для коммуникантов, чем условия их реального общения. Знание деталей возникновения слуха всегда приближает слушающих к первичному источнику информации. Таким образом, сколько бы говорящих (то есть лиц, поочередно передающих сообщение) ни было задействовано в дальнейшей передаче слухов, осведомленность об истинных и первоначальных обстоятельствах проясняет общую, даже измененную картину описываемой ситуации.**

Перейдем к анализу некоторых примеров, в которых репрезентирована ситуация слухов с указанием на конкретизирующие обстоятельства.

Интересный материал для исследования представляют примеры с указанием на неопределенно-детерминированный источник информации. Речь идет о такой коммуникативной ситуации, в которой передается наиболее неподтвержденная информация.

1) *Ham. How came he mad?*

First Clo. Very strangely, they say.

Ham. How strangely?

First Clo. Faith, e'en with losing his wits.

Ham. Upon what ground?

First Clo. Why, here in Denmark... [8, p. 902]

Беседуя с могильщиком, принц Гамлет, не называя свое имя, узнает о том, что датский принц (то есть он сам) сошел с ума. Но могильщик отстраняется от сообщаемой им информации, во-первых, говоря, что «так говорят» (то есть, не включая себя в источник информации), и во-вторых, не указывая на источник информации – неопределенно-личное местоимение *they* в данном употреблении несет неопределенную референцию.

Обратимся к другому примеру:

2) *Doug. Know then, my name is Douglas; and I do haunt thee in the battle thus because some tell me that thou art a king.*

Blunt. They tell thee true. [8, p. 435]

В ходе военных действий Блент переоделся королем, чтобы отвести опасность от самого короля. Внешний облик слушающего сбивает с толку его собеседника. Источник информации выражен неопределенным местоимением *some*. Следует отметить, что в данном примере внимание акцентируется на процессе передачи информации, в отличие от других случаев, когда, например, указан способ восприятия информации.

3) *Lanc. I thank your grace for this high courtesy, which I shall give away immediately.*

K. Hen. Then this remains, that we divide our power. You, son John, and my cousin Westmoreland towards York shall bend you, with your dearest speed, To meet Nothumberland and the prelate Scroop, who, as we hear, are busily in arms: Myself and you, son Harry, will towards Wales, to fight with Glendower and the Earl of March... [8, p. 437]

Раздавая указания Ланкастеру и другим своим подчиненным, король в качестве аргумента приводит информацию о готовности Нортумберленда к бою. Когда государство находится в состоянии войны, очень важно располагать как можно более достоверной информацией, и хотя в данном случае источник сведений эксплицитно не выражен, для говорящего все равно имеют значение хоть какие-то сведения, которые могут служить предупреждением опасности.

Перейдем к следующему тексту:

4) *Mar. Good now, sit down, and tell me, he that knows, Why this same strict and most observant watch so nightly toils the subject of the land; And why such daily cast of brazen cannon, and foreign mart for implements of war; why such impress of shipwrights, whose sore task does not divide the Sunday from the week; what might be toward, that this sweaty haste doth make the night joint-labourer with the day: who is't that can inform me?*

Hor. That can I; at least, the whisper goes so. Our last king, whose image even but now appear'd to us, was, as you know... [8, p. 871]

Марцелл не понимает, почему в государстве идут такие строгие дозоры, и просит своих друзей объяснить это. Горацио ссылается на информацию, происхождение которой неизвестно. Характер этой информации он передает с помощью лексемы *whisper*, видимо подразумевая, что об этом говорят мало и такие вещи не обсуждаются. Здесь отсутствует прямое указание на источник, однако четко выражена тема слухов, то есть особенность самого процесса передачи информации. Кроме того, в отличие от предыдущих примеров, где неопределенная детерминированность информации передается глаголом, в этом случае неопределенная детерминированность передается предикатной структурой, в которой значение слухов заключается в семантике имени существительного *whisper*.

Отдельную группу составляют примеры, в которых говорящий ссылается на определенно-детерминированный источник своего сообщения. В данной группе можно выделить несколько подгрупп.

Рассмотрим случаи с **конкретизированным нарицательным референтом**:

5) *Cas. Then, Brutus, I have much mistook your passion; By means whereof this breast of mine hath buried Thoughts of great value, worthy cogitations. Tell me, good Brutus, can you see your face?*

Bru. No, Cassius; for the eye sees not itself, But by reflection, by some other things.

Cas. 'Tis just: And it is very much lamented, Brutus, that you have no such mirrors as will turn your hidden worthiness into your eye, that you might see your shadow. I have heard, where many of the best respect in Rome,—except immortal Cassar,—speaking of Brutus. And groaning underneath this age's yoke, have wish'd that noble Brutus had his eyes [8, p. 821].

Кассий пытается внушить Бруту, что тот достоин более высокого статуса в государстве. Он ссылается на то, что этого мнения придерживаются очень уважаемые в Риме люди и они об этом говорят. Таким образом, слух репрезентирован сообщением, которое исходит из многих уважаемых источников.

Проанализируем следующий пример:

6) *L. Bard. Noble earl, I bring you certain news from Shrewsbury.*

North. Good, and God will!

L. Bard. As good as heart can wish. The king is almost wounded to the death; And, in the fortune of my lord your son, Prince Harry slain outright; and both the Blunts Kill'd by the hand of Douglas; young Prince John And Westmoreland and Stafford fled the field. And Harry Monmouth's brawn, the hulk Sir John, Is prisoner to your son: O! such a day, So fought, so follow'd, and so fairly won, Came not till now to dignify the times Since Caesar's fortunes.

North. How is this deriv'd? Saw you the field? came you from Shrewsbury?

L. Bard. I spake with one, my lord, that came from thence; A gentleman well bred and of good name, That freely render'd me these news for true.

North. Here comes my servant Travers, whom I sent On Tuesday last to listen after news.

L. Bard. My lord, I over-rode him on the way; And he is furnish'd with no certainties More than he haply may retail from me.

Enter travers.

North. Now, Travers, what good tidings come with you?

Tra. My lord, Sir John Umfrevile turn'd me back With joyful tidings; and, being better hors'd, out-rode me. After him came spurring hard a gentleman, almost forspent with speed, That stopp'd by me to breathe his bloodied horse. He ask'd the way to Chester; and of him I did demand what news from Shrewsbury. He told me that rebellion had bad luck, And that young Harry Percy's spur was cold...

North. Ha! Again: Said he young Harry Percy's spur was cold? Of Hotspur, Coldspur? that rebellion Had met ill luck? [8, p. 439]

На протяжении данного диалога можно проследить за тем, насколько точно и кем сообщается новость о том, что восстание не увенчалось успехом, и чем каждый сообщающий ее аргументирует. Таким образом, высокую достоверность сведений определяет количество конкретизированных источников (говорящих).

Еще одну группу составили примеры с так называемыми конкретизирующими обстоятельствами. К ним относятся события, предшествующие данной коммуникативной ситуации, сведения о личностном статусе реципиента информации, а также личные убеждения коммуникантов. Именно обстоятельствам коммуникации нередко принадлежит решающая роль в верификации слухов.

7) *King. Welcome, dear Rosencrantz and Guildenstern! Moreover that we much did long to see you, The need we have to use you did provoke Our hasty sending. Something have you heard Of Hamlet's transformation; so I call it, Since nor the exterior nor the inward man Resembles that it was... [8, p. 880]*

Встречая Розенкранца и Гильденстерна, король сразу же начинает разговор о странном поведении Гамлета. Поскольку Гамлет занимает высокое положение в обществе, он легко оказывается в центре внимания окружающих, тем более его приближенных. Существует большая доля вероятности, что весть о сумасшествии принца уже дошла до собеседников короля. Учитывая это, король торопится подтвердить информацию и объяснить, как обстоит дело и почему он сам так отзывается о поведении Гамлета. Являясь частью непосредственного окружения принца, король имеет привилегию и основания подтвердить или опровергнуть слух.

8) *D. John. I make all use of it, for I use it only. Who comes here?*

Enter Borachio.

What news, Borachio?

Bora. I came yonder from a great supper: the prince, your brother, is royally entertained by Leonato; and I can give you intelligence of an intended marriage.

D. John. Will it serve for any model to build mischief on? What is he for a fool that be-troths himself to unquietness?

Bora. Marry, it is your brother's right hand.

D. John. Who? the most exquisite Claudio?

Bora. Even he.

D. John. A proper squire! And who, and who? which way looks he?

Bora. Marry, on Hero, the daughter and heir of Leonato.

*D. John. A very forward March-chick! **How came you to this?***

*Bora. Being entertained for a perfumer, as I was smoking a musty room, comes me the prince and Claudio, hand in hand, in sad conference: **I whipt me behind the arras, and there heard it agreed upon that the prince should woo Hero for himself, and having obtained her, give her to Count Claudio** [8, p. 122].*

Приближенный Дона Хуана Борачио спешит сообщить Дону Хуану свежие новости. Новость касается Клавдио, которого Дон Хуан сильно недолюбливает за успешность. Поэтому для него особенно важно иметь подтвержденные сведения (“*How came you to this?*”). Позицию Борачио укрепляет тот факт, что он непосредственно присутствовал при обсуждении матримониальных планов Клавдио, но оставался ненаблюдаемым слушающим. Можно предположить, что диалог принца и Клавдио носил достаточно конфиденциальный характер, и они не стали бы продолжать беседу, если бы встретили подданного Дона Хуана. Внимание Борачио привлекло то, что принц и Клавдио обсуждали что-то серьезно. Это также мотивировало его на подслушивание. Таким образом, присутствие Борачио при разговоре становится косвенным подтверждением информации.

9) Prince. What would you think of me if I would weep?

Poins. I would think thee a most princely hypocrite.

Prince. It would be every man's thought; and thou art a blessed fellow to think as every man thinks: never a man's thought in the world keeps the road-way better than thine: every man would think me a hypocrite indeed. And what accites your most worshipful thought to think so?

Poins. Why, because you have been so lewd and so much engrafted to Falstaff.

Prince. And to thee.

*Poins. By this light, **I am well spoken on; I can hear it with mine own ears: the worst that they can say of me is that I am a second brother and that I am a proper fellow of my hands; and these two things I confess I cannot help...** [8, p. 446]*

Непринужденно обмениваясь мнениями друг о друге, приближенный принца Пойнс заявляет, что о нем самом в народе отзываются достаточно хорошо. Слухи дошли до «его собственных ушей» – для него это многое значит. Пойнсу важно показать, что не только он сам говорит о себе самом хорошо, но и другие люди тоже считают его положительным во многих отношениях человеком. Таким образом, дошедшие до говорящего слухи косвенно становятся подтверждением другой информации.

Перейдем к группе примеров с конкретизированным референтом и конкретизирующими обстоятельствами:

10) A Street.

Enter a Herald with a proclamation; people following.

*Her. It is Othello's pleasure, our noble and valiant general, that, **upon certain tidings now arrived**, importing the mere perdition of the Turkish fleet, every man put himself into triumph; some to dance, some to make bonfires, each man to what sport and revels his addiction leads him; for, besides these beneficial news, it is the celebration of his nuptial. So much was his pleasure should be proclaimed. All offices are open, and there is full liberty of feasting from this present hour of five till the bell have told eleven. Heaven bless the isle of Cyprus and our noble general Othello! [8, p. 953]*

В данном примере ситуация передачи слуха/новости (в рамках данного исследования новости являются смежной категорией по отношению к слухам) репрезентирована достаточно официальной ситуацией. Автор указывает на то, что при этом официальном событии собрались люди, чтобы узнать о крушении турецкого флота – что является для всех присутствующих радостным известием. Достоверность информации усиливается тем, что данный приказ отдан Отелло, генералом по званию. Следовательно, новости можно верить. Другими словами, обстоятельства ситуации и источник информации свидетельствуют о высокой степени достоверности переданных сведений.

11) Leon. How now, brother! Where is my cousin, your son? Hath he provided this music?

*Ant. He is very busy about it. But, brother, **I can tell you strange news that you yet dreamt not of.***

Leon. Are they good?

Ant. As the event stamps them: but they have a good cover; they show well outward. The prince and Count Claudio, walking in a thick-pleached alley in my orchard, were thus much overheard by a man of mine: the prince discovered to Claudio that he loved my niece your daughter, and meant to acknowledge it this night in a dance; and, if he found her accordant, he meant to take the present time by the top and instantly break with you of it.

*Leon. **Hath the fellow any wit that told you this?***

*Ant. A good sharp fellow: **I will send for him; and question him yourself** [8, p. 122].*

Губернатор Леонато и его брат Антонио обсуждают новости о предстоящей свадьбе Клавдио и Геро. Антонио сообщает информацию, которую он получил от своего надежного человека, который в свою очередь подслушал разговор между двумя людьми, одним из которых является сам Клавдио. Антонио настолько уверен в своем подчиненном, что готов позволить Леонато расспросить его обо всем лично. Определяющую роль в подтверждении информации сыграли межличностные отношения между говорящим и субъектом, передающим информацию.

Из проведенного исследования явствует, что в ситуации слухов задействованы многие параметры общения. Неопределенный и в какой-то степени «размытый» характер сведений склоняет коммуникантов учитывать ситуативные факторы разной природы и разной степени конкретизации. Так, например, источник информации может быть по-разному представлен в тексте и для каждого коммуниканта он может нести различную смысловую значимость. Однако в совокупности с другими факторами коммуникации он вносит значимый вклад в подтверждение сообщения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Богданов, В.В. Речевое общение: прагматические и семантические аспекты / В.В. Богданов. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1990. – 88 с.
2. Винокур, Т.Г. Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения / Т.Г. Винокур. – Москва: «Книжный дом» «ЛИБРОКОМ», 2009. – 176 с.
3. Долинин, К.А. Интерпретация текста / К.А. Долинин. – М.: Гнозис, 1985. – 288 с.
4. Формановская, Н.И. Коммуникативный контакт / Н.И. Формановская. – М.: Издательство ИКАР, 2012. – 200 с.
5. Формановская, Н.И. Речевое взаимодействие. Коммуникация и прагматика / Н.И. Формановская. – М.: Издательство ИКАР, 2007. – 480 с.
6. Gordon, D., Lakoff G. Conversational postulates / D. Gordon, G. Lakoff // CLS. – 1971. – v.7: 63-85.
7. Searle, J.R. Expression and meaning: Studies in the theory of speech acts / J.R. Searle. – Cambridge University Press, 1985. – 204 p.
8. Shakespeare, W. Complete works / W. Shakespeare. – London, 1965. – 1166 p.

Материал поступил в редакцию 02.08.16.

SPECIFICATION IN TERMS OF RUMORS

O.V. Ramantova, Master of Sciences in Linguistics, Assistant
Saint Petersburg Electrotechnical University “LETI”, Russia

Abstract. *In this article the issue of language representation of the specification factors in terms of rumors is considered. In this regard the author gives the communicative situation characteristic of generation and transmission of the unconfirmed or unreliable information and describes the importance of situational factors of different determinancy degrees in the communication directed to verification of the conveyed data. Material for the communicative analysis are texts from W. Shakespeare's plays.*

Keywords: *speaker, communicative situation, communication, specification, rumors, hearer, Shakespeare.*

УДК 80

ОБ УЗБЕКСКОМ ПЕРЕВОДЕ ПОВЕСТИ АНТУАНА ДЕ СЕНТ-ЭКЗЮПЕРИ «МАЛЕНЬКИЙ ПРИНЦ»

Г.А. Рахимова, свободный исследователь кафедры французской филологии
Национальный университет Узбекистана имени Мирзо Улугбека (Ташкент), Узбекистан

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы художественного перевода, в частности перевода философской повести Антуана де Сент-Экзюпери «Маленький принц» с русского на узбекский язык.

Ключевые слова: философская повесть, планета, дружба, тоска, гуманизм.

Философская повесть «Маленький принц» является одним из самых коротких произведений известного писателя не только французской, но и мировой литературы XX века Антуана де Сент-Экзюпери. В ней нашли свои отражения переживания и размышления автора о смысле и содержании человеческой жизни, о дружбе, братстве, сопереживании и взаимном уважении между людьми, идеи борьбы Добра и Зла. Однако в «Маленьком принце» любовь людей к своей родине, родным местам и мотив ностальгии занимают особое место.

Философская повесть Сент-Экзюпери переведена на более чем сто языков народов мира. Данное произведение, переведенное Хайридином Султановым на узбекский язык с русского еще в 1984 году, переиздавалось несколько раз. Разумеется, повесть написана на французском. Однако из-за того, что на узбекский язык она была переведена из ее русского текста, ниже мы будем анализировать ее русские и узбекские варианты.

Рассказчик-летчик, вынужденный совершить вынужденную посадку в Сахаре из-за проблем в моторе своего самолета вспоминает о встрече с Маленьким принцем и о его приключениях.

Маленький принц, проживающий в одиночестве на планете чуть побольше его самого, отправляется в поиски друга по другим планетам. Планеты, расположенные ближе к его планете, также маленькие, и на них проживают только по одному человеку: один из них считает себя королем пустой планеты, второй – честолюбец, третий – пьяница, четвертый – деловой человек и т.д. Их действия, слова и отношения к себе кажутся странным Маленькому принцу. Да, действительно старшие были людьми странными. Каждый из них целый мир, у каждого своя планета, свои проблемы и свои болезни. Каждый сам собой, каждый борется только за себя.

И наконец, Маленький принц посещает планету Земля и только здесь находит себе настоящих друзей (Лис, летчик). Через них он осознает ответственность человека за своих близких, за свои любимые животные и, даже за цветы, убеждается в том, что нельзя узнать мир только глазами и, что необходимо его чувствовать душой и сердцем. Точно также как, когда «Маленький принц» создавался в США, а писатель тосковал по Франции, Маленький принц тоже тоскует по своей планете, по любимой им розе.

Сказка завершается на грустных нотах, хотя и светлых. Каждому дорога своя родина. Маленький принц возвращается в свою родину.

Об узбекском переводе сказки можно лишь сказать слова приятные. В переводе переводчик Хайридин Султанов полностью сохранил суть и содержание такой сложной философской повести, мастерски использовал все возможности узбекского языка. Этому можно привести множества примеров. Например, беседа Маленького принца со цветком, переводится следующим образом.

На русском:

«Маленький принц конечно догадался, что удивительная гостья не страдает избытком скромности, зато она была так прекрасна, что дух захватывало!...

- Когда настанет вечер, накройте меня колпаком. У вас тут слишком холодно. Очень неуютная планета. Там, откуда я прибыла...» [2, с. 98]

На узбекском:

««Кичкина шахзода бу гунчанинг камтарлик бобида намуна булолмаслигини пайкади, бирок у шунчалар дилбар ва латиф эдики, одамни беихтиёр довдиратиб куярди!...

- Бу ер роса совукэкан. Кечкурун мени шиша калпок билан ураб куйинг, хупми? Сайёрангиз хаддан-ташқари бефайз экан. Мен келганжойда-чи...» [5, с. 28-30 – выделено автором – Р.Г.].

Или на русском:

«Когда очень хочешь состричь, иной раз поневоле приврешь. Рассказывая о фонарщиках, я несколько погрешил против истины. Боюсь, что у тех, кто не знает нашей планеты, сложится о ней неверное представление. Люди занимают на Земле не так уж много места... Все человечество можно бы составить плечом к плечу на самом маленьком острове в Тихом океане» [2, с. 115]

В узбекском переводе:

«Баъзан хаддан ташқари сухандонлик қилгинг келиб қолганда озми-қупми муболага қиласан киши. Мана, мен ҳам чароғбонлар хақида сузлай туриб, хақикатга бирмунча хилоф иш тутдим. Ишқилиб,

сайёрамизни яхши билмайдиганларда у хакда нотугри тушунча пайдо булмаса бас! Аслида одамлар Ер юзида унчалик куп жойни эгалламайди... Бутун инсониятни Тинч океандаги тангадеккина оролчага хам сигдириб юбориш мумкин».[4, 57 –выделено нами – Р.Г.]

Переводчик находит в узбекском языке адекватные эквиваленты слов, выражений и даже целых предложений, приведенных выше примеров. Сравните:

дух захватывало – одамни доводиратиб куйарди,

на самом маленьком острове – тангадеккина оролчага,

Очень неуютная планета – Сайёрангиз хаддан ташкари бефайзэкан,

Когда очень хочешь сосрить, иной раз поневоле приврешь – Хаддан ташкари сухандонлик килгинг келиб колганда озми-купми муболага киласан киши.

Особенно при переводе русского слова «фонарщик» переводчик поступает новаторски. В результате в узбекском языке появилось прекрасное слово «чарогбон».

Однако нельзя сказать, что узбекский переводчик поступал всегда правильно. Это заметно как при переводе отдельных слов и выражений, так и в переводе некоторых предложений. Сохраняя в узбекском переводе отдельные слова точно также, как и на русском, он излишне национализирует другие.

Например, слова, обозначающие игры «бридж» и «гольф» оставлены без изменений (в русском тексте стр.85, в узбекском – стр.6.), в то время как слова, встречающиеся на тех же страницах такие как «галстук», «лейка» и «редис» переведены соответственно как «буйинбог», «кузача» и «маймунжон».

В некоторых местах узбекского перевода встречаются и сокращения, упущения. В одном из разговоров с рассказчиком (летчиком) Маленький принц, вспоминая свою планету и цветок, который там остался, начинает плакать.

Русский текст:

«На звезде, на планете – на моей планете по имени Земля – плакал Маленький принц, и надо было его утешить. Я взял его на руки и стал баюкать. Я говорил ему: «Цветку, который ты любишь, ничто не грозит... Я нарисую твоему барашку намордник... Нарисую для твоего цветка броню...».[2, с. 97]

Узбекский вариант:

«Менинг юлдузимда, Ер аталмиш менинг сайёрамда Кичкина шахзода уксиб–уксиб йиглар – уни юпатмок даркор эди. Мен уни багримга босганча кулимда аллалай бошладим: «Сен кунгил куйган гулга хеч ким тегмайди... кузичогингнинг тумшугига узим нухта чизиб бераман...».[5, с. 26]

А приведенном примере узбекский переводчик опустил фразу «Нарисую для твоего цветка броню». На самом деле Маленького принца интересовал не барашек, нарисованный рассказчиком, а цветок, который остался у него на маленькой планете. Сам Маленький принц говорит об этом:

«Если любишь цветок – единственный какого больше нет ни на одной из многих миллионов звезд, – этого довольно: смотришь на небо и чувствуешь себя счастливым. И говоришь себе: «Где-то там живет мой цветок...»[2, с. 97]

Узбекский вариант:

«Агар бошка миллионлаб юлдузларда учрамайдиган бир гулни яхши курсанг, шунинг узи хам кифоя: осмонга бокканинг замон узингни бахтиёр хис этасан. «Олисларда, кайдадир менинг хам гулим бор», деб шивилрсанг бас – куксинг тогдек юксалиб кетади».[5, с. 26]

Здесь, наоборот, последняя фраза переведена как «Стоить тебе шептать, что “Где-то там в дали есть и мой цветок...” – будешь испытывать огромную гордость».

Сокращения в узбекском переводе встречаются и дальше. Так, например, Маленький принц, прежде чем покинуть свою планету, обходит имеющиеся там вулканы. Предложение, имеющееся в русском варианте такое, как «Извержение вулкана – это все равно, что пожар в печной трубе, когда там загорится сажа» отсутствует в узбекском переводе.

Русский текст:

«Когда вулканы аккуратно чистишь, они горят ровно и тихо, без всяких извержений. Извержение вулкана – это все равно, что пожар в печной трубе, когда там загорится сажа. Конечно, мы, люди на Земле, слишком малы и не можем прочищать наши вулканы. Вот почему они доставляют нам столько неприятностей».[2, с. 99]

Узбекский перевод:

«Вулконларни чинни–чирокдек озода килиб тозаласангиз, улар тутун–у курум чикармай бир маромда бикирлаганча кайнаб ётади... Албатта, биз – Ердаги ахли замин, гоят кичкина одамлармиз, вулконларимизни тозалашга кучимиз етмайди. Шунинг учун хам улар бизга шу кадар куп зиён–захмат етказди».[5, с. 32]

Опущено также предложение с разговора Маленького принца с деловым человеком (в узбекском переводе «корчалон»), которому принадлежала четвертая планета. В русском тексте корчалон говорит Маленькому принцу:

«- Ну конечно. Если ты найдешь алмаз, у которого нет хозяина, – значит, он твой. Если ты найдешь остров, у которого нет хозяина, он твой. Если тебе первому придет в голову какая-нибудь идея, ты берешь на нее патент: она твоя. Я владею звездами, потому что до меня никто не догадался ими завладеть».[2, с. 108 – выделено автором – Р.Г.]

Узбекский вариант:

«- Албатта-да. Айтайлик, кучадан олмос топиб олсанг-у эгаси булмаса, у сенники булади. Агар миянгга тусатдан бирон-бир фикр келиб колса, дарровунга патент оласан: у энди буткул сеники. Мен юлдузларга шунинг учун хам эгалик киламанки, менгача хеч ким уларга эгалик килишни хаёлига хам келтирмаган эди».[5, с. 47]

В целом Х. Султанов великолепно перевел эту сказку А. де Сент-Экзюпери, великолепно передал и драматизм события, ситуации, в которую попали герои произведения. Гуманизм французского писателя полностью доведен до его новых узбекских читателей как маленьких, так и старшего возраста. Удачному переводу сказки французского писателя способствовал, помимо большого переводческого мастерства Х.Султанова, удачный выбор произведения, произведения, которое согласуется с направленностью его таланта, произведения, тема которого тесно перекликается с темой его оригинальных произведений. Способствовало этому и владение Х. Султановым всеми художественными приемами, всеми средствами родного языка, так как «...переосмысление или искажение подлинника в переводе – все это тоже связано с применением определенных языковых средств». [3, с. 17]

Х. Султанов поднял перевод до уровня оригинального произведения. В его переводе А. де Сент-Экзюпери звучал на узбекском языке, оставаясь французом. «Здесь, – как сказал В.Г. Белинский, – как будто забываешь, что великий сочинитель его был ...французом» [1, с. 102].

Таким образом, проанализированный материал дает возможность говорить о мастерстве переводчика, тесно связанном сего оригинальным творчеством.

В идеале диалог литератур должен вестись без посредников, как любая беседа, когда можно взглянуть друг другу в глаза. Хотя в республике вырос целый ряд специалистов, хорошо знающих язык оригинала и хорошо владеющих родным языком, мы часто им мало доверяем, хотя начать эту работу по-настоящему давно настало время.

Правда, не следует забывать, что знание двух языков далеко недостаточно для того, чтобы стать переводчиком. Переводчиком необходимо становиться, имея к тому способности, талант и трудолюбие. И в условиях отсутствия ярких талантов, способных перевести произведения художественной литературы со многих иностранных (дальнего и ближнего зарубежья) языков непосредственно на узбекский язык, не может быть приостановлена работа по переводу через язык-посредник. В этом отношении теория Диониза Дюришина в литературоведении очень современна. Прав он, когда говорит о переводе «со второй руки», т.е. о переводе через язык-посредник, через подстрочник, как о явлении позитивном, являющимся средством межнациональной коммуникации, взаимовлияния и взаимообогащения литератур.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Левин, Ю.Д. Русские переводчики XIXвека / Ю.Д. Левин. – Л., 1985.
2. Сент-Экзюпери, Антуан де. Ночной полет. Письмо заложнику. Маленький принц / Антуан де Сент-Экзюпери. – М.: Бук Чембэр Интернэшнл, 1991.
3. Федоров, А.В. Основы общей теории перевода / А.В. Федоров. – М., 1983.
4. Dictionnaire du francais contemporain. – Paris: Larousse, 1980.
5. Sent-Ekzyuperi, Antuande. Kichkina Shahzoda / Antuande. Sent-Ekzyuperi. – Т.: Ма'naviyat, 2003.

Материал поступил в редакцию 06.09.16.

ON THE TRANSLATION OF NOVELLA *THE LITTLE PRINCE* BY ANTOINE DE SAINT-EXUPÉRY IN UZBEK

G.A. Rakhimova, Free Researcher of Department of the French Philology
National University of Uzbekistan named after Mirzo Ulugbek (Tashkent), Uzbekistan

Abstract. *The article deals with the issue of literary translation, in particular the translation of philosophical novella "The Little Prince" by French writer Antoine de Saint-Exupéry from Russian into Uzbek.*

Keywords: *philosophical novella, planet, friendship, nostalgia, humanity.*

Literary Studies
Литературоведение

УДК 80

**РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ ШЕРВАШИДZE В.В. «РЕАЛЬНОСТЬ И ВРЕМЯ
ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ: ОТ ДЕКАДАНСА К СОВРЕМЕННОСТИ»**

Н.А. Литвиненко, доктор филологических наук, профессор кафедры истории зарубежных литератур
Московский государственный областной университет, Россия

Аннотация. Явления французской литературы рассматриваются в монографии с позиции современных подходов: идея маргинальности М. Фуко, теория Лотмана о движении культуры через взрывы.

Ключевые слова: взрыв, литература, монография, диалог культур, поэтика, восприятие.

Монография Шервашидзе В.В. – «Реальность и время во французской литературе: от декаданса к современности», опубликованная издательством РУДН в 2015 году, охватывает огромный пласт французской литературы на протяжении ста лет – от рубежа XIX-XX к рубежу XX-XXI в.в. Явления французской литературы рассматриваются с позиции современных тенденций и междисциплинарных подходов: закон «границ и переходов» М. Бахтина, идея маргинальности М. Фуко, теория Ю. Лотмана о движении культуры через взрывы. Ракурс исследования, обусловленный идеей нелинейного развития, отличается от традиционного историко-культурного подхода.

Предмет исследования – явления «эстетических революций», непрерывно взрывающих культурное поле, – декаданс/ авангард/ модернизм/ постмодернизм/ литература нулевых. Эпоха декаданса представлена поэтикой раннего М. Барреса, его трилогией «Кульм Я», драматургией маргинального, эксцентричного писателя А. Жарри, импрессионизмом и символизмом. Эти явления, как подчеркивается в монографии, «вызревавшие на границах», «взорвали» культурное поле 90-х годов, в котором безраздельно доминировал натурализм и реализм, предвосхитив многие открытия в литературе XX столетия.

Автор выделяет важную особенность в развитии литературного процесса – диалог культур, обуславливающих единство и преемственность художественных языков различных культурных эпох. Так, в поэтике М. Барреса, А. Жиды и М. Пруста концепты «идеального» читателя, теоретической рефлексии, «текста в тексте» (А. Жид) перекликаются с эстетикой постмодернизма, а идея деперсонализации, изначальной «обезличенности» письма предвосхищает концепцию «плавающего знака» Лакана и «нулевой» степени письма Р. Барта. Интертекстуальный диалог, который вводится Шервашидзе в исследование, не только расширяет семантическое поле восприятия культуры, но и выделяет ее важные особенности – цикличность, сопровождаемую «переходом на новый, непредсказуемый и более сложный путь». Так, например, в исследовании паталогии А. Жарри прослеживается влияние его игровой поэтики в творчестве Б. Виана, в сюрреализме, в театре абсурда, но, как верно отмечает автор, рецепция традиции Жарри происходит на новом смысловом и эстетическом уровне.

Модернизм рассматривается в монографии как явление типологически близкое декадансу, негативно оценивающее и разрушающее позитивистскую картину мира. Выделяя сходство, автор подчеркивает различие – устремленность модернизма к жизнотворчеству, к изменению не только художественного языка, но и обычного среднестатистического сознания.

В монографии рассматривается очень важный аспект модернистского письма, воспроизводящего романтическую рефлексивность, только на более сложном смысловом и эстетическом уровне. Осознание бессилия языка, возникшее в романтизме (в йенском), выразить всю полноту бытия, порождает трагическую иронию или «эстетизм без иллюзий», как верно отмечает автор. В ракурсе этой идеи в монографии анализируются ключевые явления французского модернизма и «последнего» авангарда: от М. Пруста, Б. Виана, А. Камю до «нового» романа и театра абсурда. Эти столь разные явления объединяет осознание творчества как «ничто», как «узора на песке», горькая самоирония. Кульминацией «эстетизма без иллюзий» является разрушение повествовательных структур, молчание, немота, белая страница в коллажах Роб-Грийе и в драматургии С. Беккета. В контекст отечественной литературной науки впервые вводятся малоизвестные имена и явления второй половины XX века. Это экспериментальная группа УЛИПО, создавшая жанр «интерактивной» литературы, предвосхитившая компьютерные игры, которые были основаны на улипистском принципе комбинаторики; творчество великого экспериментатора Ж. Перека, вышедшего из УЛИПО и создавшего новый язык, опирающийся на внеязыковые явления (схемы, чертежи, рисунки, шрифты). В последней, восьмой главе, рассматривается творчество писателей,

пришедших в литературу в 80-90-е годы, после формальных поисков «последнего» авангарда (постмодернизма). Это новые имена для отечественной науки – Ж. Эшноз, Ж.-Ф. Туссен, П. Киньяр, А. Володин, Ж. Руо.

В монографии выделяются типологические особенности французской литературы 80-90-х годов – «новое качество литературы – утверждение сомнения». Функция романа не сводится, по заключению автора, к простому развитию фабулы, а определяется критическими размышлениями о статусе литературы и письма. Монография Шервашидзе В.В., отличающаяся новым подходом к исследованию литературы с позиции современных гуманитарных знаний, – событие в отечественной науке.

Практическая и теоретическая ценность данного исследования, обладающего научной новизной, в том, что оно может быть использовано при подготовке диссертационных и дипломных работ, в разработке спецкурсов по современной французской литературе, в составлении учебных программ по новейшей французской литературе.

Материал поступил в редакцию 19.07.16.

**REVIEW OF “REALITY AND TIME IN FRENCH LITERATURE:
FROM DECADENCE TO MODERNITY”, V.V. SHERVASHIDZE’S MONOGRAPH**

N.A. Litvinenko, Doctor of Philology, Professor of the Department of World Literature History
Moscow State Regional University, Russia

***Abstract.** The key moments of French literature are considered from the position of the current methods: the principle of boundaries and transition periods of Bachtine and Lotman’s idea of explosion.*

***Keywords:** explosion, literature, monograph, dialogue of cultures, poetics, perception.*

Russian Literature
Русская литература

УДК 821.161.1

**НЕОЦЕНЁННЫЙ MAGNUM OPUS: ПОВЕСТЬ «ЧИЖИКОВА ЛАВРА»
В ТВОРЧЕСТВЕ И.С. СОКОЛОВА-МИКИТОВА***

Ю.Л. Василевская, кандидат филологических наук,
доцент кафедры филологических основ издательского дела и литературного творчества
ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», Россия

***Аннотация.** Повесть И.С. Соколова-Микитова «Чижикова лавра», непризнанная ни при жизни писателя, ни после его смерти, демонстрирует множество новаторских приёмов, необычных для творческого «крёдо» этого автора. Уточнению писательских приоритетов И.С. Соколова-Микитова на основании анализа переписки с друзьями и издателями и пересмотру положения повести «Чижикова лавра» в его творческой эволюции посвящена данная статья.*

***Ключевые слова:** И.С. Соколов-Микитов, «Чижикова лавра», очерк, автобиографичность, хронотоп.*

Литературное наследие И.С. Соколова-Микитова представлено в основном рассказами и очерками. Циклы «На речке Невестнице», «На тёплой земле» и многие другие прославили его как продолжателя традиций русской классики, а «Морские рассказы», «Белые берега», «Путь корабля» – как очеркиста, открывшего советскому читателю красоту северных морей и романтику дальних морских странствий. Действительно, характерная повествовательная манера И.С. Соколова-Микитова опирается на каноны очерка: в основе всегда рассказ о реально случившемся событии или о реально существовавшем человеке. Эта манера исходит из сознательной установки, о которой можно найти упоминания в ряде писем автора: писать надо «из сердца», «честно», ничего не придумывая. Именно с этой позиции он всегда оценивал и свои произведения, и произведения других писателей.

Его самые известные повести – «Детство» и «Елень» – создавались как сборники очерков, объединённых либо образом повествователя («Детство»), либо местом действия («Елень»). Характерно, что в письмах к друзьям И.С. Соколов-Микитов называет задуманные повести рассказом или сборником рассказов. Исследователи творчества И.С. Соколова-Микитова избирали объектом анализа в основном «Детство» и «Елень» как произведения с наиболее ярко выраженной автобиографической составляющей (т.е. способные прояснить авторскую позицию) и как наиболее совершенные в художественном исполнении. В них находили черты поэтики И.А. Бунина, С.Т. Аксакова, И.С. Тургенева и др. [1; 4], тем самым включая эти повести в круг классической русской литературы. Сложившаяся репутация этих повестей как самых лучших произведений И.С. Соколова-Микитова нуждается всё же в серьёзной корректировке. В том числе и представление о И.С. Соколове-Микитове как о писателе сугубо «деревенского» толка.

Из его переписки с А.Т. Твардовским, В.П. Полонским и К.А. Фединым, заметно, как скуп И.С. Соколов-Микитов на откровения о своих творческих замыслах. Единственное исключение – повести: «Я пишу по-маленьку. На мой “масштаб”, пишется ничего. Скоро закончу рассказ листа на 2 ½ – “Чижикову лавру”. Будет всё по старинке, но из сердца, и не единым словечком не поглумлюсь над человеком» (письмо К.А. Федину от 21 сентября 1925 г.) [3, с. 303]; «Посылаю четыре рассказа из цикла “Елень” (во всём цикле рассказов, в которых я задумал изобразить прошлое и настоящее нашего лесового края, гибель прежних хозяев его и жизнь людей и зверей, должно набраться около пяти-шести печатных листов)» (письмо В.П. Полонскому от 10 февраля 1929 г.) [3, с. 319].

Замысел повести «Детство» относится к 1918 г. (первоначальное название – «Сивый заяц»). Работа над ней шла с большими перерывами, первая публикация состоялась в 1931 г. При последующих переизданиях И.С. Соколов-Микитов неоднократно редактировал текст, однако это произведение в его глазах так и осталось незаконченным. Замысел повести о жизни Смоленского края, озаглавленный «Елень», возник в 20-е годы, закончена повесть была в 1929 г. В дальнейшем произведение также подвергалось многократной доработке.

Повесть «Чижикова лавра», до настоящего времени находившаяся «в тени» двух предыдущих, определённо имела для самого И.С. Соколова-Микитова особое значение, хотя критики отнеслись к ней сдержанно, а некоторые и недоброжелательно (исключение – положительные отзывы М.А. Горького и К.А. Федина). Показательно и то, что писатель не торопился переиздавать её: содержание повести явно не отвечало представлению

о «правильной» советской литературе. Впервые «Чижикова лавра» была издана в 1926 г. (итоговая редакция – 1985 г.), но к её сюжету автор постоянно возвращался на протяжении всей своей жизни. Так, в письмах к А.Т. Твардовскому он неоднократно делился мечтой о «своём», сокровенном замысле: «Мне хочется написать повесть (роман или хронику) о человеке моего поколения (быть может, самого трагического), человеке, родившемся и выросшем в “мирные времена”, в годы первой мировой войны оказавшемся лобовым солдатом, прошедшим огни, воды и чугунные повороты. Над этой повестью, начатой с “тихий” времён, я и тружусь, подчас, с великой и мучительной наугой» (27 октября 1953 г.) [3, с. 352-353]; «Скажу по душам, доверительно: меня потягивает писать нечто вроде “летописи своей жизни” (разумеется, без всякого яканья и кокетства), сколь возможно просто, скупо и правдиво, т.е. рассказать о жизни некоего смиренного русского человека, начавшего жить ещё в “досюльные” времена, волею судьбы прошедшего огни, трубы и чугунные повороты» (16 февраля 1960 г.) [3, с. 384].

О «Чижиковой лавре» И.С. Соколов-Микитов писал А.В. Сигачеву, студенту Литературного института им. А.М. Горького, который в 1955 г. попросил помощи в подготовке биографического очерка о своём респонденте: «В повести “Чижикова лавра” изображены люди, которых мне довелось наблюдать некогда в Англии, во время моих морских скитаний. Некоторым моим героям я оставил их подлинные имена (Лукич, бас Выдра, Сизов и др.). Автобиографической, однако, повесть назвать нельзя. Автобиографичны лишь некоторые детали. Судьба героев повести к личной моей судьбе отношения не имеет» (27 июля 1957 г.) [3, с. 403-404]. Показательно, что «Чижикова лавра» – единственное произведение, о котором писатель счёл необходимым рассказать столь подробно.

Эта повесть стоит особняком и по строгому её сюжетостроению (другие повести И.С. Соколова-Микитова, «вышедшие» из сборника рассказов, имеют подвижную сюжетную структуру и потенциально кумулятивны), и по сказовой манере повествования (отсутствующей в «Детстве» и «Елени»), и по центрированию действия на оценке и реакции рассказчика.

Подавляющее большинство произведений И.С. Соколова-Микитова стремится к документальности и к «приглушению» оценки (или воздержанности от оценки) происходящего, даже когда это предполагается по сюжету (особенно это заметно в рассказах 20-30-х годов). Рассказчик медитативно «взирает» на окружающее, и оценка, если и даётся, то, как правило, не на уровне стиля, а непосредственно самим рассказчиком в форме прямого монолога. Таким образом, собственно «литературная» составляющая в этих произведениях очень невелика. «Чижикова лавра» – одно из немногих творений И.С. Соколова-Микитова, построенного по всем канонам именно литературного произведения.

Повесть основана на документальном материале, но при этом документальность (как желание доказать, что события действительно имели место) отодвигается на второй план, а на первый выходит рефлексия главного героя. В основе некоторых эпизодов (например, пребывание рассказчика в немецком плену) явно положен чужой опыт. Собратьям по перу было известно, насколько неохотно И.С. Соколов-Микитов прибегал к заимствованным источникам информации. Если в таком и возникала необходимость, то чужие слова всегда текстуально отделялись от прочего повествования (яркий пример – рассказ выжившего после кораблекрушения Бекусова из цикла очерков «Спасение корабля»).

В «Чижиковой лавре» И.С. Соколов-Микитов не стремится сделать из главного героя своё alter ego, что окончательно утверждается выбором сказовой манеры повествования, являющейся установкой прежде всего на чужую речь. Хотя главные черты любимого героя-рассказчика здесь сохранены. Он человек «от земли», привязанный к своей малой родине и неуютно чувствующий себя в больших городах. Его главная черта – жалостливость. На эту черту как на доминирующую, на основе которой сложился его характер, И.С. Соколов-Микитов укажет в повести «Детство»: «Чувство жалости, которое я испытывал к людям, – была любовь. Чем сильнее, мучительнее была эта любовь, острее испытывал я чувство жалости, захватывавшее меня почти с невыносимой силой» [2, с. 46]. И.С. Соколов-Микитов часто подчёркивал, что у крестьян нет слова «любить», они говорят «жалеть». Именно способность жалеть становится для него одной из главных черт в том числе и русского национального характера.

Однако в повести «Детство» жалость касается только близких людей. В рассказах из циклов «На тёплой земле» и «Белые берега» она «распространяется» и на животный мир (как правило, в тех случаях, когда зверь или птица были убиты из баловства или «неаккуратно», не с первого выстрела). Но лишь в «Чижиковой лавре» жалость становится всеобъемлющим чувством и одним из ведущих лейтмотивов повести, скрепляющим ряд сюжетных перипетий о том, как герой «пропадал» в Англии, в единое целое. Обида, нанесённая не только человеку, но и любому живому существу, расценивается героем как непоправимое горе, касающееся лично его, и даже как грех (эпизод с ласточкой). Это чувство оказывается наиболее приближено к христианскому милосердию, для которого нет «ни эллина, ни иудея». Так, герой жалеет не только несчастных эмигрантов, но и жителей бедных рабочих кварталов, у которых они снимали жильё. Именно способность человека сопереживать, входить в положение того, кого обделила судьба, становится в повести единственным маркером, разграничивающим положительных и отрицательных персонажей. При этом даже душевная чёрствость некоторых людей не становится для рассказчика поводом разразиться гневной филиппикой в их адрес, и это тоже становится проявлением жалости к ним. Во многом именно этот «пацифизм» («Терпеть не могу ссор и драк», «Рано меня стала принимать жалость...» и др.) вызвали те сдержанно-неодобрительные отзывы на повесть, которые последовали сразу после первой её публикации.

Точка зрения простого, необразованного человека с добрым сердцем становится стержнем повествования, но особое настроение «Чижиковой лавры» создаёт не только она. О выживании на чужой земле среди равнодушных людей рассказывается в грустной и в то же время полушутливой манере, которая призвана создать у читателя двоякое впечатление: «Донимал меня в те дни холод. И придумал я каждое утро покупать большую газету: хватало мне под фуфайку и в сапоги на стельку. Шелестел я, как мешок с сухим листом, но от холода было надёжно. И смеялся я тогда над собою: что вот и газета может спасти человека!» [2, с. 183].

Вспышка ярости по отношению к незнакомой состоятельной даме («Оглоблей бы в розовый ротик!») выливается у героя в осмеивание такого непривычного для него чувства как ненависть: «Побежал и про себя думаю: вот те и большевик! Потом самому стало смешно» [2; 139].

Живым воплощением такого отношения к миру – смех сквозь слёзы – станут обитатели Чижиковой лавры. Так иронично именуется общежитие для русских эмигрантов в Чизике. Весёлая песенка о Чижикепыжике, которой бедствующий рассказчик учит английских девушек, задаёт второй главный мотив повести. Жильцы «весёлого монастыря» – это «пропадающие» шуты, грустные комедианты, которым открылась простая и в простоте своей жуткая правда о людях: «Пропадаешь – ну и пропадай на здоровье. Сдыхаешь – ну и сдыхай, сделай милость!» [2, с. 139] Они исключены из жизни Англии, они оторваны от родины, они – вне человеческого бытия. И, как и всякие шуты, они – те, кто может позволить себе без предубеждения смотреть на мир и говорить этому миру правду. Это видно хотя бы по тому, что оценка англичанам и английскому образу жизни (при всём их равнодушии к горестному положению русских людей) даётся непредвзятая: герой замечает как положительное, так и отрицательное, а то просто удивляется непонятным, чудным обычаям местных.

Особенно наглядно контраст трагического и комического, переходящий в их неразрывное слияние, отражён в безымянном обитателе Чижиковой лавры, с которым рассказчик знакомится сразу по приезде: «...поразило меня его личико: левый глаз его открывался широко и, казалось, плакал и был полон слезою, а правый жмурился хитро и точно смеялся» [2, с. 187].

Неоднократно подчёркивается колоритная по английским меркам внешность «баса» Выдры, которая выглядит как карнавальная личина: «Вид же у него сохранился некасаемо воистину русский, волосье буйное, чёрное, на носу оспины. Разумеется, одевается он здесь прилично, но остался у него запах особый, ещё от России, как от кадушки с кислым тестом» [2, с. 190]. На службу охранником Выдру принимают именно «за страшную видимость: очень он большое впечатление мог производить на людей страшным своим видом».

Чудачеством выглядит желание русских дворян сохранять видимость прежней жизни («У иного всего то имущества, что штаны да подтяжки, а мнение о себе прежнее»).

Таким же грустным маскарадом становится учреждённый князем Агибаловым оркестр, игравший русскую народную музыку. Он в «своих крестах и звёздах, русских и персидских» тоже выглядит ряженым, шутом. Смокинг, приобретённый специально для выступлений, кажется герою неузнаваемо меняющей его личиной, а сами выступления сильно смахивают на цирковое представление («перед нами всякий вечер выходила американская дрессировщица тигров и змей») и вызывают двоякое впечатление («и слёзы и смех, и на какие пускались мы по нашей нужде увёртки»).

Сочетание трагического и комического видения в мировосприятии рассказчика и его товарищей по несчастью выводит повествование на уровень философских размышлений о человеке и душе человеческой, о подлинном и мнимом духовном родстве и истинных ценностях. Чтобы перестать быть шутом, нужно отказаться от родины. А такой отказ, как неоднократно показывается в повести, равнозначен отказу от души.

Ложный, мнимый мир, равнодушный к чужаку и лишенцу, вынуждающий его надевать на себя маску весельчака («...запрещает здешний закон собирать милостыню и каждый обязан заниматься работой, потому и ходят по улицам люди с трубами, бьют изо всех сил в барабаны или сидят на панели и рисуют по асфальту мелом картинки. Теперь-то всё примелькалось и обжилося, и гляжу я на всё как на привычное, а по первому меня поразило: что за развесёлые люди гремят в барабаны! Теперь я хорошо понимаю, что тут, ежели по-нашему, ради Христа да на глазах слёзы...» [2, с. 156-157]), в конечном итоге приобретает черты реальности, а Россия чем дальше, тем больше становится областью снов. Сон о России подобен мечте о далёком золотом веке и напрямую связан с впечатлениями детства. Именно поэтому страшные слухи о гражданской войне и голоде, о революции, в искажённом виде и с большим опозданием узнаваемые из газет, не воспринимаются персонажами как реальность («И какие только не ходили о России слухи, и чего-чего не писали газеты!.. Разумеется, никто не знал толком, и врал все несудом, как тот безногий полковник. И не знали мы, чему верить и чего ожидать» [2, с. 205]). Это всё даёт автору основание поставить вопрос о том, что есть родина? Никакой надежды на возвращение домой своему герою И.С. Соколов-Микитов не оставляет. Даже большевики хотя и изображаются с симпатией, но и они явно не прочтятся на роль «освободителей из плена». Окончательную точку ставит долгожданное письмо матери, извещающее рассказчика о смерти горячо любимого отца. Уход в «туманы» и сны, в которых отец жив и они вместе, как в прежние счастливые дни, идут на охоту, становится единственным возможным финалом: вернуться в Россию не значит вернуться на родину.

Единственным уделом обитателей Чижиковой лавры становится состояние «внутренней эмиграции». Это подчёркивается не только через приверженность к видениям, снам о прошлом и фантастическим проектам, но и через отказ некоторых жильцов «лавры» от общения с внешним миром. Хронотоп лавры, монастыря предполагает не только уединение, но и духовное восхождение и служение, и обитатели Чижиковой лавры каждый по-своему остаются верны своему Раю, даже если знают, что его уже не существует.

Хронотоп повести интересен также своей необычной для творчества И.С. Соколова-Микитова сложностью. В экспозиции (в форме настоящего времени) показан один из ничем не примечательных дней, проведённых в «лавре» (о. Мефодий ещё не посажен в тюрьму, весточка из дома ещё не получена): «Проснёшься – сумерок, в окно – чужое небо, чужие деревья. В комнате холодуго. Тут-то и лезут в голову воспоминания» [2, с. 137]. Повествование продолжается рассказом о тех днях, когда приходилось ещё хуже, чем сейчас, в форме беседы с неким неизвестным («я о себе скажу...», «что могу сказать про войну?»), и должно завершиться, казалось бы возвращением к экспозиционным «параметрам», однако в конце беседы сообщается, что о. Мефодия уже арестовали, письмо от матери уже получено. Как следствие, возникает ощущение временного наложения: о. Мефодий одновременно сидит в тюрьме и работает в переплётной мастерской «лавры», письмо из дома и получено и не получено. Этот временной сдвиг очень хорошо иллюстрирует внебытийность обитателей Чижиковой лавры.

Ни в одном другом своём произведении И.С. Соколов-Микитов не ставит столь серьёзных проблем и не достигает столь значительных философских обобщений. Ни в одном другом он не пытается так объективно показать обыденный кошмар «нежизни» вдаль от родных людей. Финальное принятие героем весёлой трагедии своего существования («Но, видно, попривыкли люди переносить горе. И даже иной раз сам себе улыбнись: пускай, пусть!..» [2, с. 216]) сопоставимо по глубине разве что с принятием собственной смерти персонажами некоторых рассказов из цикла «На тёплой земле» (например, «Пыль» и «Медовое сено»), которые, впрочем, значительно уступают «Чижиковой лавре» в мастерстве исполнения. В этих произведениях смерть одного человека (реальная или символическая) включается в вечный цикл природного обновления, и тем самым её трагичность, возвышаясь до космического значения, «снимается». Но в «Чижиковой лавре» такого включения не происходит. На первый взгляд иронико-комический элемент должен снижать трагическое настроение повести, однако именно он делает горе чужаков обитателей «лавры» острее и «человечнее». Он позволяет сделать акцент на внутренней силе человеческой души, которая, даже будучи оторванной от природного мира, способна на духовное подвижничество.

Повесть, столь много значившая для И.С. Соколова-Микитова, была незаслуженно забыта. О ней не вспомнили даже в те годы, когда в России стали издаваться и переиздаваться произведения писателей-эмигрантов. Переоценка значения некоторых произведений этого писателя, вполне вероятно, поможет скорректировать сложившееся представление о сквозных темах его творчества и позволит говорить о И.С. Соколове-Микитове не просто как о продолжателе традиций, но как об авторе, сказавшем своё, неповторимое слово.

** Материал подготовлен в рамках исследовательского проекта №16-34-01071/16 при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда.*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Васильева, Е.Н. Творчество И.С. Соколова-Микитова: новый взгляд / Е.Н. Васильева. – Тверь: ТвГУ, 2006. – 54 с.
2. Соколов-Микитов, И.С. Собр. соч.: в 4-х т. / И.С. Соколов-Микитов. – Л.: Худож. литература, 1985. – Т.1. – 528 с.
3. Соколов-Микитов, И.С. Собр. соч.: в 4-х т. / И.С. Соколов-Микитов. – Л.: Худож. литература, 1987. – Т.4. – 448 с.
4. Творчество И.С. Соколова-Микитова: сб. науч. трудов. – Л.: Наука, 1983. – 295 с.

Материал поступил в редакцию 25.08.16.

UNDervalued MAGNUM OPUS: CHIZHIKOVA LAVRA IN I.S. SOKOLOV-MIKITOV'S CREATIVE WORK

Yu.L. Vasilevskaya, Candidate of Philology,
Associate Professor of Department for Philological Grounds of Publishing and Literary Creativity
Tver State University, Russia

Abstract. *I.S. Sokolov-Mikitov's story "Chizhikova Lavra", unrecognized neither during writer's lifetime, nor after his death, has a lot of the innovative methods unusual to creative author's "credo". This article is devoted to the specification of literary priorities of I.S. Sokolov-Mikitov based on the analysis of letter writing with friends and publishers and to review of place of the story "Chizhikova Lavra" in author's creative evolution.*

Keywords: *I.S. Sokolov-Mikitov, "Chizhikova Lavra", sketch, autobiographical nature, chronotope.*

Literature of Peoples of the Foreign Countries
Литература народов стран зарубежья

UDC 8. 1751

**CAO ZHI'S POEM *THE FAIRY OF THE RIVER LUO*
IN GU KAICHI'S ART INTERPRETATION**

D.S. Abdurazakova, Student

Sholom-Aleihem Priamursky State University (Birobidzhan), Russia

Abstract. *This article is written and based on Cao Zhi's Chinese poem "A Serenade for the Fairy of the River Luo". The article examines the poetics of the work. It also highlights the artistic dominants of a "new style" in the early medieval Chinese love poetry.*

Keywords: *Chinese poetry, Cao Zhi.*

Legends live long because they have the magic and poetic beauty.

One of the most popular works of the early medieval Chinese literature is Cao Zhi's poem *A Serenade for the Fairy of the River Luo*. The work was highly valued for an amazing distinguished style and sensual romantic plot. Cao Zhi was acknowledged as the head of the literary group "Seven talents of Jian-an's period".

The literary plot and the story of the poem are of variability. In addition, the poem *A Serenade for the Fairy of the River Luo* was continued in the Chinese folklore in the form of songs, legends and tales. The plot was so rich that it contained different kinds of "march of events". The poem gave truly inexhaustible possibilities for aesthetic transformations.

In the «Anthology of the Chinese Poetry» that was published in 1957, it was stated that the source of the text had served the ancient Chinese poet Song Yu's ode *The Immortal Fairy*. He lived in the 4th century BC. In order to create odes the poet Song Yu based on the ancient story of how one of the daughters of the legendary Emperor Fu Xi drowned by throwing herself into the river Luo, and became the spirit of the river. Locals called her spirit Mi-fei – Mrs. Mi. In the Russian translation of A.E. Adalis the plot of the poem in general is the following:

In the year 222 AD, after returning from an audience with the Emperor, the poet walks along the banks of the river Luo and meets a fairy.

Being shocked by the fairy's beauty, the poet, using epithets and comparisons, describes her beauty. The feelings suddenly break out in his soul.

The main character asks Luo's river waves to tell Mrs. Mi-fei about his feelings. As a gift, he throws into water a jasper pendant. Being touched, the Fairy of the River Luo sings in response a long and sad song about eternal love. Parting with the poet, the fairy cries and regrets about the differences between man and spirit.

Another variant of the poem is showed by a modern researcher of the Chinese literature and art. It is professor Zhang Anchzhi. In the work *The history of the Chinese Painting* the scientist presents another version of the creation of Cao's Zhi work *A Serenade for the Fairy of the River Luo*. In this work the writer notes that the author did not apply to the well-known story but recreated the tragic story of his own life in an epic way.

The poet Cao Zhi (192-232) was born in the family of a Chinese general Cao Cao of the Three Kingdoms epoch. In one of the military campaigns the poet's father succeeded to hit his longtime enemy – Yuan Shao. Of one the enemy's wife is captured by Cao Cao, her name is Mrs. Zheng.

All the sons of Cao Cao are in love with the young prisoner. But the younger son of the Emperor Cao Zhi particularly strongly and tenderly loves the beautiful woman Zheng. And to his love she reciprocates. However, the eldest son of Cao Pi ruler asks his father's and brother's permission to marry Mrs. Zheng, and obtains a consent. At the beginning of the third century in China the three independent kingdoms are formed and are constantly at war with each other. As a result of the intrigues, the poet's brother Cao Pi becomes an emperor and receives the name of Wen-di, and Mrs. Zheng receives the title of Empress. But around the young wife of the emperor courtiers weave a plot, and ultimately weaving of plots lead her to capital punishment. On the day of Mrs. Zheng's death, the older brother, knowing what kind of deep feelings his younger brother had to that woman, the older brother presents him a souvenir – an embroidered pillow with gold of his beloved woman. On the way to his estate, Cao Zhi crossed the river Luo, where he meets the image of Mrs. Zheng. Being touched by this vision and embraced the deep sorrow, Cao Zhi creates *A Serenade for Mrs. Zheng*, which later will be called *A Serenade for the Fairy of the River Luo*. Later Cao Zhi is always attacked

by the royal brother's attacks, eleven years (after the death of his father) he spends on the road, experiencing loneliness, misery and deprivation. The death overtakes him in an exile on the fortieth year of life.

The poem recalls the ancient tragedy, like in a composition and in the plot, which is built on the mythological model the "convergence – separation", the model is rich with scenic images. The author has tried to recreate the phenomena of reality into conventional fairy-tale fantastic images filled with hyperbole and having a symbolic and allegorical meaning.

The text was quite innovative for the previously mentioned period of Chinese literature. This text is written in the spirit of fairy-tale romantic aesthetics that contradicted the propaganda of feudal mores of that time.

The introduction of the work begins with the image of two lovers who are separated by death. The poet looks at the stream of the river on which in the opposite direction the fairy of the river Luo comes to meet him. The author emphasizes the motif of the wind that is symbolizing the deep space forces. In these forces material and spiritual things inextricably intertwine. "The wind that was born with the fight between Yang's force and Yin's force, swept over the world, without knowing the obstacles – the wind smashes a rock on its way and gives life to a flower. Was the wind harmful or healing, it invades into a man and through him, like a splash of ocean of light spirituality, lies down like ink on a scroll; was the wind scenic or literary – it is all the same. A stream is like Dao – is always moving and staying at the same place. The wind and stream were the most perfect embodiment of the Yin and Yang forces. People thought that the innumerable diversity of things in our world happen from the Yin and Yang forces. The artist had to become like the forces and discovers them the way to his heart in order to merge with the universe and find the harmony of the inner and outer" [2, p. 59]. This concept in the Chinese art was called "Feng Liu" which means "wind and stream". In medieval China philosophical perception of the world in a certain extent was meditative. Therefore, moving waves and vortex of wind become like an action of a dance, the music, which lead man from the world of reality and immerse in a state of trance.

The phenomenon of the fairy draws a line to earthly everything. A dumb roll vote begins between lovers, which acquires a distinct secretly effective meaning and tells the story of painful conflicts of life. Images of the characters are depicted very vivid. The figures of the lovers are permeated with the light of the rising sun; the moon that is going away, sometimes opens its face, sometimes hides its face behind the clouds. Above the heads of the characters seagulls are flying, and then there the mysterious dragons appear. In the opening scenes of nature, readers have seen the most complex characters and symbols that are full of deep meaning. The dragons, that are coming down from the sky, they also point to the most favorable place of the other world that is the embodiment of the highest and purest energy flow which is rushing over the world. And the disturbed flight of seagulls enhances the motive of senseless killings, loneliness and wandering in eternity. The water surface is strewn with lotus petals that are glowing with gentle colors. The lotus petals symbolize the purity and innocence of the protagonist. The poetic scenery only enhances the beauty of the fairy of the river Luo fairies and reinforces the poet's tragedy. The meeting of the lovers happens through the overcoming and destroying the barriers between the worlds, by overcoming the death.

In the next scene the dialog between two lovers takes place.

The main characters tell each other all the words of love that they could not say in this life (earthly life), exchange gifts. The affecting meeting of the poet and the fairy of the river Luo does not leave indifferent any of gods. The gods order all the forces of the nature to stop its course and not to interfere with the lovers. And the main characters are one-on-one meeting and whisper to each other words of tenderness in the «chariot of clouds» that are drawn by six dragons. Their journey is accompanied by the singing of the gods, who glorify the amorous couple.

In the creating of a fabulous situation a philosophical general conclusion lies. In this conclusion the mortal and the immortal, the sun and the moon, the spiritual and the material, the earthly things and the heavenly things exist side by side.

The finale of the poem is a forced separation of the main characters. As the scene of meeting, the moment of a farewell is also described in details: a gradual distancing, burning and erosion of visible images. The poet is slowly moving away from his beloved woman, turning round from time to time, knowing that he would never see her again.

A romance between a man and a woman were not a cherished theme of ancient Chinese literature. Under love people understand only marital relationships because life as itself gave little space for another love. Not by chance in ancient Chinese literature a tendency of "artless love poetry" developed. According to this tendency, any expression of love to a woman is allegorically conceived as a veiled reference to a friend or a ruler. The images of lonely, abandoned and unhappy lovers often existed in folk songs, urban romances. In this poem, the first time for the Chinese literature there were expressed deepest feelings, the most subtle love experiences of the characters. This kind of thing was unacceptable to the Chinese mentality and aesthetics. The poem has a thing, which we can call as emotional courage. It means fearlessness of expression of feelings, the immediacy of revelation of life of the human soul. This fact has repeatedly been subjected to Chinese researchers' critical analysis. However, this work has given rise to a powerful tradition of "aesthetization of love", that is implemented in the future by the medieval Chinese literature.

The poem *A Serenade for the Fairy of the River Luo* was continued not only in the Chinese folklore and also has become a favorite subject of Chinese painting. It remained several copies of scroll – paintings, screens which are based on the motives of works. The works are made by Chinese painter Gu Kaichi.

Like a poem, the painting is unusually romantic. At first glance, the work is made in the spirit of Chinese landscape painting, however, in a detail study you can understand that here a fairytale story is represented. In this story the meeting of the mortal with the immortal takes place.

The scroll of the artist's painting has not come to us in the original. The heritage of today there are only three copies of this work, which are made at different times. The width of the scroll, as the artist pointed out, is about 74 centimeters.

The scroll of the painting is divided into 5 concentric parts. In the first part on the background of the mirrored surface of the river, the river glares from the morning light of the rising sun. In that part of the scroll the figures of lovers are presented. The figures are depicted by the author at the opposite ends of the scroll. The amorous poet is standing in front of the courts' group and looking at the river. In the distance there is a solitary figure of the fairy of the river Luo, in a flowing dress as if she is going to the poet by the waves. The lovers are surrounded by flowers, trees, birds, the sky, the sun, clouds, the heavenly dragons. There where the male images are drawn, there lines are sharp and thick. These lines transmit a feeling of robustness and strength. Later this technique was called "iron wire". And where the fairy of the river Luo is depicted, the technique of strokes is elegance and delicacy, rarely you can see a blur of mascara. This technique creates a sense of charm, grace and elegance. This method was called "running thread". This part of the work not only tells us the tragic story, but it also shows the vivid expressive images of the main characters. The picture is planar, with no prospects, but it transmits the motion effect, wind and water.

The second and the third parts of the picture have a kinetic effect. Different images of the fairy are introduced here. The fairy is on the mountain, at the river, she is retreating, and then she is approaching. A noble, fragile, weightless figure of the fairy is full of grace and beauty.

The fourth and fifth parts of the picture tell the story of the journey of the lovers on a chariot by Celestial River. The author used here a conditional symbolic landscape, as well as symbols of dragons and ducks. An ochreous tone creates the mystery and fairy-tale.

Gu Kaichi's painting that is written according to the motives of Cao Zhi's work, and the poem *A Serenade for the Fairy of the River Luo*, both works can be put in a line with the best works of the world art and literature.

REFERENCES

1. Cao Zhi. The Fairy of the River Luo / Cao Zhi. – St. Petersburg, 2000. – 255 p.
2. Lisevich, I. S. Literary Chinese thought / I. S. Lisevich. – M., 1979. – P. 59.

Материал поступил в редакцию 29.08.16.

ПОЭМА ЦАО ЧЖИ «ФЕЯ РЕКИ ЛО» В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ГУ КАЙЧИ

Д.С. Абдуразакова, студент

Приамурский государственный университет им. Шолом-Алейхема (Биробиджан), Россия

Аннотация. *Статья основана на материале китайской поэмы Цао Чжи «Серенада для феи реки Ло». Рассмотрена поэтика произведения. Выделены художественные доминанты «нового стиля» в раннесредневековой любовной китайской поэзии. Проанализирован сюжет картины Гу Кайчи «Фея реки Ло».*

Ключевые слова: *китайская поэзия, Цао Чжи.*

УДК 82.091

ЖАНРОВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ РОМАНА ПАТРИКА БЕССОНА «ЗАКАТ СЕМЬИ БРАБАНОВ»

Л.А. Свирид, магистр гуманитарных наук,
преподаватель французского языка кафедры романского языкознания
Белорусский государственный университет (Минск), Беларусь

***Аннотация.** Статья посвящена анализу жанрового своеобразия романа Патрика Бессона «Закат семьи Брабанов». Особое внимание уделяется деконструкции жанра семейного романа, особенностям сюжета и композиции выбранного произведения. Актуальность работы обуславливается малой изученностью творчества Патрика Бессона в русскоязычном литературоведении.*

***Ключевые слова:** роман, жанр, композиция, сюжет, семейный роман.*

Одной из центральных фигур французской литературы рубежа XX-XXI века является Патрик Бессон. Писатель и журналист, перу которого принадлежит более 40 романов, повестей, рассказов, эссе и пьес. Но, несмотря на большое количество написанных им произведений, несколько литературных премий, творчество Патрика Бессона мало исследовано и в самой Франции, и за ее пределами. В отечественном литературоведении мы можем сослаться на предисловие К.Н. Михеева к изданию на русском языке романа «Les Braban».

Целью нашей статьи является попытка определить жанровую модификацию романа «Закат семьи Брабанов».

Жанр семейного романа имеет богатейшую традицию во Франции. На протяжении XIX и XX веков в произведениях таких мастеров как Э. Золя, Р. Мартен дю Гар, А. Труая, Ф. Эриа, Э. Базен, происходит формирование и развитие основных его черт.

Классический семейный роман характеризует детальное изображение социальной среды, прозаической каждодневности, повышенный интерес к семейному быту, традициям, межличностным отношениям. Очень важно отметить особый тип хронотопа. Многоаспектное воспроизведение подробностей семейной атмосферы, замедляет развитие сюжета. Протяженность во времени, стремление к охвату целых десятилетий, без которых невозможно показать судьбы нескольких поколений, тяготение к полноте изображения обычно требуют от семейного повествования большого объема, что ведет к трансформации семейного романа в роман-эпопею или в семейную хронику. По своей жанровой природе семейный роман предполагает поступательное разветвление событий, в естественном течении жизни семьи, их хронологическую последовательность, связь причин и следствий, разветвленную систему образов. События, являющиеся сюжетом романа, позволяют проследить развитие характеров, специфику семейных отношений. Но чаще всего такие мастера слова как Э. Золя, Р. Мартен дю Гар, Ф. Эриа не ограничиваются схемой линейного развития сюжета. Вставные новеллы, интермедии, авторские отступления усложняют сюжет, сообщают различные дополнительные сведения о героях, что делает характеры многограннее, насыщеннее, неоднозначнее, а также создают эффект скачков времени. Композиция семейного романа, как важнейший жанровый признак, отражает внутреннюю форму художественного произведения. Общность семейного времени имеет связь с общностью географического места, исторических событий, органично вплетенных в канву романа.

Появление романа «Закат семьи Брабанов» стало своеобразным событием в литературной жизни Франции. Это небольшое по объему произведение по значимости можно поставить в один ряд с такими произведениями как «Ругон-Маккары», «Семья Тибо», «Семья Буссардель» и другими. Уже название романа позволяет по традиции отнести его к жанру семейного романа. В центре повествования обычное французское семейство, живущее в пригороде Парижа. С первой страницы автор погружает читателя в быт семьи Брабанов, описывая возвращение ее членов домой после рабочего дня: «Я возвращалась домой первой, особенно с тех пор, как Бенито посадили в тюрьму Флери-Мерожи... Мой отец возвращался из редакции журнала «Летр де ла Насьон» где-то через час после меня... Мама и Синеситта возвращались домой вместе, так как обе работали в парижском квартале Мадлен...» [3, с. 19]. Только упоминание, как бы между прочим, что приемный сын Бенито в тюрьме, может навести на мысль, что в доме произошла трагедия. В целом такая же семья, как и другие: родители, дети, которые рождаются, растут, женятся, вместе проводят праздники, принимают гостей. Описание внешности героев, их привычек, семейных традиций еще больше подчеркивает заурядность этой семьи. Вместе с тем жанровая природа романа «Закат семьи Брабанов» значительно сложнее и не поддается однозначному определению. Семейный роман, каким бы он ни был консервативным и закрытым для «внешних воздействий», тем не менее, претерпел значительные изменения во второй половине XX века. Современный кризис нравов, системы ценностей, моральных устоев, так или иначе затрагивающих семью, делает ее неспособной воспитать полноценную личность.

Проследим, как происходит деконструкция жанра. Сохраняя основу жанра, автор наполняет старую форму новым содержанием. Внешнее благополучие – всего лишь видимость, за которой скрывается иная суть.

Семья, собравшись за праздничным ужином в праздник 14 июля, с волнением слушает выступление президента по поводу праздничной амнистии, которая может вернуть свободу их приемному сыну Бенито. Он пытался убить приемных родителей. Его усыновление приводит к гибели все семейство. Но не только Бенито, но и родные дети разрушают призрачное семейное благополучие. Бенито, появляясь только в конце произведения, в то же время витает, как злой дух, над семьей. Старшая дочь Синеситта, воплощение благоразумия и здравого смысла, выйдя замуж, становится мощным катализатором бед, обрушившихся на Брабанов. Маленький Боб с детства чувствует себя неполноценным из-за осознания того, что его родители, сестры и братья гораздо старше, чем у его сверстников. И, наконец, сама повествовательница, которая никак не может определиться со своей половой принадлежностью и решить кто же она, юноша или девушка. Это единственная героиня, имя которой ни разу не встречается на страницах романа. Ее переодевания то в мужской, то в женский костюм, флирт то с молодыми людьми, то с пожилыми дамами, занятия живописью с явной склонностью подражания великим (период «мертвых лошадей», период «гнилых цветов»), то занятия боксом выглядят вполне естественно на фоне всеобщей ненормальности. Любовь, дружба и, наконец, счастье, также переосмысливаются автором. Действительно, в любой семье любят детей, которые в свою очередь учатся любить. У Брабанов даже такое непреложное понятие как любовь принимает странные формы. Например, любовь матери оборачивается жалостью, она любит только тех, кого жалеет. Материнская любовь уже изначально принимает искаженную форму. Любовь отца выражается в болезненной привязанности к детям, особенно к младшему сыну. Старшая дочь Синеситта буквально погибает от того, что не умеет любить. Она старается ответить на чувство Ивана Глозера, только чтобы он не заболел. Ею движут чувства товарищества, законы скаутов, но не любовь и стремление понять другого человека. Вспомним и то, что родители также не особенно считаются с желаниями Синеситты, заставляя ее врать: «Синеситта ответила: «Я не люблю его», в ответ прозвучало повелительное родительское: «Тогда обмани его»» [3, с. 34].). Стюарт Коллен, муж Синеситты, любит свою жену больше всего тогда, когда причиняет ей боль.

Не стоит забывать, что семейный роман – это не просто описание семейного быта. Семья, так или иначе, вписывается в определенную эпоху, испытывая ее влияние. Нравственные устои, система ценностей, господствующие в обществе, служат ориентиром и во многом мотивируют действия героев. Поэтому важное место в большинстве произведений этого жанра занимает описание социальной среды, в которой живут герои. Бессон по-своему переосмысливает и этот жанровый принцип. Брабаны оказываются не исключением в своих странностях. Помимо истории дома Брабанов мы встречаем описание еще трех семей. Это семьи Глозеров, Колленов и первая семья Стюарта Коллена. Все они имеют много общего. И Коллены, и Глозеры, и Брабаны внешне благополучны, материально обеспечены, все три семейства испытывают определенные проблемы с детьми и часто не считаются с моральными принципами ради достижения своих целей.

Патрик Бессон отказывается от устоявшегося в семейном романе клише: родился, женился, умер. Он избегает линейного развития сюжета, отсюда несвойственная традиционному семейному роману композиция. В романе мы наблюдаем явление проспекции и ретроспекции. Бессон воспроизводит близкое нам время – конец 80-х – начало 90-х гг. XX века. Но героиня-повествовательница рассказывает нам о них в своих воспоминаниях из далекого 2056 года. Время у Бессона имеет не только поступательное, но и обратное движение. Такая динамика действия ничем не напоминает постепенное развитие сюжета. История семьи мало связана с ходом истории. Все – настоящее, прошлое и будущее спрессовано в особой романной реальности, в семейном времени. Противоположность, противоборство и на природном, и на сознательном уровне людей, обреченных на совместное существование, – все это на практике приводит Патрика Бессона к деконструкции жанра. Ослабление причинно-следственных связей означает усиление роли случайного, что находит свое отражение в сюжете романа, где и любовные отношения, и взаимоотношения отцов и детей, и даже брак становятся разновидностью авантюрного сюжета. Правда, сюжетное действие в исследуемом романе разворачивается не на широком географическом фоне, а на пространстве, более замкнутом. Поэтому события, происходящие на ограниченной домашней сцене, еще больше подчеркивают внутрисемейную разобщенность. Обычные элементы истории семьи: неожиданные встречи, разлуки, разногласия родителей, не выстроенные в сюжетном сцеплении, разрушают традиционный порядок размеренного повествования романа и создают новую схему развития сюжета, в которой алогичность является обязательным условием. Это и роман-воспоминание. Происходящие события пропускаются через сознание главной героини. Следует отметить присутствие в произведении черт детективного романа. Сведения собираются по крупицам из криминальных досье, из опросов свидетелей минувших событий. Все это подытоживает главная героиня-рассказчица. Поскольку роман создан в конце XX века, автор не мог не затронуть массовую литературу. Роман посвящен гибели семьи. Из произведения мы узнаем ее обстоятельства. Нетрадиционная фабула романа (ряд преступлений, жестокие убийства), описания шикарных вечеринок, – все это сближает роман Бессона с массовой литературой. Бессон пародирует все элементы той красивой жизни, огни которой завораживают и манят обывателей. Фотомодели, манекенщицы, кинозвезды, продюсеры, роскошь, дорогая одежда, автомобили – все эти атрибуты успеха и всеобщего признания противопоставляются спокойной семейной жизни. Захватывающий сюжет, постоянная смена места действия, изобилие деталей, в отличие от долгих описаний, замедляющих действие, характерных для классического семейного романа, напротив, сообщают роману дополнительную внутреннюю динамику.

Таким образом, «Закат семьи Брабанов», являясь в основе своей семейным романом, содержит элементы и мемуарного, и детективного, и авантюрного романов, что делает это произведение новаторским для своего времени.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреев, А. Н. Целостный анализ литературного произведения / А. Н. Андреев. – Мн. : НМЦентр, 1995. – 143 с.
2. Андреев, Л. Г. Французская литература и «конец века» // Вопросы литературы / Л. Г. Андреев. – М., 1986, № 6. – С. 81–101.
3. Бессон, П. Закат семьи Брабанов / П. Бессон. – Мн. : Макбел, 2000. – 254 с.
4. Уваров, Ю. П. Современный французский роман (60-80-е годы) / Ю. П. Уваров. – М. : Высшая школа, 1985. – 96 с.
5. Besson, P. Les Braban / P. Besson. – Paris : Albin Michel, 1995. – 283 p.

Материал поступил в редакцию 11.08.16.

GENRE PECULIARITIES OF *LES BRABAN*, A NOVEL BY PATRICK BESSON

L.A. Svirid, Master of Humanities, French Teacher of Department for Romance Linguistics
Belarusian State University (Minsk), Belarus

***Abstract.** The article is devoted to analysis of genre peculiarities of *Les Braban*, a novel by Patrick Besson. Special attention is given to genre deconstruction of family romance, features of plot and contexture of the opus chosen. The work of Patrick Besson, understudied in Russian literary studies, causes the urgent character of research.*

***Keywords:** novel, genre, contexture, plot, family romance.*

УДК 398.89

ЖЕНСКАЯ СУДЬБА В РУССКОМ «ЖЕСТОКОМ» РОМАНСЕА.А. Сазонова¹, М.А. Тростина²¹ студент, ² кандидат филологических наук, доцент

ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарёва» (Саранск), Россия

***Аннотация.** Статья посвящена анализу изображенных в народном «жестоким» романсе жизненных ситуаций, в которых так или иначе отразилась судьба русской женщины. Авторы называют в числе ведущих сюжетов – сиротство, неравный брак, измену суженого, униженное положение в семье, запретную любовь и женское злодейство.*

***Ключевые слова:** фольклор, жестокий романс, женские образы, жанр, песня, семейно-бытовой романс.*

В произведениях русского устного народного творчества разных эпох находит отражение тема женской судьбы, вызывающей у слушателя сочувствие и сострадание ввиду своей трагичности, «незавидности» и безысходности. До нашего времени дошли средневековые песни о «татарском полоне», о злодейках-свекровях, о тиранах-мужьях, о невинно страдающих в чужой семье молодых невестках. Представление о женской доле у русского народа на протяжении многих веков оставалось неизменным: женщина представлялась хранительницей домашнего очага, верной помощницей мужа, трудолюбивой и заботливой матерью.

В XIX веке в России в связи с отменой крепостного права, кризисом патриархальных устоев, развитием капитализма происходят изменения в традиционном быту человека, нашедшие отражение в городском фольклоре, характерным явлением которого выступил так называемый «жестокий» романс. Он возник в среде обитателей городских окраин, переселенцев из деревни, мечтающих, но в силу различных обстоятельств не имеющих возможности прикоснуться к высокой культуре. До недавнего времени этот жанр оставался вне поля зрения фольклористов ввиду своей «неперспективности». Исследователи либо умалчивали о нем, либо именовали «новой балладой», считая подобные песни мимолетным явлением в устном народном репертуаре. Только в последние два десятилетия XX в. отношение к жестокому романсу в научных кругах изменилось, чему во многом способствовал выход в свет в 1996 г. в Санкт-Петербурге первого сборника произведений с научными комментариями [7]. В работах ученых С. Адоньевой и Н. Герасимовой [1], М. и Л. Джекобсонов [3], Е.А. Костюхина [4], Я. Гудошникова [2], Б.А. Ягубова [10], М. Тростиной [8], М. Петровского [5] и др. рассматривается жанровая природа жестокого романса, вопросы его эволюции, художественные особенности. Исследователи сходятся во мнении о необходимости рассмотрения романса данного типа как самостоятельного фольклорного жанра со сложившейся системой характерных признаков.

Предметом изображения в жестоком романсе являются бытовые трагедии. Можно выделить чуть более десятка самых популярных сюжетов, которые отличаются между собой обстоятельствами произошедшего, мотивами трагедии, но концовка остается неизменной: погибает невинная жертва. Изображение деталей и подробностей гибели героя и делает романс «жестоким». Большинство его сюжетов напрямую связано с участием женщины, выступающей как в роли губительницы, так и в роли жертвы. В сравнении с балладой предшествующего периода, на почве которой сформировался данный жанр, женская судьба в нем получает дальнейшее развитие. Создатели «жестоких» песен новой эпохи пытались найти объяснение тем или иным поступкам женщины, чего не было в балладе эпохи Средневековья. С приходом капитализма в Россию традиционная семья претерпевала некоторые изменения, роль женщины возрастала, к тому же просачивались западноевропейские веяния, согласно которым женщина наделялась правом на свободный выбор и независимость. Слабый пол стал проявлять собственное «я», и это стремление отразилось в произведениях различных жанров: песнях, балладах и романсах.

Проведя анализ романсов различных тематических групп, мы выделили наиболее частотные жизненные ситуации, в которых так или иначе раскрываются женские характеры и судьбы.

Сиротство. Героиня – скромная, прилежная, трудолюбивая девушка, отличающаяся кроме того и внешней красотой. Но судьба ее незавидна. Потеряв во младенчестве родителей, она становится бесприданницей, и ей не приходится рассчитывать на удачное замужество, ее будущее не предвещает ничего хорошего. Сирота беззащитна, над ней надсмехаются, ее обижают («Несчастный день мово рожденья», «Жила, жила мой друг Анета», «Как богатая была Анюта», «Уродилась я, как в поле былинка», «В саду при долине», «Среди долины ровныя» и др.). Повествование в песнях данной тематической группы часто ведется от первого лица, что способствует созданию драматизма и поддержанию напряженного внимания слушателей.

Неравный брак. Героиня таких песен – молодая красивая девушка, насильно выданная замуж по расчету родителей. Она покорна родительской воле, но, как правило, в новой семье ее начинают попрекать бедностью, ей ненавистен старый уродливый муж, и другого выхода, кроме того, как совершить самоубийство или умереть от горя, она не находит («Она, как статуя, стояла», «Рано-рано мама вставала», «Тихо стонет сине море», «Зачем ты, безумная, губишь» и др.).

В романсе «Она, как статуя, стояла» средством создания психологизма выступает антитеза: жених и невеста противопоставляются во всех отношениях, что подчеркивает обреченность такого брака («Он – властелин, она – рабыня, / Она – ребенок, он – старик, / Она – поругана святыня, / О, как ничтожен этот миг! [6, с. 45]).

Невинность и молодость девушки уподобляются святыне, приобретают особую ценность, не осознаваемую будущим мужем. Конфликт разрешается трагично: в церкви появляется бывший возлюбленный девушки, полностью противопоставленный престарелому жениху:

Любил ее блондин-красавец,
Стоял всего в пяти шагах,
Она, увидя, заметалась,
Сказала: «Вот где жизнь моя».
И с ног подкошенных упала
Подругам на руки она [6, с. 45].

Измена суженого. Это одна из самых распространенных тем жестокого романса («Пускай могила меня накажет», «Зачем тебя я полюбила», «Не брани меня, родная», «Калина красная», «Я сидела и мечтала» и др.). Героиня выступает жертвой подлости и предательства, а мужчина – злодеем и изменщиком:

Еще не допев эту песню,
Вдруг слышу я у крылец
Бубенчиков звон, и мой милый
Другую ведет под венец [9, с. 49].

В песнях звучит осуждение неверного героя и глубокое сочувствие покинутой девушке, которая не мыслит себе жизни без него.

Униженное положение в семье. В семейно-бытовых романсах часто описывается тяжелая, гнетущая атмосфера, царящая в патриархальной семье, в которой молодая жена, то есть сноха страдает от притеснений мужа, свекрови, золовок и старших снох («Пастушка юная младая», «Купеческая дочь», «Вдали над озером в тумане», «Песня про донского казака» и др.). Жестокое отношение мужа нередко заканчивается смертью жены. Поведение мужчины может быть и необоснованным, а может объясняться ложным наветом его родной сестры или матери.

Запретная любовь. Романсы с такой сюжетной ситуацией показывают трагедию женщины, совершившей выбор между долгом и чувством в пользу последнего, т.е. нарушившей нормы народной морали. Мужчина здесь выступает в роли беспощадного судьи, часто последнего и жестокого. Он не принимает объяснений, для него важнее личная обида и оскорбленное самолюбие («Ехали казаки со службы домой», «Все васильки, васильки», «Бывали дни веселые» и др.) Героиня, поддавшаяся зову страсти, предстает как падшая женщина, заслуживающая наказания, и, разумеется, итог романса соответствующий – смерть неверной. Однако, несмотря на греховность женщины, в некоторых произведениях слышится сочувствие в ее адрес и осуждение злодея и убийцы:

Свой стыд и девичий позор
Я на груди его забыла.
Ушла от матери родной.
О судьи, я его любила [6, с. 348-349].

Женское злодейство. В русском жестоком романсе женское злодейство выступает как проявление греховной природы женщины, связанное с ее эгоистическими страстями и желаниями («На кладбищах Митрофановских», «В одном городе близ Саратова», «Это было весенней порою», «Жил-был мальчонка, годик ему пятый» и др.). Такое поведение не находит никакого оправдания, и песни завершаются как описанием наказания злодейки, так и моралистической концовкой, адресованной мужчинам. Например, в широко известном романсе «На кладбищах Митрофановских» изображено убийство отцом дочери, совершаемое по воле его молодой жены, не желающей жить вместе с падчерицей. Причем мачеха применяет все свое коварство и лукавство, чтобы убедить мужчину в необходимости страшного шага:

Всею душой люблю тебя, милый мой,
Только жить мне с тобою невмочь,
Говорить тебе даже совестно,
Жить с тобою мешает нам дочь [9, с. 50].

Злодейский поступок может совершаться и в отношении самых близких людей, например, родной матери, брата или мужа. И в этом случае женщина предстает полностью утратившей моральный облик, как,

например, в романсе «Про один кошмарный случай», описывающем злодейскую расправу дочери над собственной матерью. Вердикт, выносимый в финале по отношению к преступнице, суров:

И созналась, что по злобе
Мать зарезала она,
И на десять лет свободы
Была дочка лишена [9, с.47].

Поводом для убийства может выступать и ревность. Подруга-завистница с помощью клеветы доводит до самоубийства счастливую соперницу в романсе «Коломбина»:

К ней подруга в саду подошла:
«Что гуляешь одна, Коломбина?
Джон с другою в саду вон стоит,
Про тебя он совсем забывает,
Он с другой о любви говорит» [6, с. 347].

В рамках данной статьи мы рассмотрели представленные в «жестоком» романсе основные жизненные ситуации, в которых так или иначе отразилась судьба русской женщины второй половины XIX- начала XX века. Специфика жанра проявилась в преимущественном изображении темных сторон и драматических моментов в жизни женщины, связанных с ее угнетенным положением и несправедливостью в чужой семье, запретом на проявление чувства. Дальнейшее изучение обозначенной темы позволит расширить представление об эволюции женского характера в фольклоре, что представляется особо актуальным в связи с возросшим интересом отечественной науки к проблемам гендера и его проявлениям в искусстве и общественном сознании.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адоньева, С. "Никто меня не пожалеет..." : баллада и романс как феномен фольклорной культуры нового времени / С. Адоньева, Н. Герасимова // Современная баллада и жестокий романс / сост. С. Адоньева, Н. Герасимова. – СПб. : Изд-во Ивана Лимбаха, 1996. – С. 338-365.
2. Гудошников, Я. И. Русский городской романс : учебное пособие / Я. И. Гудошников. – Тамбов : Тамб. гос. пед. ин-т, 1990. – 89 с.
3. Джекобсон, М. Преступление и наказание в русском песенном фольклоре (до 1917 года) / М. Джекобсон, Л. Джекобсон. – М. : Совр. гуманитар. ун-т, 2006. – 504 с.
4. Костюхин, Е. А. Жестокий романс / Е. А. Костюхин // Современный городской фольклор / отв. ред., автор вступ. ст. С. Ю. Неклюдов. – М. : РГГУ, 2003. – С. 471-504.
5. Петровский, М. Скромное обаяние кича, или Что есть русский романс / М. Петровский // Ах, романс, эх, романс, ох, романс : русский романс на рубеже веков / сост. В. Мордерер, М. Петровский. – СПб. : Герань, 2005. – С. 5-74.
6. Русский жестокий романс : сборник / сост. В.Г. Смолицкий, Н. В. Михайлова. – М. : Государственный республиканский центр русского фольклора, 1994. – 144с.
7. Современная баллада и жестокий романс / сост. С. Адоньева, Н. Герасимова. – СПб. : Изд-во Ивана Лимбаха, 1996. – 416 с.
8. Тростина, М. А. Жестокий романс : жанровые признаки, сюжеты и образы / М. А. Тростина // Новые подходы в гуманитарных исследованиях : право, философия, история, лингвистика (Межвуз сб. науч. тр.). Вып. IV. –Саранск, 2003. – С. 197-202.
9. Тростина, М. А. Русский фольклор : учебно-методическое пособие / М. А. Тростина. – Саранск : Тип. «Красный Октябрь», 2004. – 62 с.
10. Ягубов, Б. А. «Жестокий» романс и городская баллада : генезис и функционирование» / Б. А. Ягубов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – № 3 (21), часть 1. – 2013. – С.215-218.

Материал поступил в редакцию 26.07.16.

WOMAN'S DESTINY IN THE RUSSIAN HEART-RENDING ROMANCE

A.A. Sazonova¹, M.A. Trostina²

¹ Student, ² Candidate of Philology, Associate Professor
Ogarev Mordovia State University (Saransk), Russia

Abstract. This article gives the analysis of the life situations represented in the national "heart-rending" romance in which the Russian woman's destiny is anyhow reflected. Authors describe among the leading plots – orphanhood, mesalliance, unfaithfulness, indignity in family, forbidden love and female villainy.

Keywords: folklore, heart-rending romance, female images, genre, song, family everyday life romance.

УДК 80

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ В СМИ КАРТИНЫ МИРА У ДЕТСКИХ ЦЕЛЕВЫХ АУДИТОРИЙ (НА ПРИМЕРЕ МАТЕРИАЛОВ ЖУРНАЛА «ТРИДЕВЯТОЕ ЦАРСТВО»)

Т.В. Гайдук, студент 1 курса магистратуры филологического факультета
 Московский педагогический государственный университет, Россия

***Аннотация.** В данной статье рассмотрены проблемы формирования в СМИ картины мира у детских целевых аудиторий. Объектом исследования является популярный детский журнал «Тридевятое царство». Цель работы – выявить сущность картины мира, которую детские СМИ формируют у своей аудитории. Автором проанализировано идейно-тематическое содержание журнала «Тридевятое царство» в соответствии с оппозициями «свой – чужой» и «национальное – глобальное». На основе проведенного исследования автором сделан вывод о степени соответствия материалов журнала русской сказочной традиции.*

***Ключевые слова:** целевая аудитория, картина мира, национальное, глобальное, сказочная традиция, детские СМИ, идейно-тематическое содержание.*

Детские средства массовой информации сегодня занимают отдельную ячейку в общей системе СМИ. Специфика детской журналистики в целом и прессы для детей в частности заключена в ее целевой аудитории, средствах воздействия на читателя, приемах отображения действительности, формах и способах контакта с аудиторией. Знакомство ребенка со специализированными средствами массовой информации способствует социализации и означает начало самостоятельной интеллектуальной жизни.

Исследователи, теоретики и практики журналистики отмечают важность понятия «целевая аудитория» при работе над любым журналистским продуктом. При этом целевая аудитория – это изначально термин из области маркетинга и PR. По мнению Д.А. Шевченко, целевая аудитория – это «аудитория, на которую направлены усилия маркетинговых коммуникаций» [3], т.е. целевая аудитория необходима организациям для продажи своих товаров, идей, услуг.

То же самое можно сказать и о целевой аудитории в журналистике: журналистский продукт создается для продажи. «На социальном уровне взаимодействие между СМИ и аудиторией как между общественным институтом и целевой группой направлено на удовлетворение социальных запросов и ожиданий» [4, с. 8], т.е. читатель (слушатель, зритель) будет покупать только то, что ему нужно и интересно. Для этого журналист при работе над материалом должен опираться на ряд характеристик, которые имеет адресат: «возраст (в узком диапазоне максимум в пять лет), пол, семейное положение, степень образованности или невежества, место жительства (город или село), материальная обустроенность (доход в определенном выражении), манеры, привычки, страсти, политические убеждения, раса, вероисповедание, национальность и т.д.» [14, с. 200].

При определении целевой аудитории СМИ создают свой особый язык, который зачастую понятен только тем, на кого он нацелен. Прибегая к этому средству, автор устанавливает с читателем более доверительные отношения, которые помогают повысить эффективность воздействия материала на сознание читателя.

Любое средство массовой информации формирует у читателя ту или иную картину мира, которая определяется идеей конкретного СМИ. Идея, по мнению Г.В. Лазутиной, «всегда имеет побуждающий, направляющий характер, как бы подсказывая адресату информации, что нужно делать в свете полученного сообщения» [8, с. 62].

«В настоящее время термин «картина мира» широко используется в межкультурной коммуникации. На современном этапе развития научного знания актуальным является изучение картины мира каждого отдельного народа, т.к. каждая цивилизация, социальная система характеризуются своим особым способом восприятия мира» [6, с. 35].

В.В. Красных в своих работах обращается к такому понятию, как «культурный код» и к оппозиции «свой – чужой». По мнению Красных, «свой, близкий, родной мир – исторически связан в первую очередь с родной землей. За границами своего мира начинается мир чужих, исторически тесно связанный с миром мертвых» [7, с. 300]. Основываясь на этом, можно сделать вывод, что оппозиционные архетипы «свой – чужой» тесно связаны с оппозицией «национальный – глобальный».

Учитывая сказочную направленность издания «Тридевятое царство», важным представляется определить,

как изменилась сказка с течением времени и какие смыслы заложены в ней сегодня: национальные или глобальные. Иными словами, придерживается ли выбранное нами издание идеи популяризации среди детей национальной картины мира или оно стоит на пути приобщения своей целевой аудитории к процессу глобализации.

«Тридевятое царство» – детский журнал, издающийся в Беларуси, России и Казахстане. Периодичность издания – два номера в месяц. Первый номер журнала вышел в январе 2013 года.

Согласно Закону №436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», журнал относится к категории 0+. Аудиторией журнала, согласно разным источникам, являются дети 5-11 [5], 4-12 [2] или 6-14 лет [1]. В рамках нашего исследования за возраст целевой аудитории журнала мы применим средний показатель – 5-12 лет, хотя такой разрыв очень существен в психологическом, социальном и других планах.

Концепция журнала основана «на причудливом переплетении русского фольклора и реалий современной жизни» [10]. У журнала есть четыре главных героя: Иван, Данила, Василиса и Забава. В каждом номере к основным героям присоединяются персонажи русских сказок: Кощей Бессмертный, Змей-Горыныч, Кот Ученый, Баба-Яга, Жар-птица, Черномор и др. Вместе с читателями герои «следуют за ... основными ориентирами: интересно и весело» [10]. Каждый номер – это новая история со своим сквозным героем. Например, по сюжетной линии №18 (60) за сентябрь 2015 года Жар-птица заболела, и жители Тридевятого царства помогли ей выздороветь. В №22 (64) за ноябрь 2015 года описываются приключения Василисы, которая попала в Страну чудес.

Эмпирическую базу нашего исследования составляют следующие номера журнала «Тридевятое царство»: №18 (60) за сентябрь 2015 года, №21 (63) и №22 (64) за ноябрь 2015 года, №23 (65) и №24 (66) за декабрь 2015 года. Выборка была произведена произвольно.

В названии журнала с использованием дроби, написанного на обложке – «3/9 царство» – допущена смысловая ошибка: вместо знака умножения стоит деление. Вместо тридевять (двадцать семь в старинном счете по девяткам) мы получаем три девятых или одну третью царства. Таким образом, заголовок перекрывает для юного читателя, еще может быть не знакомого с дробями, путь к пониманию метафизики чисел.

Проанализируем внутреннее содержание каждого из выбранных нами номеров на предмет формирования национальной или глобальной картины мира.

Сквозным героем №18 является Жар-птица. Из текстов и изображений с третьей и четвертой страниц становится понятно, что Жар-птица «Тридевятого царства» и жар-птица из русских народных сказок – это две противоположности. Так, Жар-птица из журнала живет в особняке, чистит клюв зубной щеткой, спит в кровати, ложкой ест кашу и пьет из кубка (а не питается молодильными яблоками для сохранения молодости и здоровья), читает книги, играет на скрипке, собирает Кубик Рубика, занимается гимнастикой (в частности, поднимает гирию весом в 25 килограммов), увлекается выращиванием орхидей. Жар-птица из журнала ведет себя, как обычный человек, о ее магических свойствах, которыми владеет ее сказочный аналог, на страницах журнала не сказано ни слова.

Из задания на девятой странице читатель узнает, что нормальная температура тела Жар-птицы – 32 градуса. В русских сказках жар-птица – огненная птица, об ее оперение можно обжечься, ее крылья подобны языкам пламени [11].

На восемнадцатой странице Жар-птица говорит о том, что совсем не умеет петь, тогда как согласно славянской мифологии, когда жар-птица поет, из ее клюва сыпется жемчуг, а ее пение исцеляет больных и возвращает слепым зрение.

В номере Жар-птица обращается за помощью к доктору Избушкину. Доктор в русском народном творчестве и в русской художественной литературе для детей – мудрый старец. Типичный образ – доктор Айболит: самоотверженный доктор, который лечит своих пациентов шоколадом и гоголь-моголем, традиционно изображаемый невысоким стариком с серебристой бородой, круглым лицом, неизменной улыбкой и добрыми глазами. Доктор Избушкин вопреки традиции и своей исконно русской фамилии выглядит как мужчина средних лет средневосточной внешности, с черными волосами и трехдневной черной щетиной. Имени Избушкина читатель не знает, но у него есть брат – ветеринар Иммануил. Это в некоторой степени подтверждает догадки о принадлежности братьев к одной из народностей Средней Азии.

В этом же номере присутствует постоянная рубрика журнала – «Фокусы от Джинна». Джинны являются героями арабской мифологии, которые могут принимать как положительный, так и отрицательный облик и обладают несравнимыми (с человеческими) возможностями. В западной культуре наиболее известен джинн из сборника сказок «Тысяча и одна ночь»: заточенный в лампе и исполняющий три любых желания своего спасителя. В христианской традиции аналогом джиннов являются демоны, в частности, бесы и черти. В русских сказках есть схожий по возможностям с джинном герой – золотая рыбка. Отличие между ними составляет исключительно миролюбивый характер последней.

Главными героями №21 являются доктор Избушкин, который пытается сделать микстуру для укрепления иммунитета и Черномор, у которого заболел зуб.

На десятой странице доктор Избушкин собирается делать микстуру из лимонов и русалочьих слез. В восточнославянской мифологии русалки – это вредоносный дух водоемов, который любил подшутить над людьми или утащить их к себе под воду [11]. Никаких упоминаний о лечебных свойствах слез русалок в сказках нет. В этой ситуации мы опять наблюдаем отход от славянских сказочных традиций.

№22 является аллюзией на произведение Л. Кэрролла «Алиса в Стране чудес».

Героиня «Тридевятого царства» Василиса (имя, созвучное с именем героини Кэрролла), уставшая от поздней работы, видит спешащего куда-то с карманными часами в лапе Кота Ученого (Белого Кролика) и, сгорая от любопытства, бросается за ним в нору.

После падения Василиса оказалась в Стране Чудес, по которой путешествовала Алиса, но есть несущественные отличия. Например, выпив из пузырька, Василиса увеличилась в размерах, а съев пирожок – уменьшилась, тогда как Алиса у Кэрролла наоборот уменьшалась от содержимого пузырька и увеличивалась от пирожка и т.д. Также героев Страны Чудес «подменили» персонажи со страниц журнала. Так, Кот Ученый помимо Белого Кролика сыграл еще и роль Чеширского Кота, Водяной – роль Гусеницы, Волк – Мартовского Зайца, Данила – Безумного Шляпника, Иван – Червонного Валета, Баба-Яга – Червонную Королеву,

Из выбранных нами для исследования номеров №22 является первым, где читатель знакомится с Василисой, а в №24 впервые появляется Забава. Внешний облик героинь напоминает нам о западных мультипликационных традициях: стройные девушки с бюстом, с непропорционально большими головами и глазами (здесь мы видим традиции японской анимации). Тогда как русские девушки и женщины в традиционном представлении – персонажи «в теле», больше похожие на национальную матрешку.

В №23 неизвестный злодей пытается завоевать Тридевятое царство. Черномор выяснил, что это не Кощей, т.к. почерк в записке злодея не совпадает с почерком Лиха, которое пишет все за Кощея.

Впервые мы знакомимся с Лихом на пятой странице. Единственное совпадение героя «Тридевятого царства» с аналогом из русских сказок – это один глаз. В остальном персонажи расходятся. Согласно сказке «Лихо одноглазое» из сборника А.Н. Афанасьева, Лихо – это «высокая женщина, худощавая, кривая, одноокая» [9, с. 302]. На страницах «Тридевятого царства» Лихо изображено высоким мускулистым существом с кожей фиолетового оттенка, с длинными ресницами вокруг единственного глаза, с прической с пробором в духе Америки 50-х годов. Одето Лихо в разорванную в рукавах футболку, в которые не умещаются мускулы, и в рваные ниже колена брюки с подтяжками. В журнале Лихо пьет молоко, готовит Царю и боярам вареники, служит Кощею писарем, т.е. является слугой двух господ. Можно сделать вывод, что традиции восточнославянских сказок Лихо не соответствует ни внешне, ни характером.

На двенадцатой странице злодей посылает в Тридевятое царство говорящего ворона, чтобы он разносил слухи. Но у ворона было очень плохое произношение, его никто не понимал. В русских народных сказках ворон фигурирует в разных ипостасях. По некоторым версиям ворон является вестником, посланником, вещей и очень разумной птицей, т.е. существом, у которого априори не может быть плохого произношения.

На восемнадцатой странице Кощей Бессмертный «взлетел в воздух» [13, с. 18]. В русских народных сказках есть упоминание о том, что Кощей мог превращаться по желанию в ворона [9], но способностью к левитации в собственном облике он не обладал.

На девятнадцатой странице читатель узнает, что неизвестный злодей живет в Лукоморье. В.Я. Пропп приравнивает эти земли к островам блаженных из древнегреческой мифологии: «Там люди живут без труда в вечном блаженстве. Там нет снега, бурь, дождей» [12]. Если следовать этой логике, можно предположить, что и злодеев в Лукоморье быть не могло.

На этой же странице мы видим, что символом злодея (приколотым к его груди) является летучая мышь. На десятой странице летучие мыши окружали его замок. В русской сказочной традиции летучие мыши не встречаются (не упоминаются в сборнике русских народных сказок «Русские заветные сказки», собранных Афанасьевым). Часто эти животные встречаются в западных сказках, например, в румынских легендах о графе Дракуле.

На двадцатой странице читатель узнает, что неизвестный злодей – это брат Кощей Бессмертного Вася. Однако ни в русских сказках, ни в восточнославянских легендах и мифах не говорится ни о каких родственниках Кощея.

В №24 на страницах журнала мельком появляется Мальчик-с-пальчик. Впервые этот герой упоминается в английском стихотворении XVII века, следом за которым была написана и английская народная сказка. Несколько десятилетий спустя самую знаменитую историю о крохотном Мальчике пишет Шарль Перро. Несмотря на то, что в русской культуре этот герой также встречается (в сборнике А.Н. Афанасьева и под редакцией Л.Н. Толстого) традиционно этот образ связывается с европейским фольклором.

В этом же, новогоднем, номере «Тридевятого царства» читатель встречает не только Деда Мороза, но и Санта-Клауса – западноевропейского и североамериканского рождественского героя.

В нашем исследовании мы обращались к понятию «картина мира», которое формирует каждое СМИ, тесно связанному с понятием «культурный код» и оппозицией «свой – чужой», что особенно важно учитывать при анализе прессы для детей в условиях глобализации. На примере материалов «Тридевятого царства» мы выяснили, что даже СМИ с изначально заложенной концепцией приобщения к славянской культуре и традициям с различными целями отходят от своего первоначального замысла. Так, на страницах «Тридевятого царства» редакторы сталкивают персонажей восточнославянского, арабского, североамериканского и западноевропейского фольклора. Подобное смешение мифологических систем можно назвать неоправданным: в русских народных сказках тысячи героев, пусть даже некоторые из них являются аналогами зарубежных персонажей. Поток идей для подобного издания должен быть неисчерпаем.

Учитывая популярность журнала «Тридевятое царство» и положительные отзывы именно за его попытку возродить интерес к русской культуре, можно говорить о том, что, отбросив попытки воспитать космополитов и первоочередную цель развлечь читателя, редакторы журнала определяются со своей целевой аудиторией и смогут создавать еще более качественное детское СМИ, которые сегодня затерялись на прилавке среди сотен массовых газет и журналов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. 3/9 царство // Циклопедия: электронная энциклопедия. URL: http://cyclowiki.org/wiki/3/9_%D1%86%D0%B0%D1%80%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE (дата обращения: 23.02.2015).
2. 3/9 царство – детский журнал // 1mobile.com.ru: магазин мобильных приложений. URL: <http://www.1mobile.com.ru/com-whisperarts-kids-the39kingdom-1708787.html> (дата обращения: 16.07.2015).
3. Аудитория целевая // Sostav.ru: информационно-справочный портал. URL: <http://www.glossostav.ru/word/3/>.
4. Буруруева, Н.С. Языковая оценка как средство взаимодействия между печатными СМИ и читателями (на материале американской качественной прессы): автореф. дис. канд. филол. наук / Н.С. Буруруева. – Ярославль, 2013.
5. Детский журнал «3/9 царство» // ООО «Юмиком»: дистрибьютор печатной продукции. URL: <http://yumikom.ru/about-company/newsforpartners/82-3-9carstvo.html> (дата обращения: 30.10.2012).
6. Дутова, Н.В. Гендерные картины мира: сравнительный анализ западной и восточной ГKM / Н.В. Дутова // Вестник Забайкальского государственного университета. – 2011. – №1.
7. Красных, В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / В.В. Красных. – М., 2003.
8. Лазутина, Г.В. Параметры журналистского текста / Г.В. Лазутина // Журналист. – 1997. – №8.
9. Народные русские сказки А.Н. Афанасьева. – М., 1984-1985.
10. Презентация детского журнала «3/9 царство» // youtube.com: видеохостинг. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=raBSESxmvG0> (дата обращения: 02.11.2012).
11. Пропп, В.Я. Исторические корни Волшебной Сказки / В.Я. Пропп. – М., 1998.
12. Пропп, В.Я. Русская сказка / В.Я. Пропп. – М., 2000.
13. Тридевятое царство. – 2015. – №23 (65).
14. Черникова, Е.В. Основы творческой деятельности журналиста / Е.В. Черникова. – М., 2012.

Материал поступил в редакцию 05.09.16.

ISSUES OF WORLDVIEW FORMATION IN MEDIA AT CHILDREN'S TARGET AUDIENCES (BASED ON THE MATERIAL OF THE TRIDEVYATOE TSARSTVO MAGAZINE)

T.V. Gayduk, Master's Degree Student of Philology Faculty
Moscow State Pedagogical University, Russia

Abstract. *In this article the issues of worldview formation in media at children's target audiences are considered. The research object is the popular children's magazine "Tridevyatoye Tsarstvo" ("Faraway Kingdom"). The work purpose – to reveal the worldview essence which children's media form at their audience. The author analysed ideological and thematic content of the Tridevyatoye Tsarstvo magazine according to oppositions "own – alien" and "national – global". On the research basis the author has drawn a conclusion on compliance degree of magazine materials to the Russian fairytale tradition.*

Keywords: *target audience, worldview, national, global, fairytale tradition, children's media, ideological and thematic content.*

UDC 81

THE CATEGORIES OF MODALITY IN THE TURKISH LANGUAGE

R.I. Ryapov, Fifth-Year Student of Faculty for Crimean Tatar and Eastern Philology
V.I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol), Russia

***Abstract.** There is no verb modality in Turkish language as in other languages. However, many language peculiarities can bring the shades of modality in Turkish verbs. This article is based on research of the main formation of verb modality and on analysis of their variety. There are also many examples of every modality category in Turkish language.*

***Keywords:** verb, modality, classification, category of modality.*

Verb stems as morphological elements

The history of those word-formations shows that some verbs stems or verbs forms entirely (former verb "y" – 'can') or partly in certain grammar combinations can lose their independence and turn themselves, in bigger or fewer degree, from directing morphological into secondary elements of speech. They are auxiliary and descriptive verbs.

One of the auxiliary verbs is a defective verb with incurrent stem "i" – 'to be'. Only positive forms are used.

1. Positive certain time – "idi" – 'was';
2. Conditional present time – "ise" – 'if there is, there are';
3. Past uncertain time with a shade of doubt – "imiş" – 'it seemed to be';
4. Gerund – "iken";
5. The form of verb name acquiring archaic meaning – "idük, idik" – 'that circumstance, what is'. Forms 1-3

change themselves by persons.

Note 1: These forms, in their full view, gravitate toward category of prefix especially with falling away of originally "i". So they can be undergone by action of law of assimilation of vowels with its reverberation of consonants, especially with loss of "i".

Note 2: The particle "değil" is put for negation before auxiliary verb.

Table 1

Singular number		
I	Tembel idim – I was lazy	Tembel değil idim – I wasn't lazy
You	Tembel idin	Tembel değil idin
He, she, it	Tembel idi	Tembel değil idi
Plural number		
We	Tembel idik	Tembel değil idik
You	Tembel idiniz	Tembel değil idiniz
They	Tembel idiler	Tembel değil idiler

The second auxiliary verb, which fills absent positive verb forms "i", is the verb "ol" – 'be, stand', which possesses all positive and negative forms of conjugation. With the help of the verb "ol" descriptive 'periphrastic' verbs are made up by types of some simple verb of present-future tense ("yazar olmak" – 'to stand writing'), past uncertain tense ("yazmış olmak" – 'to be proved'), future tense ("yazapak olmak" – 'to concieve to write') and by verb name by "mak" in locative case ("yazmakta olmak" – 'to be busy writing').

The combination of verb "bilmek" – 'to know' with a gerund form by "a, e" of other verb gives descriptive verbal expression with the meaning 'to be able to do something':

"yazabilmek" – 'to be able to write';

"gelebilmek" – 'to be able to come';

Modal forms of verbs

Forms of indicated, intending, conditional and desirable moods complicate their main meaning by additional shades with combination of particular affixes.

There are 3 forms of modality in the Turkish language:

1. Affirmative modality (or according to the appearance: modality of "-dır");

2. Conditional modality (or modality of “-ise”);
3. Subjective modality (or modality of “-miş”).

1. Affirmative modality

Affirmative modality consists of those affixes as “-dir,-dir,-dur,-dür; tur...” and complicates these forms by shades of confidence and explicitness in combination with forms of the present tense, past subjective tense and future categoric tense of indicative mood and present-future tense of intention and desirable moods.

Modal form of future categoric tense:

Felek müsaade ederse merhum pederimin kemiklerini İstanbula getireceğimdir. – If god bless me, I will immediately transport the bones of my dead father in Istanbul.

Modality of “-dır” by future categoric tense is advantageously in 3 person.

Also the modal form of the future categoric tense is widely used in the official language.

1. Conditional modality

Conditional modality (or modality of “-ise”) adds and elaborates on the meaning of the form of the conditional mood. The conditional mood has only two tenses: present-future tense and past tense. Conditional modality complicates the meaning of any simple form of the indicative mood and of present tense of the intention mood by ‘conditional’ shades.

Conditional modality is made up this way: the stems of afore-named forms of indicative and intention moods are conjugated by affixes “-ise (-sa) -se” + personal affixes of the second category.

The stress in forms of the conditional mood falls on the affix “-sa”, but the stress falls on the syllable before it in the forms of conditional modality.

Note: Conditional modality is made up by general rule of negative form, also by the form of possibility and the form of impossibility.

2. Subjective modality

Subjective modality (or modality of “-miş”) complicates the meaning of forms of indicative, intention, conditional and desirable moods by shades, which are characteristic of past subjective tense.

Subjective modality is made up this way: the stem of time or mood is conjugated by the forms of past-subjective tense by verb “-i” or by affix of predication of the past-subjective time “-i-miş” + personal affix of the first category.

Note: Subjective modality as well as conditional modality is also made up by the negative form and by the form of possibility and by the form of impossibility.

The mood of verbs that express modality in Turkish language

Conditional mood

In grammar literature in Russian this mood is called conditional, but it often takes function of the desirable mood in Turkish: “dilek kipi”, which is going to be regarded here. Afore-named mood is made up by the attachment of the stressed affix “-sa,-se” to the stem of the verb. Conjugation is implemented by personal affixes of the second group. The desirable-conditional mood (in the regarding function) expresses desire, which belongs to the present or future tenses. However, this desire has some abstract meaning and accompanies itself usually with interjection “ah” or modal word “keşke” – ‘Would, should (rather)’. The forms of the second person express a polite request, recommendation and wish. Interjection “-a, -e” which often accompanies this forms, amalgamated with them and make up the complex affixes “sana (sa+n+a)” which convey ‘a polite order’ or advice. The conditional-desirable mood as well as desirable often is accompanied with the particle “mı” or interrogative words. These ranges convey the shades of hesitating, doubt, indecision. In connection with “olur mu, olmazmı” – ‘May, might?’ the conditional-desirable mood conveys a polite request. Present tense of the conditional mood in the verb predicative expresses:

- a) Desire (with it a word “bir” is often used);
- b) Condition with the shade of desire.

Indicative mood

The indicative mood means the action, which is perceived as real. It expresses the action in the present, past and future tenses in positive or negative aspects, also in aspects of possibility or impossibility. The present and past tenses are of universally gender meaning; each of those has view meanings. For example action which is implemented in the present tense has three forms of expression; actions in the past are expressed by several verb forms.

This indicative mood is made up by personal affixes –(y)ım; -(y)im; -(y)um; -(y)üm.

Personal forms of tense of the indicative mood is made up by personal affixes of two genders or categories –(y)ım(z); -(y)im(z); -(y)um(z); -(y)üm(z).

This division for categories and exactly their numbering is conditional and justified only by pedagogical reasoning

Intention mood

This form makes up itself only by the verbs in positive or negative aspects ‘must do’ or ‘mustn’t do’, but constructions ‘must be able to do’ or ‘must be not able to do’ are not intended. The affix of intention has two variants:

“-malı,-meli”.

Conjugation by affixes of predicates in present or past tenses:

Bakmalı – he must see;

Bakmamalı – he mustn't see;

Gelmeli – he must come;

Gelmemeli – he mustn't come;

Almalıyım – I must take (present tense);

Almalıydım – you had not to take (past tense).

Yazmalıyım – I must or I need to write.

Negative form: yazmamalıyım – I mustn't or I needn't write;

Asking form: yazmalı mıyım – Need I to write?

This investigation showed despite absence of modality as it is in Turkish language there are some forms of verbs that express it. This linguistic situation is based on grammar formation in Turkish that lets any verb get this or another category of modality.

REFERENCES

1. Блох, М. Я. Теоретические основы грамматики / М. Я. Блох. – М., 1986.
2. Дудина, Л. Н. Практический курс турецкого языка / Л. Н. Дудина. – М., 2003.
3. Жигодло, В. Н. Современный английский язык / В. Н. Жигодло, И. П. Иванова, Л. Л. Иофик. – М. : Издательство литературы на иностранных языках, 1956.
4. Кабардин, О. Ф. Самоучитель турецкого языка / О. Ф. Кабардин. – М. : Высшая школа, 1986.
5. Кононов, А. Н. Грамматика современного турецкого литературного языка / А. Н. Кононов. – М. : Издательство академии наук СССР Москва – Ленинград, 1956.
6. Турецкий язык. Справочник по грамматике. – М. : Живой язык, 2007.

Материал поступил в редакцию 01.08.16.

КАТЕГОРИИ МОДАЛЬНОСТИ В ТУРЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Р.И. Ряпов, студент 5 курса факультета крымско-татарской и восточной филологии
ФГАОУ ВО «Крымский Федеральный Университет им. В.И. Вернадского» (Симферополь), Россия

***Аннотация.** Модальность глаголов в турецком языке, в отличие от других языков, как таковая, отсутствует. Однако есть иные языковые особенности, с помощью которых передается модальность глаголов турецкого языка. В данной статье исследованы основные проявления модальности глаголов, проанализированы их разновидности, а также приведены примеры к каждой из категорий модальности глагола турецкого языка.*

***Ключевые слова:** глагол, модальность, классификация, категория модальности.*

УДК 81

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ТУРЕЦКИХ ПОСЛОВИЦ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Е.О. Симиныко, студент 3 курса факультета крымскотатарской и восточной филологии
ФГАОУ ВО «Крымский Федеральный Университет им. В.И. Вернадского» (Симферополь), Россия

Аннотация. Данная статья представляет собой исследование способов перевода турецких пословиц на русский язык. Также демонстрирует анализ трудностей, с которыми сталкивается переводчик при переводе устойчивых выражений. Проведено сопоставление этих форм народного творчества и выявление их аналогов в каждом из представленных языков.

Ключевые слова: пословица, перевод, проблема, анализ.

Турецкий язык, как и русский, достаточно богат различными афоризмами, идиомами, в том числе и пословицами, которые мы регулярно встречаем и употребляем в повседневной жизни, порой даже этого не замечая. Хотя, на самом деле, пословицы составляют неотъемлемую часть народного фольклора, несут в себе поучительный смысл, отражают самобытность и дух, обычаи и традиции, присущие этому народу. Вместе с тем, имея свою функциональную, стилистическую и смысловую нагрузку, пословицы являются одними из самых сложных и проблемных фразеологических единиц, с которыми сталкиваются переводчики.

Актуальность работы заключается в том, что данное исследование позволит разобраться с основными трудностями перевода пословиц на русский язык, а также поспособствует приобретению навыков в этой области. Важную роль играет знание особенностей и ценностей представителей изучаемых культур, чем и занимается наука лингвокультурология, набирающая обороты и развивающаяся в области лингвистики. Стоит отметить, что именно эта наука благоприятствует формированию и прогрессированию межкультурного общения. Отсюда следует, что, понимая пословицы другого народа, гораздо легче уяснить для себя его характер, образ жизни и мыслей, что занимает значительную нишу в переводческой деятельности.

Объект исследования – турецкие и русские пословицы, взятые из турецко-русских словарей фразеологизмов.

Предмет исследования составляют трудности перевода пословиц на русский язык.

Цель и задачи исследования. Целью этой работы является анализ способов перевода турецких пословиц на русский язык, а также выявление и раскрытие проблем, возникающих у переводчиков. Указанная цель требует решения следующих задач: 1) рассмотреть интерпретации пословиц в турецком и русском языках; 2) составить классификацию данных фразеологических единиц, исходя из особенностей их трактовки при переводе; 3) проанализировать стратегии перевода пословиц с турецкого на русский язык.

Изучение пословиц представляет большой интерес не только с точки зрения их многообразия, эмоционально-экспрессивной выразительности, метафоричности, но и в переводоведческом плане. Всем известно, что данные лексические единицы неподвластны времени, они всегда являются актуальными. Уместное использование пословиц придаёт языку необычайное своеобразие и красноречие, делает его намного ярче и богаче. Профессор Аникин В.П. отмечал: «С пословицей согласны тысячи и десятки тысяч людей. Все, что не соответствует строю мыслей и чувствам народных масс, отсеивается из пословиц в процессе бытования. Пословица стала крылатой потому, что в ней есть нечто такое, что позволяет многим признать ее своей. И именно этот емкий смысл пословиц делает их трудными для изучения» [1].

Касательно сопоставления турецких и русских пословиц и трудностей их перевода, стоит сказать, что квалифицированный переводчик обязан не просто понимать смысл выражений переводимого языка, но и должен уметь грамотно, обладая фразеологическим богатством обоих языков, передать всю суть сказанного на переводимый язык. Для этого нам следует разобраться в структуре построения предложений данных языков, сравнить турецкие и русские пословицы, а также найти эквиваленты этих лексических единиц.

Итак, пословица – краткое устойчивое в речевом обиходе, как правило, ритмически организованное изречение назидательного характера, в котором зафиксирован многовековой опыт народа, имеет форму законченного предложения [3]. Но, как известно, у турецкого языка одни законы, а у русского – другие. В турецком языке существует определённый порядок слов, в русском же всё обстоит иначе. Именно поэтому трудности перевода турецких пословиц возникают и по сей день. А если переводчик сталкивается с пословицами, которые можно отнести только к культуре и менталитету турецкого народа, его задача усложняется вдвойне. Но чаще всего национальная специфика образа не осознаётся так «легко и сразу»: для ее выявления необходим более глубокий анализ, обращенный к исторической этимологии отдельных лексических компонентов и их грамматических структур [4]. Так, например, турецкая пословица: «İtle yatan pıreyile kalkar». Буквальный её перевод таков: «Лёгший с собакой встанет с блохами». Очевидно, что любой турок поймёт смысл пословицы, а вот русского человека она введёт в ступор. Ведь найти эквивалент не так просто, как кажется. На русском языке она звучит так: «С кем поведёшься, от того и наберёшься». Такой вариант однозначно является более понятным для русских.

Теперь попробуем перевести эту поговорку обратно на турецкий, мы получаем: «Beraber gelenlerden onlara benzer seyler alinir». Как мы видим, первоначальный вариант существенно отличается от полученного нами в ходе эксперимента. Такие трудности встречается каждый переводчик, который сталкивается с переводом турецких пословиц на русский язык.

Но как же сделать правильный перевод пословиц и не допустить ошибок? Во-первых, следует учитывать контекст, в котором используется данное устойчивое сочетание. Это играет немаловажную роль, поскольку именно контекст может помочь переводчику найти аналог пословицы на переводимом языке. Во-вторых, необходимо помнить, что в русском языке может и не быть эквивалента той или иной пословицы. В таком случае, переводчик должен подобрать похожий по смыслу вариант, не упуская главную мысль и не теряя стилистическую окраску пословицы переводимого языка.

Рассмотрим несколько турецких пословиц и найдём их аналоги в русском языке.

1. Pireyi deve uarmak. (Букв. *Из блохи верблюда делать.*) – Делать из мухи слона. В данном случае русский аналог частично отличается от турецкого. То есть перевод осуществлён способом подбора сходной фразеологической единицы.

2. Her gün paraş pilav uemez. (Букв. *Даже священник каждый не ест плов.*) – Не всё коту масленица. Мы видим, что турецкий вариант пословицы абсолютно не соответствует русскому, а сохраняется лишь общий смысл.

3. Açık yaraya tuz ekilmez. (Букв. *Не сыпь соль на открытую рану.*) – Не сыпь соль на рану. Эта пословица полностью переводится на русский язык, т.е. она идентична турецкой. При переводе задействованы лишь базовые знания структуры предложения и, соответственно, словарный запас обоих языков.

Изучив эти пословицы, мы можем поделить их на три группы: 1) частично переводимые пословицы; 2) пословицы, не имеющие аналогов в русском языке; 3) полностью переводимые пословицы. Примечательно, что к третьей группе относится подавляющее количество устойчивых выражений.

Проанализировав данные пословицы, используя метод сопоставления, мы выявили главные особенности перевода турецких пословиц на русский язык и классифицировали их согласно способам перевода и поиска аналогов в русском языке.

В конечном итоге отметим, что данное исследование может послужить основой для дальнейшего изучения межкультурного общения турецкого и русского народов. В ходе анализа особенностей перевода пословиц с турецкого на русский язык выявлены наиболее часто возникающие проблемы, которые встречается каждый переводчик. Поскольку эта статья раскрывает вопросы сравнения фразеологических единиц двух языков, образ мыслей и характер обои народов, она может поспособствовать усовершенствованию навыков современных переводчиков, что является актуальным для развития отношений между двумя государствами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аникин, В.П. Пословицы и поговорки: Вступительная статья / В.П. Аникин // Аникин В.П. Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор: Пособие для учителя. – М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1957. – 240 с.
2. Даль, В.И. Пословицы русского народа / В.И. Даль. – М., 2006.
3. Лингвистический энциклопедический словарь под ред. В.Н. Ярцевой, 2002.
4. Солодуб, Ю.П. Образность фразеологизмов и фразеологическая номинация / Ю.П. Солодуб / Фразеологическая номинация: особенности семантики фразеологизмов. Ростов-на-Дону, 1990.
5. Ömer Asım Aksoy. Türkçe Deyimler Sözlüğü / Ömer Asım Aksoy. – İstanbul, 1998.

Материал поступил в редакцию 24.08.16.

TRANSLATION PECULIARITIES OF THE TURKISH PROVERBS INTO RUSSIAN

E.O. Siminko, Student of Crimean Tatar and Eastern Philology Faculty
V.I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol), Russia

Abstract. *This article represents research of translation ways of the Turkish proverbs into Russian. Also the analysis of difficulties of set expressions translating is provided. Comparison of these forms of folk art and identification of their analogs in both languages is carried out.*

Keywords: *proverb, translation, issue, analysis.*

УДК 811.14'06:81'42:81'276.6:34

ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ И СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ДОВЕРЕННОСТЕЙ НА НОВОГРЕЧЕСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

А.А. Столярова, кандидат филологических наук,
доцент кафедры общего языкознания, классической филологии и неоэллинистики
Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко, Украина

***Аннотация.** В статье впервые в постсоветской и греческой эллинистике изучаются национально-культурные особенности текстов доверенностей на новогреческом языке в сравнении с аналогичными текстами на русском языке. Проведённое исследование показало, что греческие доверенности до сих пор составляются по шаблонам, утвердившимся в XIX в. В отличие от русских текстов, они избыточно повествовательны и перегружены придаточными предложениями с обилием однородных членов. Им также свойственны морфологическая вариативность и наличие архаизмов, являющиеся следствием длительного периода диглоссии.*

***Ключевые слова:** доверенность, диглоссия, кафаревуса, димотика, национально-культурные особенности юридического текста, структура текста доверенности, лингвостилистические особенности.*

Наблюдающаяся в последние годы интенсификация российско-греческих отношений вызывает закономерный интерес к делопроизводству на новогреческом языке и обуславливает внимание к проблемам перевода деловых бумаг, в том числе юридических документов, с греческого языка на русский. Перевод юридических документов таит в себе больше трудностей, чем перевод в сфере экономики, естественных и точных наук. Основная проблема связана с тем, что юридический текст нужно не просто перевести на другой язык, но и осуществить его переход из одной правовой системы в другую. Если, к примеру, экономическая наука, математика, химия и т.д. универсальны, то есть оперируют одними и теми же понятиями и идентичными по содержанию терминами (вне зависимости от рабочего языка), то в случае с юриспруденцией мы имеем дело с различными правовыми системами. В правовых системах разных стран за, казалось бы, идентичными юридическими терминами часто стоят нетождественные по содержанию юридические понятия. Более того, в каждом государстве сложилась собственная традиция составления юридических документов, в результате чего последним присущи национально-культурные особенности в изложении информации и композиции текста. В последние годы заметно возрос интерес лингвистов к изучению именно национальной специфики в юридических документах, о чём, в частности, свидетельствуют труды Е.С. Максимова [3], Г.А. Халиловой [7], Е.В. Щепотиной и Е.А. Рыжковой [8]. Однако до недавнего времени исследования проводились в основном на материале английского языка.

В пределах данной работы нашей целью является установление основных лингвостилистических и композиционных особенностей современных текстов доверенностей на новогреческом и русском языках, а также обоснование существующих различий. Объектом исследования служат тексты доверенностей на обоих языках из личного архива автора, а также образцы, взятые из специальных сборников ([4, 9, 11]) и доступные на специализированных страницах в сети Интернет ([1, 12, 13, 14]). В общей сложности нами было проанализировано двадцать текстов доверенностей на новогреческом и такое же количество аналогичных текстов на русском языке. Научная новизна исследования состоит в том, что в нём впервые осуществлён сравнительный стилистический анализ текстов доверенностей на новогреческом и русском языках, установлены и объяснены различия в стиле, способе изложения информации и строении текстов.

Общезвестно, что юридические документы, на каком бы языке они ни были составлены, в большинстве своём отличаются довольно тяжеловесным слогом, что нередко создаёт трудности в их понимании специалистами. Существует несколько причин, по которым содержание юридических документов традиционно излагалось труднодоступным для рядовых граждан языком. К ним, по мнению греческого специалиста по юридическому переводу Марии Канеллопулу-Боти, относятся, в частности, *исторические, экономические и психологические* причины [10, с. 273]. Исторические причины, на её взгляд, состоят в том, что язык быстро изменяется, в то время как сфера права консервативна, вследствие чего специалисты в сфере юриспруденции продолжают использовать устаревшие штампы и языковые обороты, не свойственные современному языку синтаксические конструкции и сохраняют принципы построения текстов, присущие предыдущим эпохам. Помимо этого, в старину составление юридических документов на труднодоступном языке поддерживалось экономическими стимулами: чем пространнее и витиеватее был составлен текст нотариального акта, тем более высокую плату нотариус мог взять с клиента. И наконец, сфера права неразрывно связана с государственной властью, а значит, должна вызывать у гражданина уважение. Во времена, когда большинство населения не имело образования, а многие не умели даже читать, текст закона, написанный малопонятным языком, вызывал у рядовых граждан неподдельное уважение, трепет, доходивший до благоговейного страха.

Таким образом, юриспруденция долгое время оставалась сферой для посвящённых, которую защищал своеобразный языковой код, доступный лишь специалистам. В случае с греческим языком добавляется также фактор диглоссии – наличие существенно различающихся книжной и разговорной разновидностей языка. Вплоть до середины 80-х гг. XX в. все юридические документы составлялись исключительно на т. н. кафаревусе – книжном языке. В наших предыдущих публикациях ([5, с. 193–197; 6, с. 31]) мы дали исчерпывающее объяснение того, почему в современных греческих юридических документах, особенно процессуальных, к которым относятся и доверенности, до сих пор сохраняется немало элементов кафаревусы как на морфологическом и лексическом, так и на синтаксическом уровнях. Основная причина состоит в том, что, в отличие от законов, тексты которых составляются коллективно и подвергаются редактированию, процессуальные документы составляются конкретным лицом, имеющим собственные представления о языковой норме. Последние же во многом зависят от возраста и политических воззрений носителей греческого языка.

В наше время перед юристами не стоит задача искусственно усложнять тексты юридических документов. Напротив, за гражданином признаётся право знать свои права и обязанности, иметь доступ к законам, то есть быть юридически грамотным. Более того, образовательный уровень населения по сравнению с XIX в. существенно вырос. Тем не менее, коммуникация в сфере права продолжает вызывать трудности, и не в последнюю очередь из-за специфики «юридического языка», его консерватизма, который является следствием консерватизма самих юристов.

Доверенность – это письменное уполномочие, выдаваемое одним лицом (доверителем) другому лицу (доверенному, представителю) для представительства перед третьими лицами. Доверенность – односторонняя сделка, фиксирующая содержание и пределы полномочий доверенного, действия которого на основании доверенности создают права и обязанности непосредственно для доверителя [2]. Доверенность составляется в письменном виде на определённый срок и содержит подпись доверителя, заверенную печатью фирмы, организации или нотариуса. Нотариально оформленная доверенность является юридическим документом. Существует три вида доверенностей: генеральная – на представительство интересов доверителя во всех сферах; специальная – на осуществление комплекса связанных между собой действий для достижения конкретной цели; разовая – на разовое выполнение конкретного действия (напр., на получение денежных средств) [2]. В пределах данного исследования в центре нашего внимания находились нотариально оформленные доверенности.

Различия в содержании текстов доверенностей на новогреческом и русском языках заметны уже при первом взгляде. С одной стороны, тексты на обоих языках распадаются на два блока: в первом, основном блоке содержатся сведения о доверителе и доверенном лице, а также перечисляются предоставляемые полномочия; во втором, заключительном блоке сообщаются подробности совершения доверенности, указывается размер взысканной с доверителя суммы нотариального тарифа. Действительно, объективные сведения о доверителе и доверенном лице, содержащиеся в греческих и русских текстах, в целом совпадают. В обязательном порядке указываются: 1) ФИО; 2) дата рождения; 3) адрес проживания / регистрации; 4) серия и номер паспорта, а также кем выдан удостоверяющий личность документ. В то же время в греческих доверенностях принято также указывать место рождения, имя матери и профессию лица. Например: «... *παρουσίαστηκε η μη εξαιρουμένη από τον Νόμο Μαρία Παπαδοπούλου του Πέτρου και της Ελένης, ιδιωτική υπάλληλος, γεννημένη στη Ρουμανία ...*».

Что касается нотариуса, то о нём в греческих доверенностях сообщается гораздо больше сведений, чем в соответствующих российских документах. Информация о нём содержится не только в конце, но и в самом начале греческого текста, предшествуя сведениям о доверителе. В греческом документе указывается полное имя нотариуса, включая отчество (в русском тексте – только фамилия и инициалы), адрес нотариальной конторы (нередко и этаж, на котором расположен офис), а также на каком основании нотариус пользуется помещением (владеет им или арендует):

... στο Συμβολαιογραφείο μου που βρίσκεται επί της οδού Αντιγόνης αριθμός 25 σε ισόγειο κατάστημα που είναι δικό μου ... σε μένα τη Συμβολαιογράφο και κάτοικο Θηβών ΜΑΡΙΑ ΙΩΑΝΝΟΥ ΠΕΤΡΙΑΗ ...

... στο Συμβολαιογραφείο μου που βρίσκεται επί της οδού Σόλωνος, αριθμός 92 (Β' όροφος) ενώπιον εμού, της Συμβολαιογράφου ... ΕΛΕΝΗΣ Γεωργίου ΠΕΤΡΟΠΟΥΛΟΥ ...

В числе прочих различий необходимо упомянуть следующие: 1) в греческом тексте принято указывать не только дату совершения сделки, но и день недели (иногда фиксируется даже время); 2) все числа в греческих доверенностях указываются сначала прописью, а затем в скобках цифрами. В российских же документах (не только доверенностях) вначале сумма пишется цифрами, а затем прописью.

Στην Αθήνα σήμερα στις τέσσερις (4) του μηνός Μαρτίου του έτους δύο χιλιάδες πέντε (2005), ημέρα Παρασκευή και ώρα 10.00 π.μ. ...

Композиция и способ подачи информации в греческих и русских текстах доверенностей глубоко различны. Грекоязычным доверенностям присуща избыточная повествовательность. В них содержится подробное описание того, когда, в котором часу доверитель предстал перед нотариусом и что попросил сделать. Причём текст греческой доверенности всегда написан от первого лица – от имени нотариуса, который сначала подробно рассказывает о себе, а затем уже о клиенте. Таким образом, главным действующим лицом в греческой доверенности выступает именно нотариус. Ниже приводим стандартную часть греческого текста доверенности (жирным шрифтом выделены главные члены предложения и некоторые другие компоненты, входящие в смысловое ядро текста):

ΠΛΗΡΕΞΟΥΣΙΟ

Στη Θήβα σήμερα στις δεκατέσσερις (14) του μηνός Νοεμβρίου του έτους δύο χιλιάδες δέκα (2010), ημέρα Δευτέρα και στο Συμβολαιογραφείο μου που βρίσκεται επί της οδού Αντιγόνης αριθμός 25 σε ισόγειο κατάστημα που είναι δικό μου, σε μένα τη Συμβολαιογράφο και κάτοικο Θηβών ΜΑΡΙΑ ΙΩΑΝΝΟΥ ΠΕΤΡΙΔΗ, που έχω την έδρα μου στη Θήβα, ενεφανίσθη η μη εξαιρετέα από το νόμο ΕΛΕΝΗ ΝΙΚΟΛΑΟΥ (πλήρη στοιχεία) και ζήτησε τη σύνταξη του παρόντος πληρεξουσίου και μου δήλωσε ότι διορίζει ειδικό πληρεξούσιο, αντιπρόσωπο και αντίκλητό της τον κ. ΠΕΤΡΟ ΙΩΑΝΝΙΔΗ (πλήρη στοιχεία), προς τον οποίο δίνει ειδική εντολή, πληρεξουσιότητα και το δικαίωμα για λογαριασμό της εντολέα του να προβεί σε κάθε πράξη και ενέργεια η οποία είναι απαραίτητη για

.....
 Σε βεβαίωση των ανωτέρω συντάχθηκε το παρόν σε δύο (2) φύλλα και εισπράχθηκαν για τέλη και δικαιώματά μου με ένα (1) αντίγραφο ευρώ και αφού διαβάστηκε καθαρά και μεγαλόφωνα στην εντολέα και βεβαιώθηκε, υπογράφηκε από αυτήν και εμένα, όπως ο Νόμος ορίζει.

Η Εμφανιζόμενη

Η Συμβολαιογράφος

[Из личного архива автора]

В отличие от греческих, русскоязычные доверенности гораздо лаконичнее и конспективнее. Главным действующим лицом в них является доверитель, от имени которого и составлен текст. Нотариус играет второстепенную, вспомогательную роль, поскольку его дело – лишь заверить подпись доверителя.

ΔΟΥΕΡΕΝΝΟΤΗ

на представление интересов физического лица в суде

Город Москва, десятое августа две тысячи седьмого года.

Я, Петров Петр Петрович, 08 января 1953 года рождения, проживающий по адресу: г. Москва, Волгоградский проспект, д. 3/5, стр. 2, кв. 77, паспорт гражданина РФ 46 09 532368, выдан ОВД района «Новокошино» города Москвы 22 мая 2005 года, код подразделения 774-049, **настоящей доверенностью уполномочиваю** гражданина РФ **Иванова Ивана Ивановича**, проживающего по адресу: г. Москва, Волгоградский проспект, д. 3/5, стр. 2, кв. 77, паспорт гражданина РФ 46 09 532368, выдан ОВД района «Новокошино» города Москвы 22 мая 2005 года, код подразделения 774-056, **вести все мои гражданские и уголовные дела во всех судебных учреждениях, прокуратуре, правоохранительных и других учреждениях и организациях со всеми правами, предоставленными законом истцу, ответчику, третьему лицу, потерпевшему, в том числе с правом окончания дела миром, признания, отказа полностью или частично от исковых требований, получения имущества и денег с правом обжалования судебного решения, делать от моего имени заявления, истребовать документы и совершать все действия, связанные с данным поручением, с правом получения денег.**

Доверенность выдана сроком на три года без права дальнейшего передоверия.

Петров Петр Петрович
 10 августа 2007 года

Подпись

Настоящая доверенность удостоверена мной, Бирюковой С. Р., нотариусом города Москвы, лицензия № 54 от 08 августа 1993 года.

Доверенность подписана гражданином Петровым Петром Петровичем в моем присутствии. Личность подписавшего доверенность установлена, его дееспособность проверена.

Гербовая
 печать

Зарегистрировано в реестре за № 20Д-8743
 Взыскан нотариальный тариф ___ руб.,
 по квитанции № 960 от 10 августа 2007 года.

Нотариус :

С.Р. Бирюкова

[1]

На уровне синтаксиса предложения в текстах доверенностей на обоих языках следовало бы ожидать преобладания сложноподчинённых предложений, осложнённых большим количеством однородных членов, поскольку это одна из характерных особенностей официально-делового стиля как такового. Тем не менее, при внимательном рассмотрении оказывается, что сложноподчинённые предложения преобладают лишь в греческих доверенностях. Первый блок греческого текста, в котором содержатся сведения о нотариусе, доверителе, доверенном лице и излагается суть поручения, представляет собой одно (!) сложноподчинённое предложение, часто занимающее полторы-две страницы текста. Оно перегружено определительными придаточными предложениями, которые вводятся с помощью относительных местоимений *που / ο οποίος*, и осложнено большим количеством однородных членов. Это свидетельствует о консерватизме греческих юристов: они продолжают

составлять доверенности по шаблону, утвердившемуся ещё в XIX в. Хотя текст написан на димотике, его композиция остаётся такой же, какой была во времена, когда сфера права обслуживалась исключительно кафаревусой. При этом если кафаревуса с её развитой системой причастий нередко позволяла избежать лишних придаточных, особенно определительных, то димотика этого обеспечить не может. Соответственно, современные тексты доверенностей на димотике в синтаксическом плане стали ещё более тяжеловесными, чем их предшественники, написанные на кафаревусе.

Анализ текстов доверенностей на русском языке показывает, что их синтаксис намного проще, чем в греческих аналогах. Первый блок текста с данными о лицах, принимающих участие в сделке, состоит как минимум из двух предложений. Первое из них хотя и является довольно длинным, в синтаксическом плане представляет собой простое предложение, осложнённое причастными оборотами («... *проживающий по адресу ...*» и т. п.) и множеством однородных членов («*вести все мои гражданские дела ..., истребовать документы ..., совершать все действия, связанные с данным поручением ...*»). Лучшему восприятию этого ключевого предложения нередко способствует его визуальное членение на блоки-абзацы. Ключевые слова и фразы (напр., «*настоящей доверенностью уполномочиваю*», «*быть моим представителем*») нередко выделяют жирным шрифтом и/или размещают по центру страницы. Кроме того, некоторые сведения (напр., адрес, номер паспорта и проч.) часто помещают в скобках, чтобы они не усложняли восприятие сути текста. Это также даёт возможность избежать нагромождения придаточных предложений.

Второй блок русского текста доверенности вообще конспективен. Почти все предложения в нём простые и все без исключения – короткие. Единственным сложносочинённым предложением является последнее: «*Личность подписавшего доверенность установлена, его дееспособность проверена*».

На уровне морфологии в текстах греческих доверенностей наблюдается картина, в той или иной степени характерная для всех современных греческих процессуальных документов. В одних доверенностях встречается больше элементов книжного языка, в других – меньше. Вследствие этого наблюдается вариативность некоторых слов, словосочетаний и даже юридических терминов. Вот некоторые из встретившихся нам примеров: *στις δεκατέσσερις του μηνός / μήνα, Μαρτίου στο Συμβολαιογραφείο μου που βρίσκεται επί της οδού Αντιγόνης / στην οδό Σόλωνος σε μένα τη Συμβολαιογράφο / ενόπιον εμού της Συμβολαιογράφου ... ενεφανίσθη / εμφανίσθηκε / εμφανίστηκε ο μη εξαίρετός / εξαίρουμένος από το νόμο γενηθείς στη Βενετία / στη Ρουμανία γεννημένος προς τον οποίο / στον οποίο δίνει ειδική εντολή / ο εντολέας / ο εντολέας ο εμφανισθείς / ο εμφανιζόμενος*.

Русские тексты доверенностей в морфологическом отношении гораздо более однородны, поскольку у нас уже давно не существует противопоставления книжного языка разговорному. Окончательно этот вопрос был решён после 1917 г. В советское время русский язык сильно изменился, заново были сформированы стили, в том числе и официально-деловой. В нём уже не было места церковнославянизмам и витиеватым фразам дореволюционного канцелярита. Ставка была сделана на понятность и общедоступность.

Проведённое исследование подтвердило наличие существенных различий в строении текстов доверенностей на новогреческом и русском языках и способе изложения в них информации. Греческие тексты «грешат» чрезмерной описательностью, унаследованной от позапрошлого века. Доверенность в Греции составляется от имени нотариуса. Весь первый блок текста со сведениями о нотариусе, доверителе, доверенном лице и сути поручения может занимать две страницы, но при этом составляет одно сложноподчинённое предложение с обилием придаточных определительных предложений и однородных членов. В греческих доверенностях принято указывать больше сведений о нотариусе и лицах, участвующих в сделке, чем в российских аналогах. Для современных доверенностей на греческом языке характерна также морфологическая вариативность, являющаяся непосредственным следствием длительного периода диглоссии.

В отличие от греческих текстов доверенностей, аналогичные тексты на русском языке составлены от имени доверителя, в то время как нотариус играет подчинённую роль. В русских текстах преобладают простые предложения. Лучшему восприятию первого предложения, в котором излагается суть документа, способствует графическое выделение ключевых слов, размещение их по центру страницы, что визуально делит это длинное предложение на блоки. Во избежание нагромождения придаточных используются причастные обороты, а некоторые сведения (напр., паспортные данные) нередко заключаются в скобки. В современных русскоязычных доверенностях не принято использовать устаревшие морфологические формы и синтаксические конструкции. В целом доверенности на русском языке написаны довольно просто, поскольку официально-деловой стиль современного русского языка был фактически заново создан после Октябрьской революции. Он относительно молод и ещё не успел устареть по отношению к разговорному языку. Более того, на протяжении XX в. господствовала тенденция к упрощению языка для обеспечения понимания деловых бумаг широкими слоями населения.

В дальнейшем нам представляется целесообразным обратиться к подробному изучению трудностей перевода доверенностей с новогреческого языка на русский, с тем чтобы сформулировать рекомендации переводчикам, занятым в правовой сфере.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

1. Доверенности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ur-pravoved.ru/info/doc/2/> (дата обращения: 05.08.2016).
2. Доверенность [Электронный ресурс] / Общий толковый словарь русского языка. – Режим доступа: <http://tolkslovar.ru/d4485.html> (дата обращения: 31.07.2016).
3. Максименко, Е. С. Национально-культурная специфика отраслевых терминосистем (на материале английской и американской юридической терминологии): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Е. С. Максименко. – Саратов, 2002. – 22 с.
4. Сборник судебных документов / сост. М. Л. Морозова. – М.: Проспект, 2008. – 360 с.
5. Столярова, А. А. Комуникативно-прагматичні аспекти новогрецького законодавчого тексту: [монографія] / А. А. Столярова. – К.: Логос, 2011. – 232 с.
6. Столярова, А. А. Лингвостилистические особенности текстов современных греческих судебных решений / А. А. Столярова // Золотая строфа: материалы 1-й Международной «он-лайн» конференции эллинистов: «Актуальные проблемы неозллинистики» 18–19 ноября 2013 г. – Краснодар, 2014. – Вып. 4. – С. 29–31.
7. Халилова, Г. А. Национально-культурные особенности юридического текста на английском языке / Г. А. Халилова // Молодой учёный. – 2015. – №7. – С. 1015–1016.
8. Щепотина, Е. В. Национально-культурные аспекты перевода юридического текста / Е. В. Щепотина, Е. А. Рыжкова // Филология и лингвистика в современном обществе: материалы IV междунар. науч. конф. (г. Москва, июнь 2016 г.). – М.: Буки-Веди, 2016. – С. 132–135.
9. Καλλιμάνη-Κοτσώνη, Κ. Πρακτική Γραμματείας Γ' ΤΕΛ / Κ. Καλλιμάνη-Κοτσώνη, Α. Σαββοπούλου-Λεβέτσιου. – Αθήνα: Οργανισμός εκδόσεων διδακτικών βιβλίων, 1994. – 372 σ.
10. Κανελλοπούλου-Μπότη, Μ. Η μετάφραση των νομικών κειμένων / Μ. Κανελλοπούλου-Μπότη // Ελληνική γλώσσα και ορολογία. Ανακοινώσεις 2^{ου} Συνεδρίου. – Αθήνα, 1999. – Σ. 272–279.
11. Κουράκης, Ν. Το έγκλημα της απάτης: θεωρία, νομολογία, υποδείγματα / Ν. Κουράκης. – Αθήνα: Νομική βιβλιοθήκη, 2001. – 662 σ.
12. Πληρεξούσια και έντυπα [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rechtsanwalt-griechenland.net/gr/ypiresies/downloads.html> (дата обращения: 01.08.2016).
13. Συμβολαιογραφικά υποδείγματα – Συμβολαιογραφικές πράξεις [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.paradissis.com/yplodeigmata_index_doc.html#24 (дата обращения: 01.08.2016).
14. Υποδείγματα και πρότυπα [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://netlaw.gr/pages/gr/useful/useful_document_templates.php (дата обращения: 01.08.2016).

Матеріал поступил в редакцію 16.08.16.

LINGUISTYLISTIC AND STRUCTURAL FEATURES OF POWERS OF ATTORNEY IN MODERN GREEK AND RUSSIAN

A.A. Stolyarova, Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor of the Department of General Linguistics, Classical Philology and Neohellenic Studies
Kiev National Taras Shevchenko University, Ukraine

Abstract. *The present article constitutes the first attempt in both post-Soviet and Greek Hellenic Studies to establish the main culturally marked features of the texts of Modern Greek powers of attorney in comparison to the respective Russian texts. The conducted research has shown that Greek powers of attorney are still being written according to the patterns of the XIX century. Unlike Russian texts, Greek powers of attorney are excessively descriptive and overloaded with subordinate clauses and homogeneous parts of the sentence. They are also rich in morphological variations and archaisms that are due to a lengthy period of diglossia.*

Keywords: *power of attorney, diglossia, katharevousa, demotic, culturally marked features of legal texts, text structure of a power of attorney, linguostylistic peculiarities.*

UDC 8

THE LEXIS OF POLISH SEXUAL MINORITIES SLANG

A.S. Dyszak, Prof. Dr. Hab., Full Professor
 Kazimierz Wielki University (Bydgoszcz), Poland

Abstract. The paper discusses the Polish slang of homosexuals and transgender people. The main aim of the paper is to marshal scattered records of gay lexicon and to characterize the data semantically and grammatically. The first part of the paper presents the phenomenon of the Polish gay slang (with reference to *Polari* – the language of the English gays) found in literary data. Next, the paper analyses the vocabulary enlisted in the only printed mini-dictionary of Polish gay and lesbian slang. Finally, other amateur glossaries of gay slang are discussed, mainly records gleaned from online articles and blogs concerning homosexual and transsexual communities. The main part of the paper revolves around the classification of the linguistic material into semantic and phraseological neologisms, neologisms based on word formation processes and borrowings. The paper sets course for future research on the Polish slang of sexual minorities.

Keywords: sexual minorities, Polish language, slang, sociolect, glossaries, vocabulary.

1. Introduction

The community of homosexuals and transgender people, typically labelled as sexual minority, should undoubtedly be recognized as a group which has established a separate subculture. However, it is not only sexual orientation that is the indicator of this subculture; rich literary and artistic creations, including a number of film productions, painting, graphics and sculpture of homoerotic theme, also constitute a part of culture *per se*¹. Moreover, the gay subculture (within particular ethnic languages) has created a sociolect in its own right, most notably characteristic vocabulary.

The main criterion for identifying a particular sociolect, especially on the level of nominal, adjectival and verbal phrases, which in the case of the language of homosexual and transgender milieu may be dubbed slang, is the existence of a noticeable hiatus between community-specific phrases and standard general language (yet it is possible that the same phrases occur in another sociolect). It must be remembered, however, that the members of the social group at issue use their slang only in unofficial situations and within their own community, which was well portrayed in a book by Michał Witkowski entitled *Lubiewo* (Witkowski 2005). Similarly to other members of the society, homosexuals use standard language (either their official or colloquial variants) in their contacts with the heterosexual majority as well as in official contacts with other gays.

Slang may serve different purposes. Sometimes, it is supposed to make communication smoother or to label things, which lack their names in general language. On other occasions, slang is used to conceal the subject matter of a conversation. Certainly, it was the latter aim that was the intention of the authors and the users of the English homosexual slang known as *Polari*, recreated and described by Paul Baker (2002a, 2002b). It must be noted at this juncture that *Polari* has been included in a list of dying languages² by scholars from Cambridge University, Great Britain.

There are also other English glossaries of homosexual slang available on the internet. The most extensive one is the *GLTB Slang Dictionary* (henceforth: GLTBSD), compiled by Andrej Koymasky³, which contains words stemming from a number of sources, *inter alia* from the work written by Ken Cage *The Language of Kinks and Queens. A History and Dictionary of Gay Language in South Africa* (Houghton 2003), and from *Robert Scott's Gay Slang Dictionary*, the latter being an internet dictionary available on-line⁴. Naturally enough, there are similar slang variants of other ethnic languages⁵.

2. Polish gay slang

The Polish gay culture has not developed a slang similar to *Polari*. Homosexuality, however, has never been punishable in Poland and there has never been the need to use secret language by the people of orientation other than heterosexual. Possibly, gay community has never been sufficiently strong in Poland to develop a language variant typical of this social subgroup. Nevertheless, such slang already existed (and is still in use today), a phenomenon illustrated in a slightly exaggerated (grotesque) manner by the author of *Lubiewo*. Columnists writing about this issue even notice some development of this community-specific language variant⁶.

One of the features of Polish gay language worthy of mentioning is the discord between the grammatical and the natural gender of the sender, i.e. using feminine adjectival or verbal endings as well as female first names and nicknames

(in connection with, e.g. their workplace) while addressing gay males. This tendency has been reported by Witkowski in the above-mentioned novel. Still, the phenomenon is typical solely of the so-called *kamp*⁷, and it is not an indicator of being gay.

3. Glossaries of Polish sexual minority slang

The only printed glossary of Polish homosexual slang, to the best of my knowledge, is a collection of 38 words and expressions entitled *Gejowsko-lesbijski slang* [Gay and lesbian slang] (henceforth GLS), which is included in the final part of *Tęczowy elementarz* [Rainbow Primer] by Biedroń (2007: 118-119). In the book, the author reported the following entries: *bear*, *branża* [business sector, trade], *broodway*, *butch*, *ciota* [nancy], *coming-out*, *czajnik* [kettle], *człowiek z orkiestry* [a man from the orchestra], *dark room*, *drag queen*, *drag king*, *dyke*, *dziobak* [platypus], *gejdar*, *heteryczka* [f. heterosexual], *heteryk* [m. heterosexual], *hokeista* [hockey player], *homik* [hamster], *koleżanka* [f. friend], *lalunia* [baby doll], *lesba* [dyke], *leska* (dim. of *lesbijk* 'lesbian'), *luj* [dosser], *mąż* [husband], *miś* [teddy bear], *outing*, *pedał* [queer, fag], *pedałówka* (f., derivative of *pedał*), *pigalak* [red light district], *pikieta* [picket], *przeięty* (m., derivative of *przeginać się* 'to bent'), *rodzina* [family], *skate*, *skórkowiec* (m., derivative of *skóra* 'leather'), *skrytka* (f., derivative of *skrywać* 'to conceal'), *sniker / sneaker*, *świeże mięso* [fresh meat], *żona* [wife].

A similar collection (including 41 entries) used to be in the now unavailable blog written by Robert Biedroń⁸ (henceforth NS). The difference between the two vocabulary lists resides in the fact that Biedroń's blog lacked the noun *rodzina* [family], which is noted in *Tęczowy elementarz*, yet at the same time it contained such nouns as *grzebień* [n. comb], *ryba* [fish], *rybka* (dim. of *ryba* 'fish') and *torebka* [handbag], which are not present in *Tęczowy elementarz*.

There are (or were) some other amateur glossaries of gay slang, which contain from several to several dozen words, phrases and expressions. The author of the *Mały słownik gejowski*⁹ [A Mini Dictionary of Gay Language] (henceforth MSG) listed 19 entries, which complete the abovementioned glossaries written by Robert Biedroń: *aktyw* [n. active], *aktywny* [adj. active], *bisex*, *cwel* (offensive, slang; 'a prisoner made to have a sexual intercourse with other prisoners'), *dyskret* [a secret man], *homofob* [homophobe], *konkret* [n. a concrete man], *kryptogej* [crypto-gay], *misiak* [teddy bear], *pasyw* [a passive man], *pasywny* [adj. passive], *uniwersalny* [universal], *żonaty* [married]. In the *LGBTQ Dictionary* in turn (with 18 entries), with the subtitle *Żebyście wiedzieli o czym mówią w branży* [So that you know what they talk about in the community of practice]¹⁰, some more words appeared: *biwak* [camp], *bizon* [buffalo], *femme*, *fiolet* [violet], *kamp*, *lewy / lewa* [m. and f. left], *nasz / nasza* [m. and f. ours], *przebranzowić się* [change trade], *queer*, *trans*; acronyms *LGBTQ* (← *lesbijki* 'lesbians'), *geje* [gays], *bi* [bisexuals], *transeksualiści* [transsexuals, queer]) and *YMCA*¹¹ [Young Men's Christian Association], as well as the verbal phrase *być z branży* [to be in the same trade] and the combination *tęczowa flaga* [rainbow flag].¹² Here is a list of some more words mentioned in the internet *Słownik podstawowych pojęć z życia gejów i lesbijek*¹³ [The Dictionary of Basic Concepts of the Life of Gays and Lesbians] (henceforth: SPPzŻGiL): *arabeska* [arabesque], *gej* [gay], *gejsza* [geisha], *gwiazda* [star], *hotelara* (offensive, f.; in gay slang: 'a young boy who gets into a relationship with older men'), *normalny* [normal], *siostra* [sister]. As the title suggests, the SPPzŻGiL contains slang expressions; however, it also includes words and expressions connected with sexuality of non-heterosexuals, most of these entries exemplify the standard Polish language, for example: *akt homoseksualny* [homosexual act], *bary homoseksualne* [homosexual bars], *biseksualista* [bisexual], *heteroseksualista* [heterosexual], *homoseksualista* [homosexual], *homoseksualista typu silacz* [strongman type homosexual], *homoseksualista utajony* [latent homosexual], *lesbijk* [lesbian], *łaźnie* [baths], *różowe balety* [pink ballets], *sadomasochista* [sadomasochist], *sodomia* [buggery], *transwestyta* [transvestite], *ukrywający się gej* [a concealing gay 'a gay concealing his homosexual orientation']. Along with the Polish words, there is also one Latin term *fellatio* (← *fellare* 'to suck').

Some glossaries can also be found in several online articles and blogs, which deal with the slang of gay and lesbian community. In the above-mentioned article, *Kod seks-czatów i slang gejów. Tajemny język branży* [The code of sex-chats and the slang of gays. The secret language of the trade]¹⁴ (henceforth the KSCziSG), Janusz Omyliński invokes and describes the following examples (along with some of the words, expressions and phrases already discussed above): *adidki* (pl. dim. of *adidasy* 'Adidas footwear'), *branżówka* (f. derivative of *branża* 'trade'), *dres* or *dresy* [track-suit or tracksuits], *dziadek* [granddad], *gej radar* [gay radar], *kesz* [cash], *klub branżowy* [community club], *krypto* [crypto], *lokum* [fml. accommodation], *normalny* [normal] (in a different meaning than it is described in the SPPzŻGiL), *ojciec* [father], *soksy* (loan word, naturalized pronunciation of the English *socks* with morphological modification -y encoding the Polish plural), *wyautowanie* (wy- [prefix *out*] + polonized English word *out* used in gerund), as well as the abbreviations *a*, *p*, *u* employed (mainly) in the internet written code.

The author of an article entitled *Słownik homoseksualistów*¹⁵ [A Dictionary of Homosexuals] (henceforth SH) signed by *Otryt*, on the other hand, comments on the text with a vein of irony (by beginning the paper with the following words: "The homosexual community attempts to impose its language on the society at large"¹⁶). He expressed his opinion on several words selected from a dictionary published online of the Association of Homosexuals¹⁷. Of the number of words invoked in the article, which are not noted in the above-mentioned dictionaries, glossaries and articles, only the adjective *gejowski* [gay] appears. In the blog *Zapiski geja*¹⁸ [Notes of a Gay] (henceforth ZG), on the other hand, the author completed his MSG with the following: *Dyskret, kilka uwag o dyskretach* [A Secret Man: a few comments on secret men], „ *Szukam na związek*” – czyli *na wyłączność* [“Looking for a partner” – for exclusive relationship], *Gay-friendly locale* [Gay-friendly clubs], *Gej radar* [Gay radar], *Z wizytą w darkroomie* [Visiting the darkroom]. It must be noted that of the four slang words mentioned above, there is one new adjective *gay-friendly*, most often used with: *local / locale gay-friendly* [gay-friendly club/s], *miejsce gay-friendly* [a gay-friendly place], and *dyskoteki gay-friendly* [gay-friendly discos].

3.1. The formal and semantic description of the slang vocabulary

In view of the aforementioned sources, the vocabulary typical of homosexuals and transgender people encompasses 95 entries (78 nouns¹⁹, 2 adjectives, 1 verb, 8 word combinations, 1 verbal phrase, 5 abbreviations). Most of these are neologisms (on the semantic, word-formation and phraseological level).

Words, which acquire a new semantic meaning, in turn, can be divided into three more specific subclasses:

(1) Neologisms created as a result of alteration of the meanings which exists in contemporary standard Polish language or its variants:

- *arabeska* (cf. *Arabeski, gejsze, hotelary* in SPPzŻGiL: 'young boys who get into a relationship with older men', and in the USJP: 1. *art.* 'a delicate ornament with an intricate drawing', 2. *mus.* 'a short instrumental work', 3. *chor.* 'in ballet: a dancing pose');

- *bizon*²⁰ (cf. in the SLGBTQ: 'a bisexual person', and in the USJP: *zool.* 'buffalo, a mammal of a massive body');

- *branża* (cf. e.g. in the KSCziSG: 1. 'gays' or lesbians' community of practice', 2. 'homosexual culture and society', and in the USJP: *econ.* 'a production or trade branch');

- *cwel* (cf. in the MSG 'a gay who likes to be maltreated', and in *Słownik polszczyzny potocznej* [A Dictionary of Colloquial Polish] by Janusz Anusiewicz and Jacek Skawiński (henceforth SPP): 'a passive homosexual'; see also the definition provided by *Słownik tajemnych gwar przestępczych* [A Dictionary of Secret Criminal Jargons] (Stępiak 1993), which substantially extends the meaning given by the SPP: 'a man who provides sexual service to others [...], a raped prisoner');

- *czajnik* (cf. in the GLS: 'a feminized pose of a man'²¹, and in the USJP: 'a vessel with a lid and a peak used to boil water for tea; teapot');

- *dziadek* (cf. in the KSCziSG: 'a senior gay', and in the USJP: 2. *colloq.* 'an old man');

- *dziobak*²² (cf. in the GLS: 'an active partner', and in the USJP: 1. *zool.* 'an oviparous semiaquatic mammal');

- *gejsza* (cf. *Arabeski, gejsze, hotelary* in the SPPzŻGiL: 'young boys who get into a relationship with older men'²³, and in the USJP: *ethn.* 'in Japan: a professional woman who makes free time more pleasant [...] to men by accompanying them at social meetings');

- *grzebień* (cf. in the NS: 'a woman', and in the USJP: 1. 'an article of toiletry', 2. *zool.* 'a fleshy red covering on the head and the beak of some birds', 3. *anat.* 'a fragment of a bone, enlarged and protruding', 4. *archit.* 'an openwork decorative element placed on a roof ridge or on roof eaves', 5. *techn.* 'a technical tool or a part of it', 6. *envir. hunt.* 'long, trick pelage along the back of a male goat');

- *hokeista* (cf. e.g. in the GLS: 'lesbian', and in the USJP: *sport* 'a member of a hockey team');

- *koleżanka* (cf. e.g. in the GLS: 'a homosexual friend', and in the USJP: 'a companion for work, playing, learning, etc.');

- *lalunia* (cf. e.g. in the GLS: 'a passive partner', and in the USJP: dim. of *lala* [a doll] 2. *colloq. metaph.* 'about a young and beautiful woman, dressed up but dull and vain');

- *luj* (cf. e.g. in the GLS: 'a type of a heterosexual man', and in the SPP: 'contemptuously, talking about a man with aversion');

- *mąż* (cf. e.g. in the KSCziSG: 'a person with whom one is in a stable relationship'²⁴, and in the USJP: 1. 'a man who is married to a woman', 2. *fml. or elev.* 'talking about an estimable man');

- *ojciec* (cf. in the KSCziSG: 1. 'an older gay', 2. 'a more mature partner or a more mature sponsor', and in the USJP: 1. 'a man who has his own child or children', 2. 'a male animal that has offspring', 3. *fml.* 'a person who has created, invented, initiated or established something', 4. *colloq.* 'talking about one's own husband with familiarity', 5. *rel.* (a) *elev.* 'God in Christianity', (b) 'a title used in some orders');

- *pigalak* (cf. e.g. in the GLS: 'a place of meetings', and in the USJP: *colloq.* 'a place (square, street) where prostitutes gather');

- *pikieta* (cf. e.g. in the GLS: 'a place of meetings', and in the USJP: 1. *journ.* (a) 'an organised group of people who protest', (b) 'a group of striking workers who do not admit strikebreakers to the factory');

- *przebranżować się* (cf. in the SLGBTQ: 'to change orientation', and in the USJP: 'to change a business sector, trade specialization');

- *ryba* (cf. in the NS: 'a woman', and in USJP: 1. 'an aquatic animal', 2. *colloq.* 'Pisces');

- *siostra* (cf. in the SPPzŻGiL: 'effeminate homosexual'²⁵, and in the USJP: 1. 'daughter of the same parents as compared with another daughter or son', 2. *colloq.* 'a person who professionally deals with nursing the sick', 3. *rel.* 'a member of a female order');

- *torebka*²⁶ (cf. in the NS: 'a woman', and in the USJP: 1. 'a small bag, wrapping', 2. 'the contents of the wrapping', 3. 'an object, usually in the shape of a small suitcase, a briefcase, an envelope', 4. *anat.* 'a spherical growth surrounding some organ in a living organism', 5. *bot.* 'a dry cracking fruit, usually multiple seeded');

- *żona* (cf. in the KSCziSG: 'a person with whom one is in a steady relationship'²⁷, and in the USJP: 'a woman married to a man');

(2) Neologisms created as a result of narrowing the semantic scope of words existing in standard Polish or its variants:

- *biwak* (cf. in the SLGBTQ: 'a camp in the vicinity of Košno (the place in Poland) lake', and in the USJP: (b) 'the place of this type of rest or lodging');

- *fiolet* (cf. in the SLGBTQ: 'the colour of lesbians; it makes reference to lavender bouquet worn for identification by homosexual women in Victorian England', in the USJP: 1. 'a colour obtained by mixing red and light blue; purple');

- *gwiazda*²⁸ (cf. in the SPPzŻGiL: 'an attractive homosexual behaving like a woman', and in the USJP: 3. *fml.* (a) 'a man who is above average in some discipline or a famous and admired man');

- *lokum* (in the KSCziSG: without definition [~ 'a place where one can meet in order to have a sexual intercourse], cf. in the USJP: *fml.* 'living quarters, home');

- *misiek*²⁹ (cf. e.g. in the KSCziSG: 'a bulky / hefty gay or an overweight one', and in the USJP: (d) 'to talk with affection about a stout boy or a boy who moves slowly; a teddy-bear');

- *miś* (cf. in the GLS: 'a stout and hairy man', and in the USJP: 2. (c) *tenderly or humorously* 'talking with affection about a stout boy or man who moves slowly; a little teddy-bear');

- *nasz / nasza* (cf. in the SLGBTQ: 'from the same trade', and in the USJP *nasi* [ours]: *colloq.* 'a pronoun used without a noun, it makes reference to persons with whom the speaker feels a bond based on the relation of group membership');

- *żonaty* (cf. in the MSG: 'a gay or a bisexual who dates gays or other bisexuals in order to have a sexual intercourse, while his wife is not aware of it', in the USJP: 'a married man').

(3) Neologisms created as a result of an alteration of meaning or narrowing the scope of meaning of words existing in standard Polish or its variants, including word class shift from adjectives to nouns:

- *aktywny* (cf. in the KSCziSG: 'a partner penetrating during an anal intercourse', and in the USJP: 1. 'able to act, participating actively in something, taking initiative');

- *lewy / lewa* (cf. in the SLGBTQ: 'a homosexual person', and in the USJP: I *lewy* [left] 1. 'located on the left side of the human or animals body', 3. *polit.* 'a person who has radical views; left-wing', or II *lewy* [left] (a) 'against the law, illegal; counterfeit', (b) 'a person who looks suspiciously');

- *normalny*₁ (cf. in the KSCziSG: 'a gay who is not effeminate', and in the USJP: 2. 'a gay who is not standing out in any way, most common');

- *normalny*₂ (cf. in the SPPzŻGiL: 'a heterosexual', in the USJP: 3. 'mentally and physically healthy, not disabled');

- *pasywny* (cf. in the MSG: 'a gay who takes a penis', and in the USJP: I *pasywny* 'one without initiative or not showing initiative; passive, inactive, indifferent');

- *uniwersalny* (cf. in the MSG: 'a gay who is a concatenation of the active and the passive'³⁰, and in the USJP: (b) 'suitable for everything, which may have versatile applications').

Among the neologisms stemming from word-formation processes, three subclasses can be distinguished:

(1) neologisms deriving from standard words: *biseks / bisex* (← *biseksualista*), *dyskret* (← *dyskretny*), *heteryk* (← *heteroseksualista*), *homik* (← *homo* ← *homoseksualista*), *homofob* (← *homofobia*³¹), *hotelara* (← *hotel*), *konkret* (← *konkretny*), *kryptogej* (← *krypto-* + *gej*), *lesba* (← *lesbijka*), *leska* (← *lesbijka*), *skórkowiec* (← *skóra*) [a man who wears leather], *skrytka* (← *skrywać*) [a lesbian concealing her homosexual orientation], *trans*³² (← *transwestyta / transseksualista*);

(2) neologisms deriving from slang words: *aktyw*³³ (← *aktywny*), *branżówka* (← *branża*), *heteryczka* (← *heteryk*), *krypto* (← *kryptogej*), *pasyw* (← *pasywny*), *pedałówka* (← *pedał*), *przeięty* (← *przeginać się*³⁴) [an effeminate gay], *rybka*³⁵ (← *ryba*), *wyautowanie* (← *wyautować*³⁶);

(3) a neologism deriving from a sociological term: *dres* (← *dresiarz*) [lit. a gay who wears a tracksuit and white socks and Adidas footwear; yob].

Phraseological neologisms are formal combinations which consist of standard words wherein the meaning of the combination is not a sum of the meanings of its syntactic constituents, e.g. as *człowiek z orkiestry* [a man from the orchestra] – in the GLS: 'a person from a gay and lesbian community'³⁷, *gej radar* – in the KSCziSG: 'the ability to recognize homosexuals by non-verbal communication', *świeże mięso* – in the NS and in the GLS: 'a new person in the community of practice'³⁸, *tęczowa flaga* – in the SLGBTQ: 'a symbol of proud for LGBTQ'. Alternatively, phraseological neologisms consist of either standard or slang words, for example: *być z branży* (this verbal phrase has not been explained in the SLGBTQ, but cf. *branża* in the NS, the GLS, the SLGBTQ: 'gay and lesbian community of practice', *klub branżowy* [trade club]; the adjective *branżowy* is in this case a form motivated by the noun *branża* found in the slang discussed above).

Borrowings constitute a smaller group of neologisms. Two subtypes of borrowings can be distinguished: internal borrowings include colloquialisms, such as *biseks / bisex*, *ciota*, *gej* [n. gay], *gejowski* [adj. gay], *pedał*³⁹, whereas external borrowings stem from English, and they can be further divided as follows:

(1) loan words derived from standard English: *gay-friendly* (← *gay* + *friendly*), *kesz* (← *cash*), *skate* (← *skateboarder*), *sniicker / sneaker* (← *sneaker* 'a kind of sports footwear'), *soksy* (← *soks*);

(2) loan words derived from the English gay slang⁴⁰: *bear* ('a stout, hairy man'), *butch** ('a male lesbian'), *coming out / coming-out / coming out* ('revealing one's own homosexuality') ← English *coming out of the closet* ← English *to come out of the closet*, *darkroom / dark room* ('a place in gay bars where one can have sex') ← English *dark*

room, drag queen / Drag Queen / ?drag queen ('a male artist cross-dressing') ← English *drag queen, drag king / Drag King* ('a female artist cross-dressing') ← English *drag + king, dyke** ('a lesbian'), *femme* ('a lesbian woman'), *gejdar / gaydar* ('the ability to recognize homosexuals') ← *gaydar*⁴¹, *kamp** ('pose') ← English *camp* ← French *camper*⁴², *outing* ('revealing one's homosexuality by a third party'), *queer* ('somebody who does not identify with any gender').

Robert Biedroń mentioned yet another word in both of his glossaries – *broodway* ('the place of meetings for homosexuals'), which, as it seems, is the appellative deriving from the proper name *Broadway*⁴³.

It is tempting to conclude that the occurrence of English borrowings in the vocabulary of homosexuals, most notably words borrowed from the English gay slang, i.e. the language used by this community of practice, is a factor unifying people who belong to this sexual minority, regardless of their nationality.

Interestingly, as can be noticed in the glossaries cited above, there are discrepancies in the way the same lexemes are defined. For example, the scope of meaning of such entries as *bear* and *miś* cited in the NS (lit. 'a fatter man'; 'a stout man') is narrowed by Robert Biedroń in the GLS by adding to their definitions the adjective *owłosiony* ('a stout, hairy man'). On the other hand, *misiek* in the MSG is 'a gay with a paunch', while in the KSCZiSG it means 'a bulky / hefty gay or an overweight gay'. In the same dictionary, the noun *branża* is defined not only as 'the gay and lesbian community of practice' (this meaning is provided by the following dictionaries: the NS, the GLS, the SLGBTQ), but also in the following way: 'the homosexual **culture** and society'. The noun *ciota* is defined in a variety of ways: on one occasion Biedroń uses the adjective *zniewieściaty* [effeminate] (the GLS) in the definition of *ciota*, while on another occasion the adjective *sfeminizowany* [feminized] (the NS) is used. A narrower definition is provided by the SPPzŻGiL: 'an **old** effeminate homosexual'; on the other hand, in the MSG *ciota* is defined as 'an excessively **expressive** gay'. Likewise, *krypto gej* in the MSG is described as a person who tries to renounce homosexuality, while in the KSCZiSG as a person concealing one's sexual orientation. In accordance with the definitions provided by the glossaries written by Biedroń, *Gejdar* designates 'the ability to recognize a gay person', whereas in the KSCZiSG the same word is defined as 'the ability to recognize **homosexual persons**'. *Gej radar* is defined in the KSCZiSG in a similar way, yet in the ZG the scope of meaning is narrowed, cf. 'the ability gays have to recognize **other gays**'. A varying degree of attitude towards gays is assigned to people called *homofobi* [homophobes]: the definition of the noun *homofob* [a homophobe] provided by the SH, gives information about homophobia, i.e. only **aversion** towards gays⁴⁴, while in the MSG the definition contains the feeling of **hatred**, cf. 'a person who hates gays'. Robert Biedroń defined the lexeme *przeięty* [bent] by assigning a broad scope of meaning to the word. While he made reference to **effeminate men**, and thus he does not suggest their sexual orientation, in the KSCZ the same lexeme is defined by making reference solely to **homosexuals**. Likewise, the nouns *skate* and *snicker* were defined by the author first as names of young boys (cf. the NS), and then, in the GLS, the meaning was altered and narrowed: *skate* 'a man who dresses like a skateboarder', *snicker* (or *sneaker*) 'a man who wears sports shoes, most often trainers'. A similar shift can be noted in the case of *świeże mięso*, cf. 'a young body' in the NS and 'a new person in the community of practice' (in the GLS).

3.2. Semantic classification of the slang lexis

The majority of entries present in the analysed glossaries describe proper names, and within these, names describing homosexual men are of the highest frequency (*a, aktyw, aktywny, arabeska, bear, ciota, cwel, drag queen, dres, dziadek, dziobak, gej, gejsza, gwiazda, homik, hotelara, koleżanka, konkret, krypto, kryptogej, lalunia, lewy, misiek, miś, nasz, normalny₁, ojciec, p, pasyw, pasywny, pedał*⁴⁵, *przeięty, siostra, skate, skórkowiec, sneaker / snicker, mąż, u, uniwersalny, żona*) and bisexual men (*biseks / bisex, bizon*). Two names can be used both with reference to homosexual men and to bisexual men (*dyskret, żonaty*). A significantly smaller number of names make reference to women (*butch, drag king, dyke, femme, hokeista, lesba, leska, lewa, nasza, skrytka*) and names that can label both men and women (*człowiek z orkiestry, świeże mięso*). Still, it seems that, more often than not, they are used with reference to men. Names delineating the whole gay community of practice can also be found (*branża, LGBTQ, rodzina*). Two names describe only transgendered people (*queer, trans*). There are also several names which describe heterosexuals (*heteryczka, heteryk, homofob, luz, normalny₂*) as well as a few names which describe women without marking their sexual orientation (*ryba, rybka, torebka grzebień, pedałówka*). Moreover, one can distinguish: place names (*biwak, broodway, darkroom / dark room, klub branżowy, lokum, pigalak, pikietka*), object names (*adidki, kesz, soksy, YMCA*), names of processes (*coming out / coming-out / comming out, outing, przebranżowić się, wyautowanie*), abstract names (*czajnik, gejdar, gej radar, kamp, być z branży*), one name denoting the name of an event (*branżówka*) and two attributes (*gay-friendly, gejowski*). The names *fiolet* and *tęczowa flaga* in turn are names of symbols.

4. Concluding remarks

The glossaries and dictionaries presented above do not do justice to gay slang language discussed in the paper. What lacks in the description is, for example, a list of adjectives deriving from some of the aforementioned nouns, such as *ciotowski* (← *ciota*), *heteryczny* (← *heteryk*), *pedalski* (← *pedał*), and, first and foremost, words and verbal phrases designating the behaviour of gays (e.g. *przeginać się* [to bent oneself], *wyrwać* [to pick sb up], *zarwać* [to pick sb up]) and sexual activities (*drutować, obciążać, ciągnąć druta, zrobić laskę*)⁴⁶; a linguistic material used by characters in *Lubiewo*. Interestingly, as Janusz Omyliński claims, it is conceivable that gays who do not feel strongly linked to homosexual culture and community may not know most of these expressions. Some of them, however, are relatively universal and widespread⁴⁷.

Undoubtedly, there is also a need to keep a record of the vocabulary of Polish gays, which evidently evolves, due to, say, generation changes in the gay community, an issue already signalled by Michał Witkowski through the words uttered by one of the characters presented in *Lubiewo*: "But they are no longer **fags** but **gays**"⁴⁸ (Witkowski 2005: 40, em-

phasis mine – A.S. D.). By so doing, changes are indicated as regards naming homosexual persons. Robert Biedroń, on the other hand, in his glossary of gay and lesbian slang, singles out *pikieta* and *pigalak* as nouns which might go out of use (due to the disappearance of the places designated by these words), cf. “**Pigalak** – a place where homosexual men meet in order to find a partner (e.g. a park, public convenience). Today, consequent upon the emancipation of gays, the word becomes **less important**. *Pikieta* – see above”⁴⁹ (Biedroń 2007: 119, emphasis mine – A.S. D.). Also Janusz Omyliński classified *pikieta* as a word which is dated by saying: “The word “**pikieta**” has rather gone out of use, it used to mean a public place (typically a public convenience or a park) where gays met to have a quick, casual, anonymous sex”⁵⁰ (emphasis mine – A.S. D.)⁵¹, and the reason for this phenomenon is sought in internet chats, which “Proved to be an ideal escape, a picket of the 21st century, owing to which a gay can at least secretly fulfil his sexual needs stigmatized by the society.”⁵² (ibid.).

In order to create a lexicon of Polish gay slang, which is my intention, one needs to analyse the glossaries, dictionaries and quasi-dictionaries which are currently at our disposal (such as those presented in the above description) as well as literary records of language, which have been used by homosexuals (an example of which can be *Lubiewo* cited above). Nonetheless, it is also of vital importance to browse gay magazines, which have been published in Poland since the 80s, as well as gay internet portals, where one can encounter a number of examples of typically gay language (e.g. in advertisements targeted at other gays).

Labels used in definitions:

adj. – adjective
 anat. – anatomy
 archit. – architecture
 art. – artistic
 aug. – augmentative
 bot. – botanical
 chor. – choreography
 colloq. – colloquial
 dim. – diminutive
 econ. – economy
 elev. – elevated
 envir. – environment
 ethn. – ethnic
 f. – feminine
 fml. – formal
 hunt. – hunting
 ipfv. – imperfective aspect
 journ. – journalistic
 lit. – literal
 liter. – literary
 n. – noun
 m. – masculine
 metaph. – metaphorical
 mus. – musical term
 pfv. – perfective aspect
 pl. – plural
 polit. – political
 rel. – religious
 sb. – somebody
 tech. – technical
 zool. – zoology

Abbreviations:

GLS – Biedroń, Robert. 2007. *Gejowsko-lesbijski slang* [Gay and lesbian slang]. In *Tęczowy elementarz, czyli (prawie) wszystko, co chcielibyście wiedzieć o gejach i lesbijkach* [Rainbow Primer, i.e. (almost) everything you would like to know about gays and lesbians]. Warszawa.

GLTBSD – Koymasky, Andrej. *GLTB Slang Dictionary*. <http://andrejkoymasky.com/lou/dic/dic00.html> (June 14, 2014).

KSCziSG – Janusz Omyliński, *Kod seks-czatów i slang gejów. Tajemny język branży* [The code of sex-chats and the slang of gays. The secret language of the trade]. <http://natemat.pl/4759,kod-seks-czatow-i-slang-gejow-tajemny-jezyk-branzy> (June 14, 2014).

MSG – *Mały słownik gejowski* [A Mini Dictionary of Gay Language]. <http://zapiskigeja.blox.pl/2011/01/Maly-slowniczek-gejowski.html> (January 22, 2012).

NS – Robert Biedroń, *Nasz slang* [Our slang]. [http://robertbiedron.blog.onet.pl/Nasz-slang,2,ID 148987687,n](http://robertbiedron.blog.onet.pl/Nasz-slang,2,ID%20148987687,n) (January 22, 2012).

SH – *Słownik homoseksualistów* [A Dictionary of Homosexuals]. http://forum.gazeta.pl/forum/w,210,2955534,2956607,Słownik_homoseksualistow.html (June 14, 2014).

SLGBTQ – *Słownik LGBTQ. Żebyście wiedzieli o czym mówią w branży* [The LGBTQ Dictionary. So that you know what they say in the trade]. http://warszawa.gazeta.pl/warszawa/1,34889,8148024,Słownik_LGBTQ__Zebyscie_wiedzieli_o_czym_mowia_branzy.html (June 14, 2014).

SPP – Anusiewicz, Janusz & Skawiński, Jacek. 1996. *Słownik polszczyzny potocznej* [A Dictionary of Colloquial Polish]. Warszawa – Wrocław.

SPPzŻGiL – *Słownik podstawowych pojęć z życia gejów i lesbijek* [The Dictionary of Basic Concepts of the Lives of Gays and Lesbians]. http://homogwiazdy.eii.com.pl/art-2009-11-słownik_geja_i_lesbijki.html (June 14, 2014)

USJP – *Uniwersalny słownik języka polskiego* [A Universal Dictionary of the Polish Language]. 2008. Stanisław Dubisz (ed.). CD ROM version 3.0, Warszawa.

ZG – *Zapiski geja* [Notes of a Gay]. http://zapiskigeja.blox.pl/tagi_b/161927/słownik-gejowski.html (January 22, 2012)

Notes

¹ A kind of cultural event in Poland was *Ars Homo Erotica* exhibition held in the National Museum in Warsaw (11/06/2010 – 05/09/2010). The event was accompanied by the publication of the album *Art Pride. Polska sztuka gejowska* [Art Pride. Gay Art from Poland] (Warszawa 2010) by Paweł Leszkowicz, which is the first review of Polish gay art of such a wide scope (<http://culture.pl/pl/dzielo/pawel-leszkowicz-art-pride-polska-sztuka-gejowska>).

² An anonymous author writes about it in the paper *Gejowski język na wymarcu* [Gay language threatened with extinction] on the portal *Queer.pl* (<http://queer.pl/news/191755/gejowski-jezyk-na-wymarcu>).

³ URL : <http://andrejkoymasky.com/lou/dic/dic00.html>.

⁴ URL : <http://odps.org/glossword/index.php?a=index&d=8>.

⁵ On the website of Homopedia, the free LGBT encyclopaedia, one can find, for example, Japanese slang (http://www.homopedia.pl/wiki/Japoński_slang_LGBT), whereas on the Russian website of Wikipedia (<http://ru.wikipedia.org/wiki/ЛГБТ-сленг>) one can find LGBT vocabulary of the following languages: English (Polari) and South African English as well as German and Russian.

⁶ Janusz Omyliński sees the cause of this phenomenon in the many (officially!) functioning gay clubs and in the widespread use of the internet (see *Kod seks-czatów i slang gejów. Tajemny język branży* [The code of sex chats and the slang of gays. The secret language of the community of practice]); available on the website of the internet service „na temat” at: <http://natemat.pl/4759,kod-seks-czatow-i-slang-gejow-tajemny-jezyk-branzy>).

⁷ According to Oxford English Dictionary, (see <http://www.oed.com/>) the etymology of this word is unknown. Nevertheless, the definitions of the meanings of *kamp* (as an adjective – 1., 2. and as a noun – 3.) provided by this dictionary are vital: (1) ‘ostentatious, exaggerated, affective, theatrical, effeminate or homosexual’, (2) ‘imitating or characteristic for homosexuals’, (3) ‘a man behaving in this way’.

⁸ The address of his website was as follows: <http://robertbiedron.blog.onet.pl/Nasz-slang,2,ID148987687,n.>

⁹ This dictionary was available at <http://zapiskigeja.blox.pl/2011/01/Maly-słowniczek-gejowski.html>.

¹⁰ URL : http://warszawa.gazeta.pl/warszawa/1,34889,8148024,Słownik_LGBTQ__Zebyscie_wiedzieli_o_czym_mowia_branzy.html.

¹¹ YMCA is the title of a hit from 1978 sung by Village People, claimed to be a kitsch, which has become the anthem of gays.

¹² In this glossary, a fragment of a poem by Ludwik Jerzy Kern entitled *Trzecia płeć* [The Third Gender] was also cited, wherein two interesting compounds were proposed: *chłopcodziewczyna* [a boy-girl] and *dziewczynochłopiec* [a girl-boy].

¹³ Available on 20/01/2012 at http://homogwiazdy.eii.com.pl/art-2009-11-słownik_geja_i_lesbijki.html (currently the website is no longer available).

¹⁴ For website address, see footnote 6.

¹⁵ URL : http://forum.gazeta.pl/forum/w,210,2955534,2956607,Słownik_homoseksualistow.html.

¹⁶ The original text: *Środowisko homoseksualne próbuje narzucić swój język całemu społeczeństwu.* (translated into English by Anna Bączkowska).

¹⁷ The following website address is mentioned in her article: www.republika.pl/sempe/Kompe9.htm, but the website is no longer available.

¹⁸ The glossary was on the following website: http://zapiskigeja.blox.pl/tagi_b/161927/słownik-gejowski.html.

¹⁹ Genetically, there are seven adjectives in this group, two of which are homophones, cf. *przeięty*, *żonaty*, *lewy/lewa*, *uniwersalny*, *pasywny*, *aktywny*, *normalny1*, *normalny2*, and one pronoun (in two gender variants) *nasz/nasza*.

²⁰ This noun may be classified as word-formation neologism resulting from the process of clipping (*bi* ← *biseksualista*). This word is not listed in the glossaries/dictionaries discussed in this paper.

²¹ This meaning refers to the shape of a curved, often funnel-like part of a teapot (or a kettle), used to pour out liquid from the pot (kettle); cf. *dzióbek/dzióbek* (a beak) in the USJP. In the *Miejski słownik slangu i mowy potocznej* [The Urban Dictionary of Slang and Colloquial Speech] (<http://www.miejski.pl/>), on the other hand, this word is defined by the noun *pedał*, which suggests that both words are synonyms (name of a person). If the name of the person is also semantically motivated by the shape of a teapot / kettle, this might indicate that the language of homosexuals has created a stereotype of a gay (*pedał*) as an effeminate man, easily recognizable for characteristic body movements.

²² Perhaps this noun should be interpreted as an example of word-formation driven neologism stemming from the verb *dziobać* (to peck).

²³ The entry *gejsza* has been also listed in the MSSiMP with a different meaning, wherein the definition also stresses its complex form: “*Gej – facet homo Sza – cisza, cichy gej, ukrywający się*” [Gej – a homosexual man Sza – (hush; silence), a silent gay, a gay concealing his homosexual orientation], in which case it would be a word-formation neologism.

²⁴ In the GLTBSD, one can also find the word husband; its meaning, however, is different: “The aggressive (or more masculine) member of a homosexual relationship, male or female, on a more or less regular basis. In some relationships, a marriage is felt to exist between lovers”. This definition indicates that the word husband (in the sense typical of English gay slang) may be used to refer to a man and a woman alike.

²⁵ In the GLTBSD, there is also the entry sister [sister], with a slightly different meaning, however, close to the meaning proposed by the SPPzGiL: (1) “A man who prefers the passive role in anal intercourse”. In polari it has yet another meaning, namely “A close friend”.

²⁶ It is possible that we deal here with word-formation neologism derived from the colloquial noun torba – about a woman.

²⁷ The author of the paper completes the definition with the following information, that in such relationships some homosexuals call themselves by female forms of their first names. This definition allows us to conclude that zona refers to one of the two men who are in a homosexual relationship. In the GLTBSD, the entry wife can also be found, whose definition clearly indicates who is called zona in such a relationship: “The submissive member of a gay sexual relationship, of a marriage”.

²⁸ This may be a calque of the English star, cf. a corresponding entry in the GLTBSD: (1) “(camp) A homosexual that always tries to be in the limelight or be the life-of-the-party”.

²⁹ Misiek and miś may be calques of the English bear, see also bear in the GLTBSD: (2) “[early 1980s] A hairy, fleshy, large, virile man, especially in the gay male community; a man, usually somewhat stouter than the average man, who has more hair on his body than most men. [...]”.

³⁰ In line with the definition proposed by the USJP, the noun konkatencja used in this definition is a linguistic and literary term, and thus its use in this context is inapt.

³¹ There is no corresponding entry in the USJP, while it is mentioned in the internet version of Słownik języka polskiego PWN [The Dictionary of the Polish Language] (<http://sjp.pwn.pl/>).

³² The entry trans is also in the GLTBSD, which may be an indication of a borrowing.

³³ It can be a borrowing from the English active, see a corresponding entry in the GLTBSD.

³⁴ A verb not listed in the analysed dictionaries. This word, in the slang version, is also used by the characters present in the novel *Lubiewo*.

³⁵ It is possible that it is an example of a word which acquires a new meaning (neosemantyzm) relative to rybka existing in standard Polish.

³⁶ The verb is not listed in the analysed glossaries / dictionaries; hence, *wyautowanie* may be a calque from the English word *outing*, see a corresponding word in the GLTBSD.

³⁷ *Orkiestra* in this phrase appears to be a word, which acquired a new semantic meaning, but the noun does not appear as a separate entry in the dictionaries of slang discussed in this paper.

³⁸ *Mięso* is used with reference to person/s in the phrase *mięso armatnie* (English cannon fodder); see in the USJP: adj. *armatni* \diamond phrase. colloq. *Mięso armatnie* ‘about soldiers sent to the war, who have no chance to survive’. Very importantly, in this context the phrase is negatively charged.

³⁹ All present in the USJP have the label colloquial.

⁴⁰ All the dictionary items mentioned below can be found in the GLTBSD. Additionally, entries with an asterisk (*) exemplify polari. The meanings given in parenthesis are based on the aforementioned Polish dictionaries and glossaries.

⁴¹ The word combination *gej radar* also seems to be a borrowing. Admittedly, there is no corresponding entry in the GLTBSD, but in English the expression *gay radar* appears in article entries of the nouns *gaydar* (“term coined from *gay*+*radar*”) and *gadar* (“This word is formed from *gay* + *radar*”).

⁴² In polari *kamp* designated any homosexual man.

⁴³ The spelling with double *oo* instead of *oa* may be a sheer error.

⁴⁴ Cf. the definition of homophobia in the USJP: ‘irrational aversion to homosexuality and homosexuals’.

⁴⁵ Contrary to general language, it is not negatively charged in gay slang. Janusz Omyliński writes about the use of this word, that when it is used by a person who is not from the “trade”, or a person who is not befriended, it is a vulgar word; however, when used among gays or their close friends it is a neutral or even a friendly expression (for internet website address see footnote 6).

⁴⁶ All these expressions mean the same: ‘blow, give head, suck one’s cock, etc’.

⁴⁷ Cf. his cited article, footnote 6.

⁴⁸ The original text: *Ale to nie są już pedały, tylko geje.* (translated into English by Anna Bączkowska).

⁴⁹ The original text: *Pigalak – miejsce spotkań mężczyzn homoseksualnych w celu znalezienia partnera (np. park, toaleta publiczna). Dziś, ze względu na emancypację gejów traci na znaczeniu. Pikieta – jak wyżej.* (translated into English by Anna Bączkowska).

⁵⁰ The original text: *Z użycia wyszło już raczej słowo “pikieta”, które oznaczało miejsce publiczne (najczęściej miejski szalet, albo park), gdzie geje umawiali się na niezobowiązujący, szybki i anonimowy seks.* (translated into English by Anna Bączkowska).

⁵¹ For the internet address of the website where this citation was found see footnote 6.

⁵² The original text: *okazały się idealną ucieczką, pikieta XXI wieku, dzięki którym w prosty sposób, gej może chociaż zaspokoić w tajemnicy, swoje piętnowane w społeczeństwie seksualne potrzeby* (translated into English by Anna Bączkowska).

REFERENCES

1. ЛГБТ-сленг [LGBT-slang]. Wikipedia (Русский). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://ru.wikipedia.org/wiki/ЛГБТ-сленг> (June 14, 2014).
2. Baker, P. *Fantabulosa: A Dictionary of Polari and Gay Slang* / P. Baker. – London : Continuum, 2002a.
3. Baker, P. *Polari – The Lost Language of Gay Men* (Routledge Studies in Linguistics) / P. Baker. – London : Routledge, 2002b.
4. Biedroń, R. *Gejowsko-lesbijski slang* / R. Biedroń. – URL : <http://robertbiedron.blog.onet.pl/Nasz-slang,2,ID148987687,n>, (January 22, 2012).
5. Biedroń, R. *Łęczowy elementarz, czyli (prawie) wszystko, co chcielibyście wiedzieć o gejach i lesbijkach* / R. Biedroń. – Warszawa : AdPublik, 2007.

6. Gay Slang Dictionary. – URL : <http://odps.org/glossword/index.php?a=index&d=8> (June 14, 2014).
7. Gejowski język na wymarciu. – URL : <http://queer.pl/news/191755/gejowski-jezyk-na-wymarciu> (June 14, 2014).
8. Homopedia, the free LGBT encyclopaedia. – URL : http://www.homopedia.pl/wiki/Japoński_slang_LGBT (June 14, 2014).
9. Leszkowicz, P. Art Pride. Polska sztuka gejowska / P. Leszkowicz. – URL : <http://culture.pl/pl/dzielo/pawel-leszkowicz-art-pride-polska-sztuka-gejowska> (June 14, 2014).
10. Miejski słownik slangu i mowy potocznej. – URL : <http://www.miejski.pl/> (June 14, 2014).
11. Omyliński, J. Kod seks-czatów i slang gejów. Tajemny język branży / J. Omyliński. – URL : <http://natemat.pl/4759,kod-seks-czatow-i-slang-gejow-tajemny-jezyk-branzy> (June 14, 2014).
12. Otryt. Słownik homoseksualistów. – URL : http://forum.gazeta.pl/forum/w,210,2955534,2956607,Słownik_homoseksualistow.html (June 14, 2014).
13. Oxford English Dictionary. – URL : <http://www.oed.com/> (June 14, 2014).
14. Słownik języka polskiego PWN. – URL : <http://sjp.pwn.pl/> (June 14, 2014).
15. Stępnia, K. Słownik tajemnych gwar przestępczych / K. Stępnia. – Londyn : Puls Publications Ltd, 1993.
16. Witkowski, M. Lubiewo / M. Witkowski. – Kraków : korporacja ha!art, 2005.

Материал поступил в редакцию 26.08.16.

ЛЕКСИКА СЛЕНГА ПОЛЬСКИХ СЕКСУАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ

А.С. Дышак, профессор, доктор наук, ординарный профессор
Университет Казимира Великого (Быдгощ), Польша

***Аннотация.** Статья обсуждает польский жаргон гомосексуалистов и транссексуальных лиц. Основная цель этой статьи состоит в том, чтобы собрать рассеянный словарь жаргона, кроме того, охарактеризовать его грамматически и семантически. Первая часть статьи рассматривает явление польского сленга геев (по сравнению с Polari/Поляри – языком английских гомосексуалистов) на основании его литературных записей. Затем автор анализирует лексику, собранную в выпущенном ранее словаре польского сленга геев и лесбиянок, чтобы наконец обсудить другие любительские словари этого сленга и лексику онлайн статей и блогов, касающихся гомосексуальной и транссексуальной тематики. В главной части статьи языковой материал классифицирован соответствующим образом. Автор показал семантические, фразеологические и словообразовательные неологизмы, а также заимствованные слова. Статья представляет собой введение в будущие исследования польского жаргона сексуальных меньшинств.*

***Ключевые слова:** сексуальные меньшинства, польский язык, жаргон, социолект, лексика, словари.*

Germanic Languages
Германские языки

УДК 81'282.8

**ПАРАДИГМА ИЗМЕНЕНИЯ ЛЕКСИЧЕСКОГО
СОСТАВА КОНТАКТНОГО ЯЗЫКА FINGLISH**

С.Е. Кушнарёва, аспирант

Кафедра теории языка, литературы и социолингвистики, Институт иностранной филологии,
Таврическая академия Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского (Симферополь), Россия

***Аннотация.** Известно, что изменения внутри языковой системы в наибольшей степени касаются лексики как самого «мобильного» компонента. Целью данной статьи является анализ особенностей вариативности лексической составляющей финского варианта английского языка, распространенного на востоке Северной Америки. Результаты исследования показывают, что в настоящее время наметилась тенденция к расширению лексического аппарата контактного языка Finenglish в отраслях информационно-коммуникационных технологий, промышленности и делопроизводства. Отдельно выделяется пласт жаргонизмов, слэнгизмов и профессиональной лексики Finenglish.*

***Ключевые слова:** социальная лингвистика, вариативность, мультилингвизм, ассимиляция, контактный язык, Finenglish.*

В области современной социальной лингвистики интерес для изучения представляет видоизменение общей структуры и смысловой нагрузки языковой единицы в зависимости от социальных и ситуативных условий употребления слова в определенном контексте. Известно, что внешние факторы вариативности языка зачастую определяются в единстве с внутренними. Проявлением подобной теоретико-лингвистической закономерности служит динамика тенденций развития английского языка, широта распространения которого приводит к возникновению явления мультилингвизма в пределах языковых сообществ стран мира.

Изучение языкового контактирования даёт возможность исследователям в сфере социальной лингвистики, морфологии и синтаксиса проследить особенности функционирования и вариативности лексики национальных и территориальных вариантов, диалектов и социолектов английского языка. По мнению А.Д. Петренко, «нельзя отрицать того очевидного факта, что возникающие под воздействием социально-экономических факторов контакты между народами и их естественное следствие – взаимодействие контактирующих языков, приводят к серьезным изменениям в структуре языка» [2, с. 320].

По данным официальной статистики Европейского союза, высокая степень развития международных и лингвистических отношений прослеживается в пределах стран континента Северной Америки – Соединённых Штатов Америки и Канады, что наиболее ярко характеризует явления мультилингвизма и мультикультурализма [5]. Как предполагает А.О. Лалетина, «выработка соответствующих направлений языковой политики с учетом принципов обеспечения эффективной коммуникации и возможностей реализации политики государства, с одной стороны, и принципов мультикультурализма и толерантности как требования современного общества – с другой» [1, с. 144] является следствием исторического наследия, традиций США и Канады, активной роли указанных стран в глобальных экономических, политических и культурных процессах.

Гетерогенность, динамичность и неоднородность языкового взаимодействия в отмеченных странах возникает на фоне территориальной и социальной дифференциаций, вариативности английского языка и речи представителей современного общества. По данным исследований американских лингвистов (Р. Хэндриксона, Д. Престона, Р. Шай, У. Чейфа, З. Харриса, Д. У. Антони), в странах США и Канады нельзя определить ни одного географического района, языковая ситуация которого считалась бы «образцовой» [3, с. 180]. Сочетание активно взаимодействующих культурных и лингвистических элементов американского социума, расширение международных границ, контактов способствует возникновению новых диалектов и вариантов языков на территории США и Канады, одним из которых является финский контактный вариант английского языка – Finenglish, распространенный на восточном побережье США и Канады.

М. Нисонен определяет контактный язык Finenglish как «сочетание американского английского и финского языков, в котором американские лексические элементы адаптированы к особенностям морфологии и синтаксиса финского языка» [5, с. 12]. American Finnish – альтернативное наименование языка иммигрантов США и Канады.

Проанализировав специфику функционирования и особенности употребления контактного языка *Finglish* на территории штатов Орегон, Мичиган, Флорида и Массачусетс, представляется возможным выделить несколько основных тенденций в системе развития финского варианта английского языка.

Во-первых, современный *Finglish* сохранил грамматические черты финского языка периода 1880 года, когда многие жители Финляндии в попытках избежать ужасов Великого голода пересекали Атлантический океан и высаживались на восточном побережье Северной Америки (штаты Миннесота, Мичиган, Висконсин, Огайо, Онтарио). Языковые контакты первого поколения финнов с коренными жителями Северной Америки оставались достаточно ограниченными, поскольку иммигранты Северной Европы все еще говорили на «чистом» финском. Финское языковое сообщество переносило процесс адаптации к новому культурному и лингвистическому окружению. Так как большинство финских иммигрантов являлись уроженцами провинций Савонии, Тавастии и Остроботнии, грамматические особенности диалектов данных областей были отражены в *Finglish* раннего периода. Среди лексических единиц раннего *Finglish*, можно выделить следующие (бытовая сфера): *sooci (Fing)* для обозначения слова *sauce (AmEng)* – «соус»; *peipi (Fing)* для обозначения слова *baby (AmEng)* – «ребенок»; *krääts (Fing)* для обозначения слова *garage (AmEng)* – «гараж»; *kitsiin (Fing)* для обозначения выражения *to the kitchen (AmEng)* – «на кухню»; *biitsi (Fing)* для обозначения слова *beach (AmEng)* – «пляж».

Во-вторых, в процессе последующего контактирования финского и английского языков начала XX века, второе и третье поколение финских иммигрантов становится билингвальным и *Finglish* обогащает свой словарь заимствованиями из американского национального варианта английского языка. В этот период сосуществования двух языков на территории штатов прослеживается тенденция к ассимиляции культурных и языковых традиций иммигрантов и коренных американцев. Примечательно, что слова языка *Finglish*, появившиеся в тот период, были значительно короче исконно-финских, например: *roki (Fing)* для обозначения слова *truck (AmEng)* – «грузовик», вместо *kuorma-auto (Fin)*; *bisnes (Fing)* для обозначения слова *business (AmEng)* – «бизнес», «дело» вместо *liiketoiminta (Fin)*; *juupet (Fing)* для обозначения сленгового выражения *you bet (AmEng)* – «еще как», «без проблем», вместо *takuulla, varmasti (Fin)*.

В-третьих, вторая половина XX века ознаменована качественным подъемом технических и производственных сил ведущих мировых стран, расширением международных контактов, развитием новых доменов деятельности общества и совершенствования ранее существующих сфер производства.

При расширении границ бытовых, культурных и профессиональных отношений носителей американского и финского языков второй половины XX – первой половины XXI веков (современный период развития *Finglish*), возникла потребность в создании терминологических единиц (неологизмов, сленговых выражений) для обозначения понятий и явлений, например: *lounas (Fing)* – *lunch (AmEng)* – «ланч», «обед»; *biifdsöoki (Fing)* вместо *kuivaliha (Fin)* – *beef jerky (AmEng)* – «вяленая говядина»; *kahvinkeitin (Fing)* – *coffee machine (AmEng)* – «кофеварка»; *grillata (Fing)* – *to grill (AmEng)* – «жарить на гриле», *kämppä (Fing)* – *camp (AmEng)* – «лагерь», «временное жилье»; *mainari (Fing)* – *miner (AmEng)* – «шахтер»; *bugi (Fing)* – *to bug, as programming error (AmEng)* – «ошибка при программировании»; *dellata (Fing)* – *to delete (AmEng)* – «удалить»; *giikki (Fing)* – *geek (AmEng)* – «компьютерщик»; *fleimi (Fing)* – *an Internet flame, a nasty Internet reply (AmEng)* – «грубый ответ на форуме в интернете»; *fleimata (Fing)* – *to write/send a nasty Internet reply or to burn (AmEng)* – «написать или отправить грубый ответ на форуме в интернете»; *floppy (Fing)* – *flop, failure (AmEng)* – «провал», «неудача»; *nörttinerd (Fing)* – *nerd (AmEng)* – «умник»; *räppi (Fing)* – *rap music (AmEng)* – «музыка в стиле рэп»; *nevöhööd (Fing)* – *never heard (AmEng)* – «никогда не слышал(а) раньше»; *tsekata, tarkistaa (Fing)* – *to check (AmEng)* – «проверить»; *fiksata / korjata (Fing)* – *to fix (AmEng)* – «зафиксировать»; *pätsätä / paikata (Fing)* – *to patch, as in updating software (AmEng)* – «устранить найденные неполадки в программе»; *vörkkiä (Fing)* – *to work, to function (AmEng)* – «работать»; *teknopuhe (Fing)* – *techspeak (AmEng)* – «технический жаргон, терминология»; *eemeli (Fing)* – *mail (AmEng)* – «почта»; *webbiselain (Fing)* – *Web browser (AmEng)* – «браузер сети»; *rickrollata (Fing)* – *rickroll (AmEng)* – «устроить проволочку», «отправить по ложному пути»; *shoppailla (Fing)* – *to go shopping (AmEng)* – «делать покупки»; *hengailla (Fing)* – *to hang over (AmEng)* – «ходить, скитаться без дела», *drinkki (Fing)* – *to drink (AmEng)* – «пить», *menu (Fing)* – *menu (AmEng)* – «меню», *printata (Fing)* – *to print (AmEng)* – «печатать», *rokki (Fing)* – *rock (AmEng)* – «скала».

Приведенная выборка языковых единиц, словосочетаний, фразеологизмов, полученная путем прослушивания монологической и диалогической речи жителей штатов восточного побережья Северной Америки [5], подтверждает динамичный характер развития контактного языка *Finglish*, быстро реагирующего на любые изменения, происходящие в жизни современного общества. Особую роль в развитии *Finglish* на данный момент играет сектор ИТ и программного обеспечения, а также связанного с ним ряда жаргонизмов и элементов профессиональной лексики. Молодежный сленг обогащает лексический состав *Finglish*, привнося в речь носителей контактного языка новые слова и выражения, что является неотъемлемой частью культуры любого развивающегося языка.

Следует отметить уникальность *Finglish* как объекта современных исследований в области социальной лингвистики, которая заключается в строгости структуры грамматического и синтаксического ярусов, составляющих фундамент национальной специфики финского варианта английского языка, и, одновременно, подвижности лексического состава контактного языка, отражающего все изменения внешней, внеязыковой действительности современного англо-финского сообщества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лалетина, А. О. Вопросы планирования статуса языка в глобальном мире (на материале языковой политики США и РФ) / А. О. Лалетина. – Нижний Новгород : Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2013. – № 2. – С. 320–326.
2. Петренко, А. Д. Языковой контакт и проблемы языковых изменений / А. Д. Петренко, А. Я. Поповская. – Симферополь : Ученые записки КФУ им. В. И. Вернадского, 2015. – Филологические науки. Том 1 (67). – № 2. – С. 143–150.
3. Третьяков, Ю. П. Американский вариант английского языка / Ю. П. Третьяков. – Санкт-Петербург : Наука, 2005. – 327 с.
4. A National Preserve of Documentary Films about American Roots Cultures. – URL : <http://www.folkstreams.net/> (дата обращения 26.07.2016).
5. EF English Proficiency Index. – URL : <http://www.ef.com/ca/epi/> (дата обращения 28.07.2016).
6. Tuominen, J. An Introduction to Finglish / J. Tuominen. – Tampere : Department of Translation Studies, 2007. – 105 p.

Материал поступил в редакцию 01.08.16.

**PARADIGM OF LEXICAL CONSTITUENT
CHANGES OF THE CONTACT FINGLISH LANGUAGE**

S.E. Kushnaryova, Postgraduate Student,

Chair of the Theory of Language, Literature and Sociolinguistics, Institute of Foreign Philology,
Taurida Academy of Crimean V.I. Vernadsky Federal University (Simferopol), Russia

Abstract. *It is known that changes within the language system relate to the greatest extent to vocabulary as the most 'mobile' component. The purpose of this article is to analyze the characteristics of the variability of the lexical component of the Finnish variant of the English language, common in the East of the North America. The results show that currently there is a trend towards the expansion of the lexical unit of the contact Finglish language into the areas of information and communication technologies, industry and business. Separately a layer of jargon, slang and professional vocabulary of Finglish is allocated.*

Keywords: *social linguistics, variability, multilingualism, assimilation, contact language, Finglish.*

УДК 811.111.81'37

НОМИНАТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО МИКРОКОНЦЕПТОСФЕРЫ TERRORISM В СОВРЕМЕННОМ АНГЛО-АМЕРИКАНСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

И.В. Фатьянова, кандидат филологических наук, доцент
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк

***Аннотация.** Объектом исследования выступает англо-американская языковая и концептуальная картины мира. Предмет исследования составляют структурные, семантические, ономазиологические, лингвокогнитивные и стилистические аспекты средств выражения микроконцептосферы TERRORISM в современном англо-американском политическом дискурсе. Единицы разных лексико-грамматических классов, обозначающие феномен «терроризм», образуют целостное номинативное пространство, которое структурируется по полемому принципу организации лексики. Описание номинативного пространства микроконцептосферы TERRORISM позволяет глубже выявить общие механизмы и принципы вербального выражения феномена «терроризм», способствует расширению границ нашего знания о концептуальной и языковой картинах мира. Научная новизна исследования заключается в том, что в нем впервые выделена и проанализирована микроконцептосфера TERRORISM как совокупность взаимосвязанных концептов TERRORISM, VIOLENCE, WAR, LAWLESSNESS, образующих ядерную конструкцию в ряде концептуальных сфер для обозначения различных видов террористической деятельности. Новым в работе является проведение комплексного исследования разнородных языковых единиц, представляющих микроконцептосферу TERRORISM в современном англо-американском политическом дискурсе, а именно, осуществлены обоснование терроризма как микроконцептосферы, основанной на взаимодействии концептов TERRORISM, VIOLENCE, WAR и LAWLESSNESS; выявление ее места в современной концептуальной картине мира англо-американского политического дискурса, а также установление структурных, ономазиологических, семантических и стилистических особенностей единиц, которые вербализуют эту микроконцептосферу в публицистических текстах современного англо-американского политического дискурса; систематизация лексических средств, представляющих различные типы террористической деятельности и пути противодействия терроризму; выделение и описание лексических единиц, функционирующих в англо-американских публицистических текстах как образно-специфические маркеры для обозначения феномена терроризма, установление ядерной и периферийной стратификации фрагмента языковой картины мира для обозначения терроризма, определение его тематической парцелляции, основу которой в исследовании составляют синонимические ряды.*

***Ключевые слова:** концепт, микроконцептосфера, дискурс, номинативное пространство, семантическая структура концепта.*

Актуальность исследования определяется общей направленностью современных лингвистических исследований на рассмотрение языковых единиц с учетом структуры человеческого знания, которое они представляют, а также ментальных процессов, положенных в основу языковой номинации. Кроме того, актуальность темы состоит в том, что выяснение содержательного и функционального аспектов микроконцептосферы TERRORISM в англо-американском политическом дискурсе требует использования новейшего когнитивно-дискурсивного подхода, в рамках которого этот концепт выступает когнитивным конструктом, созданным на почве взаимодействия концептов и выраженным средствами современного английского языка.

Материалом исследования послужили 637 номинативных единиц, именующих TERRORISM, отобранные из 46 лексикографических источников; 25000 фрагментов англо-американского политического дискурса уровня высказывания, содержащие различные языковые единицы (988 слов, 500 свободных словосочетаний, 225 фразеологических словосочетаний со связанным значением одного из компонентов), представляющих микроконцептосферу TERRORISM в современном англо-американском политическом дискурсе.

С когнитивных позиций определяем терроризм как микроконцептосферу – когнитивный конструкт, созданный на почве взаимодействия концептов, который соотносится с соответствующим участком языковой семантики как части концептосферы, реализованной с помощью языковых знаков. Представления, понятия о терроризме формируются под влиянием различных факторов, среди которых важную роль играет речевое воплощение концептов, в частности, их лексическое выражение.

Микроконцептосфера TERRORISM как фрагмент концептуальной картины мира (ККМ) англичан и американцев, ее репрезентация в языковой картине мира (ЯКМ) выступает как когнитивно-дискурсивное образование, рождается в процессе выработки смыслов в дискурсивном пространстве и содержит, с одной стороны, индивидуальный опыт человека, а с другой, – коллективные знания, ценности, нормы и правила, регулирующие его поведение как члена социума. Микроконцептосфера TERRORISM – иерархически организованное открытое объединение концептов, которое воспроизводит политическую сферу бытия социума в конкретный отрезок исторической реальности, получает свое воплощение в семантическом пространстве национального языка. Рассматриваемая

микрoкoнцептoсфeрa, ee структурные единицы – домены, выступают базой для воплощения и интерпретации отдельных концептов, стоящих за физическим телом языковых знаков, применяемых в коммуникации.

Микрoкoнцептoсфeрa **TERRORISM**, домены, концепты, как составные части англо-американской ККМ находят свое отражение в единицах ЯКМ, объединенных в лексико-семантическое поле (ЛСП) **TERRORISM**. ЛСП – это определенная модель реальной картины мира, а, следовательно, языковая репрезентация микрoкoнцептoсфeрe. ЛСП включаются в целостные номинативные пространства языковой системы, выступая способом упорядочения лексических единиц (ЛЕ) в их пределах. Номинативное пространство рассматривается как результат лексической интерпретации реалий мира. Концепт **TERRORISM**, под которым понимаем сложную, динамичную структурно-смысловую, этнически и культурно обусловленную ментальную единицу сознания, которая является способом и результатом категоризации знания и имеет вербальное выражение, является базовым концептом микрoкoнцептoсфeрe **TERRORISM**, вокруг которого группируются другие концепты, представляющие различные виды и направления террористической деятельности.

Выделение отдельных частей базового концепта **TERRORISM** (а именно: СУБЪЕКТ ТЕРРОРИЗМА, ОБЪЕКТ ТЕРРОРИЗМА, террористическая деятельность, РЕЗУЛЬТАТ ТЕРРОРИЗМА) дает возможность рассмотреть микрoкoнцептoсфeрe **TERRORISM** как систему концептов с определенной лексической репрезентацией и выделить референтный аспект ее семантической структуры.

Сложный характер структурной организации концепта предусматривает различные форматы знания. Попытки репрезентации внутреннего знания о явлении или объекте мира осуществляются путем построения когнитивной модели соответствующего концепта. Изучение концепта **TERRORISM** предполагает обращение к фреймовому моделированию концепта. Концепт **TERRORISM** как сложное ментальное образование структурируется в фрейм. На первом этапе реконструкции фрейма проводится анализ словарных дефиниций центральной лексемы, которая называет концепт, с целью определить наиболее значимые признаки и объем понятия. Анализ лексемы *terrorism* показывает, что семантическими составляющими понятия *terrorism* являются насилие, запугивание, политическая мотивация, систематичность и организованность. Фрейм концепта **TERRORISM**, который был смоделирован на основе словарных дефиниций, структурирует наиболее типичную информацию о явлении **TERRORISM**, то есть представляет концепт в наиболее общем виде.

Общая информационная структура базового концепта **TERRORISM** является тем концептуальным «каркасом», который лежит в основе значения всех единиц, представляющих микрoкoнцептoсфeрe **TERRORISM** в современном английском языке. Традиционное ономастологическое исследование номинаций концепта **TERRORISM** позволяет констатировать, какие именно номинативные средства выбирает англоязычное сообщество для обозначения в языке участка опыта, связанного с интерпретацией феномена «терроризм». Однако такая констатация не может удовлетворить требования современной лингвистики, поскольку вопрос стоит в выявлении и построении детализированной структуры вербализованного концепта как отражения фрагмента мира, увиденного глазами языковой личности [8, с. 123; 9, с. 153].

Моделирование информативной структуры концепта **TERRORISM** выполняется в терминах фреймовой семантики [5]. Ему предшествует семантический анализ лексемы *terrorism* как наиболее обобщенного обозначения концептуализированного англоязычным сообществом явления «терроризм», для того, чтобы выявить специфику наполнения вершинных узлов моделируемой фреймовой структуры. Используя семантический анализ (СА) других единиц номинативного пространства *terrorism*, имеем целью установить номенклатуру фрагментов, их значение, заполняющих слоты фрейма на разных уровнях генерализации. Детализированная структура концепта **TERRORISM** позволяет выявить концептуальные основы организации частичных ЛСП *terrorism*, механизмов вторичного определения концепта, установление сочетаемости единиц для его обозначения и их взаимосвязей в рамках лексико-семантической системы английского языка.

Для исчерпывающего описания ККМ англоязычного сообщества оказывается необходимым проведение анализа отдельных фрагментов ее ЯКМ, одним из которых является номинативное пространство *terrorism*. Указанная сфера выступает целостной структурой, которая образуется при взаимодействии субстантивного, атрибутивного и глагольного ЛСП номемы *terrorism*. Представленный ЛСП *terrorism* различной частичной принадлежности, определяет смысловые границы сформированного им пространства. Последнее структурируется по аналогичному принципу организации полей. Поэтому выявление системных закономерностей между единицами ЛСП *terrorism* будет способствовать познанию механизмов построения номинативного пространства микрoкoнцептoсфeрe **TERRORISM**.

СА лексем английского языка, представляющих феномен «терроризм», показал, что общее для элементов ЛСП *terrorism* понятие в наиболее «чистом» виде представлено в архилексеме *terrorism*. Она является доминантной и идентификатором поля, поскольку понятие, ею зафиксированное, в той или иной степени представлено в дефинициях всех представителей поля и в их ЛСВ.

Основными представителями концепта **TERRORISM** в современном английском языке служат лексемы *terrorism* и *terror*. Этимологический анализ имени базового концепта **TERRORISM** (лат. *terrorem*) свидетельствует о том, что лексема *terrorism* образована путем добавления к латинскому этимону *terro* суффикса *-ism*, который образует новые слова, обозначающие доктрину, верования, образ жизни, образ мысли и действия. Номинация *terrorism* датируется XVIII веком и происходит от старофранцузского *terrorisme*. В общем смысле «систематическое использование запугивания в качестве политики» номинация *terrorism* была впервые зарегистрирована

в английском языке в 1798 году. Старофранцузская номинация *terrorisme* происходит от древнескандинавской номинации *terroure*, перешедшая в старофранцузский язык в виде *terroure* и существует в современном французском языке [19, с. 912].

Слово *terror* появилось в 1375 году от старофранцузского *terreur*, которое происходит от латинского *terrorem* и означало «сильный страх, ужас». Латинский глагол *terrere* имел значение «пугать, наполнять страхом» [19, с. 912].

Анализ семантической структуры лексической единицы (ЛЕ) *terrorism* показывает, что представление об обозначаемом явлении было переосмыслено. Фактически в разные эпохи под терроризмом понимали явления близкие, но не тождественные от государственного террора якобинцев и террора со стороны всякого государства – до террора, который направлен против самого государства. С течением времени понимание терроризма как политического режима и как средства достижения политических целей приобрело статус различных значений одного слова, первое из которых считается историческим, а потому должно рассматриваться как пассивный признак концепта TERRORISM.

Сравнение современной дефиниции слова *terrorism* и представленных давних его соответствий указывает на то, что ранее в ядерной зоне концепта TERRORISM локализовалась информация о политике запугивания, в то время как сейчас центральными являются знания о насилии и насильственных методах для достижения определенных политических целей [18, с. 1395-1396].

Так, в структуре концепта TERRORISM состоялись семантические сдвиги, которые привели к переконтовке ядерно-периферийных элементов.

Компонентный анализ позволяет констатировать, что ЛЕ *terrorism* содержит такие семы: 1) деятельность (*activity, act*) – интегральная сема (архисема); 2) насилие (*violence*); 3) страх, ужас (*terror, fear*); 4) запугивание (*coercion, intimidation, intimidating, coercing, to coerce, to intimidate, to frighten*); 5) деморализация (*demoralization, to demoralize*); 6) покорение (*subjugation, to subjugate*); 7) тактика / стратегия (*tactic, strategy*); 8) война (*warfare*); 9) угроза (*threat, threatened*); 10) сила (*force*); 11) оружие (*weapon*); 12) беззаконие / незаконный (*lawlessness, unlawful, unofficial, unauthorized*); 13) политика / политический (*policy, political*); 14) религиозный (*religious*); 15) идеологический (*ideological*); 16) систематический (*systematic*); 17) преднамеренный (*calculated, intentional*); 18) взрывы (*bombing*); 19) угон, кража (*kidnapping*); 20) убийство (*murder*); 21) пытки (*torture*); 22) стрельба (*shooting*); 23) требование (*demand*); 24) цель / цель (*aim, goal, end, reason, objective*).

Соответствующая синонимическая лексическая единица *terror* определяется как 1) чувство сильного страха (ЛСВ 1); 2) человек, ситуация или вещь, которая наводит ужас (ЛСВ 2) 3) насилие или угроза насилием, имеет целью навести страх, преимущественно для достижения политических целей (ЛСВ 3); 4) человек (ребенок) или животное, которое беспокоит, или тот, кого трудно контролировать (ЛСВ 4) [15, с. 1712; 16, с. 1482; 18, с. 1396; 22].

Итак, в определении лексемы *terrorism* и *terror* (ЛСВ 3) присутствуют семы *violent, action, political, purposes*, которые одновременно являются видовыми компонентами значения друг друга. Дифференциальными в этой эквивалентной оппозиции являются компоненты *force, government, act*.

Лексическая единица *terror* включает сему *fear* (страх), которая чаще всего используется. В Тезаурусе Роже синонимический ряд существительных, содержащих сему *fear* представлен такими лексемами: *intimidation, deterrence, war of nerves, saber-rattling, rocket-rattling, threat; terror, terrorization, terrorism, reign of terror, severity; alarmism, scaremongering; alarmist, scaremonger, defeatist, pessimist; terrorist, intimidator, saber-rattler* [17, с. 339]. Открытое включение лексем *terrorism* и *terrorist* в данный синонимический ряд не вызывает сомнений в том, что базовой семой лексемы *terrorism* является также *fear*. Об этом свидетельствуют также данные словарей относительно действий по запугиванию, наведению страха: *terrorize* – “to frighten and threaten people so that they will not oppose or will do as they are told” [18, с. 1396]; “to frighten people by threatening them or by using violence” [16, с. 1482]; “to deliberately frighten people by threatening to harm them, especially so they will do what you want” [15, с. 1712]; “to fill with terror or anxiety” (ЛСВ 1); “to coerce by threat or violence” (ЛСВ 2) [22].

Для обозначения концепта TERRORISM также может использоваться сочетание *reign of terror*, которое определяется как «период, в течение которого применяется насилие и многое уничтожается руководителем государства или людьми, которые при власти»: *reign of terror* – “a period during which there is a lot of violence and many people are killed by the ruler or people in power” [16, с. 1190; 18, с. 1116]. В эквивалентной оппозиции объединяет семы *terrorism, terror, reign of terror* семантический компонент *violence*, который указывает на метод достижения определенных целей. Дифференциальными в этой оппозиции оказываются компоненты *period, killed, by the ruler, by people in power*.

Ввиду отсутствия таких признаков при анализе лексемы *terrorism* и полисемантической лексемы *terror*, есть основания утверждать, что доминантной лексической единицей реализации концепта TERRORISM в современном английском языке является лексема *terrorism*.

Контекстологический анализ англо-американского политического дискурса свидетельствует, о том, что лексема *terrorism* реализуется в большем разнообразии ситуаций по сравнению с членами ее синонимического ряда, ср.: ЛЕ *terrorism* актуализируется в дискурсе в 42 % случаев от общего количества 10000 примеров по сравнению с 21,33 % *terror*, 16,02 % *violence*, 5,87 % *war*, 2,98 % *warfare*, 2,76 % *reign of terror*, 2,65 % *assassination*, 1,21 % *massacre*, 1,21 % *rebellion*, 0,91 % *assault*, 0,71 % *intimidation*, 0,52 % *coercion*, 0,51 % *insurrection*, 0,39 % *atrocities*, 0,35 % *manslaughter*, 0,26 % *fight*, 0,15 % *disorder*, 0,03 % *revolution*, 0,03 % *struggle*.

Указанные критерии, а именно полифункциональность лексемы *terrorism* в англо-американском политическом дискурсе доказывают адекватность выбора номинации *terrorism* как имени концепта TERRORISM, поскольку эта номинация позволяет передать содержание исследуемого концепта как целостного феномена в совокупности всех его проявлений и аспектов.

Принимая во внимание абстрактность денотата рассматриваемого концепта, определение семантики единицы *terrorism* как базовой доминанты терроризма нуждается в представлении значения данной лексемы в более эксплицитной форме. Поэтому при анализе лексикографических дефиниций применяем прием унификации дефиниций и процедуры семантического развертывания. Прием унификации дефиниций заключается в выведении одного общего значения лексической единицы. То есть по одному и тому же семантическому признаку закрепляется лишь одна форма ее выражения. Такой синтезированный подход дает возможность получить более объемный перечень содержательных признаков. Правомерность перифрастических преобразований определений, представленных в нескольких словарях, обуславливается формальным, а не содержательным характером разногласий между определениями толкований того же значения [1, с. 9].

Основой процедуры семантического развертывания служит подстановка сем видовых компонентов в определение дефиниции. Это обеспечивает сведение толкования конфигурации с простой связью между формой и содержанием [1, с. 7].

Применение вышеуказанных приемов дает возможность сформулировать такое определение лексемы *terrorism*: *'terrorism is the unlawful or threatened use of violence such as bombing, shooting or kidnapping by a person or an organized group against people or property with the intention of intimidating societies or governments, often for ideological or political reasons'* [15-23].

В семантике рассматриваемой лексемы выделяем два родовых (категориальных) и одиннадцать видовых компонентов значения, которые дают возможность выявить содержательные признаки (С) концепта TERRORISM в современном английском языке.

Родовые семы *act / activity* (деятельность) и *violence* (насилие) указывают на денотат – фрагмент действительности, обозначенный языковой единицей *terrorism*. Одиннадцать видовых компонентов конкретизируют значение лексемы *terrorism* и фиксируют такие содержательные признаки рассматриваемого концепта: 1) качественная характеристика использования терроризма (*calculated, threatened, unauthorized, unlawful*) (С 1); 2) лицо как объект терроризма (*civilians, government, a target group*) (С 2); 3) неживое существо как объект терроризма (*property*) (С 3); 4) лицо как субъект терроризма (*a person, an organized group*) (С 4); 5) тактика / стратегия терроризма (*bombing, kidnapping, murder, shooting, torture, hijack, hostage-taking, victimization, destruction*) (С 5); 6) интенция терроризма (*intimidating / coercing*) (С 6); 7) причины применения терроризма (*ideological, political, religious*) (С 7); 8) сфера проявления терроризма (*political / non-political / diplomatic / federal / franchise / revolutionary / state / sub-state / regime / official / democracy / domestic / foreign / criminal / religious*) (С 8); 9) направления проявления терроризма (*acoustic terrorism, agricultural bioterrorism, bioterrorism, bioterror, bomb terrorism, chemical terrorism, cyberterrorism, cyber-jihad, ecotage, ecoterrorism, environmental terrorism, entrepreneurial terrorism, narcoterrorism, nuclear terrorism, paper terrorism, postal terrorism, radiological terrorism, theoterrorism, suicide terrorism, WMD-terrorism*) (С 9); 10) масштабы проявления терроризма (*global terrorism, international terrorism, individual terrorism, limited-political terrorism, mega-terrorism, superterrorism, widespread terrorism, extreme terrorism, transnational terrorism, mass-mediated terrorism*) (С 10); 11) временная мотивация терроризма (*new terrorism, old terrorism, 21-century terrorism*) (С 11).

Лексические единицы *terrorist* – *"someone who uses violence in order to achieve political aims"*; *to terrorize* – *"to frighten people by threatening them or by using violence"*; *terrorization* – *"the act or process of terrorizing"*, *terrorist (adj.)*, *terroristic* – *"the systematic use of terror especially as a means of coercion"* вербализуют такой же набор содержательных признаков, поскольку выступают видовыми компонентами значения единицы *terrorism* [18, с. 1482].

Семантический анализ лексем английского языка, представляющих терроризм, доказывает, что понятие зафиксировано ЛЕ *terrorism*, в той или иной степени представлено в дефинициях всех манифестантов рассматриваемого концепта. Поскольку единицы *terrorism*, *terrorist(ic)*, *to terrorize* наиболее объективно, стилистически и эмоционально нейтрально выражают смысл, единый для всех членов, входящих в состав субстантивного, атрибутивного и глагольного синонимических рядов, и входят в качестве эксплицитного или имплицитного компонента значения в семантической структуре большинства членов каждого ряда, то они являются гиперонимами, объединяя в соответствии 454 существительного, 238 прилагательных, 257 глаголов.

Каждый член синонимического ряда – это прежде всего актуализация определенного фрагмента концепта, новый ракурс его описания. Исследование синонимического ряда позволяет выделить дополнительные признаки концепта [12, с. 49]. Анализ дефиниций синонимических единиц показал, что лишь некоторые из них эксплицируют дополнительные признаки, а именно «сфера проявления терроризма» (например, *terror, reign of terror, war, warfare, disorder, sabotage, assassination, rampage, rebellion*), «причины применения терроризма» (например, *fight, fuss, agitation, quarrel, rebellion, revolution, riot, rumpus*), «направления проявления терроризма» (например, *terrorization, lawlessness, war, warfare, assault, struggle*), «масштабы проявления терроризма» (например, *terrorization, war, warfare, massacre, convulsion, clamour, struggle, fracas*), «темпоральная мотивация терроризма» (например, *terror, war, warfare*) и «качественной характеристики использования терроризма» (например, *terror, violence, fuss, manslaughter, massacre, convulsion, brawl, bustle, tumult, hullabaloo, imbroglia*).

Таким образом, в современном английском языке доминантной, стилистически нейтральной единицей для обозначения концепта TERRORISM оказывается лексема *terrorism*. В семантике рассматриваемой лексемы содержится общая родовая сема *violence* (насилие), которая указывает на денотативную сферу сознания человека. Дефиниции лексических единиц словообразовательного гнезда с общим корнем *terror* (*terrorist* (n., adj.), *terrorize*, *terrorization*, *terroristic*, *terrorful*, *terrorless*) дают возможность выявить ядерные содержательные признаки рассматриваемого концепта: они несут информацию о субъектах терроризма, их действиях (стратегии и тактики терроризма), живые и неживые объекты терроризма (по отношению к которым терроризм применяется), масштабы терроризма, сферы, время, цель и результат применения терроризма. Номинативные единицы, синонимичные ядерной лексеме для обозначения концепта TERRORISM, эксплицируют периферийные признаки исследуемого концепта, а именно «сфера проявления терроризма», «направления проявления терроризма», «масштабы проявления терроризма», «временная мотивация терроризма».

Семантическая структура единиц для обозначения явления терроризма содержит также аксиологические семы в результате оценивания лицами феномена терроризма и самой роли этого явления в их жизнедеятельности, в том числе в конкретном пространственно-временном отрезке. В семантике лексем номинативного пространства концепта TERRORISM, кроме денотативных признаков, выделяются семы оценочного характера, которые свидетельствуют о наличии коннотативного аспекта значения [10, с. 112]. Коннотация в форме негативной оценки, фиксируется дифференциальными семами *unauthorized*, *unlawful*, *unofficial* и *threatened (action / use of force / violence)* лексемы *terrorism*, сопровождая массив единиц ЛСП *terrorism*. Поэтому указанный корпус мы относим к лексике с негативными оттенками значения.

Следовательно, указанные родовая и дифференциальные признаки, присущие лексеме *terrorism*, включая оценочные компоненты, являются прототипными для осмысления феномена «терроризм». Поэтому, эта лексема обозначает центральный член концептуально-семантической структуры концепта TERRORISM, и, соответственно, является центром ЛСП *terrorism*, которое объединяет лексические языковые средства представления соответствующего концепта в современном английском языке.

Среди методов, которые значительно обогащают анализ состава семантических признаков концепта при построении ЛСП его ключевого слова, является определение гиперонима и согипонимов [14, с. 85-86].

Дж. Лайонз называет гипонимию «подставным смысловым отношением» [7, с. 140] и указывает на возможность иерархического упорядочения постулатов значения в зависимости от степени их аналогии.

Исследование гипо-гиперонимических отношений внутри семантического поля приводит к выявлению базовых категорий человеческого мышления как высших категориальных членов каждого эндоцентрического ряда. Выявление этих базовых категорий является важным для определения концепта / концептов, которые вербализуют лексические единицы в языковой и, следовательно, концептуальной картине мира. В. Крюк отмечает, что в отношении родовых понятий к видовым имплицитно представлены предварительные членения и дифференциация данных человеческого опыта. Они получают название «архисем» – общих сем родового значения [2, с. 371].

Итак, учитывая то, что архилексемой поля выступает диффузная лексическая единица *terrorism*, которая указывает на денотативную принадлежность рассматриваемых слов [13, с. 86], констатируем выполнения лексемой *terrorism* роли гиперонима ко всем остальным синонимичным ей, и друг другу номинантов явления «терроризм». Речь идет о концептуальных структурах значений синонимов, обозначающих формы прототипов явления «терроризм». Концептуализируясь вокруг лексемы *terrorism*, они отличаются собственными качественными признаками. Указанные синонимы высшего уровня абстракции, указывая на сложный и специфический объект исследования, выполняют роль согипонимов, или эквонимов, – единиц одного класса, которые включают смысловое содержание гиперонима и противостоят друг другу соответствующими дифференциальными семами [11, с. 450].

Информационная структура концепта TERRORISM включает другие сформированные вокруг его понятийного ядра субконцепты. Набор таких концептов низшего уровня генерализации определяет комплексный характер концепта, является отражением описанной выше кластерности феномена терроризма. Соответственно, значение субконцептов, участвующих в структурировании концепта TERRORISM, содержащих архисему *terrorism*, отличаются рядом узуальных детерминированных видовых сем [3, с. 14; 9, с. 133].

Названия кластерных явлений и феноменов ЛСП *terrorism* современного английского языка выступают своеобразными стержневыми элементами, превращая его в упорядоченную совокупность понятийно связанных друг с другом синонимических группировок лексем. Среди них выделяется основной СР, который составляет базу логической структуры номинативного пространства, поскольку наиболее адекватно отражает его основную понятийную категорию [14, с. 540-541]. Лексема *terrorism* выступает родовой относительно других синонимических единиц, стилистически нейтральной единицей, используемой для дефиниции насильственной деятельности, отражает наиболее обобщенное значение и характеризуется как наиболее частотная по употреблению в текстах англо-американского политического дискурса по сравнению с другими, близкими по значению единицами [6, с. 130].

Итак, именно лексема *terrorism* возглавляет основной СР, сформированный на основе таких стилистически нейтральных именных лексем (общее количество – 84 единицы), как *terrorism*, *terror* (ЛСВ 3), *terrorization* (ЛСВ 2), *reign of terror*, *violence* (ЛСВ 1), *war* (ЛСВ 2), *warfare* (ЛСВ 2), *insurrection*, *insurgency*,

atrocitiy, conflict (ЛСВ 2), combat, assault (ЛСВ 2), blackmail (ЛСВ 2), sabotage, assassination, homicide, lawlessness, coercion, intimidation, action, campaign (ЛСВ 1), ferocity, manslaughter, massacre (ЛСВ 1), hostilities (ЛСВ 3), force (ЛСВ 1), power (ЛСВ 1), frenzy, rampage, cruelty (ЛСВ 1), fight (ЛСВ 5), battle (ЛСВ 1), rebellion (ЛСВ 1), revolution (ЛСВ 1), riot (ЛСВ 1), uproar (ЛСВ 1), convulsion (ЛСВ 2), threat (ЛСВ 1), pressure (ЛСВ 4), disorder (ЛСВ 2), jihad, crusade (ЛСВ 1), agitation (ЛСВ 2), clamour (ЛСВ 2), quarrel (ЛСВ 1), strike (ЛСВ 2), struggle (ЛСВ 5), fuss (ЛСВ 2), entanglement (ЛСВ 1), flap (ЛСВ 4), discord (ЛСВ 1), trouble (ЛСВ 5), fury (ЛСВ 1), fierceness (ЛСВ 1), misrule (ЛСВ 2), mob rule, foul play (ЛСВ 1), tumult (ЛСВ 1), turbulence (ЛСВ 1), rumpus, ruckus, imbroglio, brutality (ЛСВ 1), barbarism (ЛСВ 1), savagery, bloodlust, scare-mongering, vandalism, vehemence, turmoil, chaos, anarchism, anarchy, despotism, tyranny, mayhem, brawl, bustle (ЛСВ 1), fracas, hubbub (ЛСВ 2), hullabaloo, nihilism, unrest [17, 19, 21].

Внутри основного СР выделяются ряды синонимов во главе с вторичными СД (синонимическими доминантами), а именно: *violence* (54 единицы) – *assasination, assault (ЛСВ 2), atrocity, barbarism (ЛСВ 1), barbarity, blackmail (ЛСВ 2), bloodlust, brawl, brutality (ЛСВ 1), brute force, brutishness, coercion, cruelty (ЛСВ 1), disorder (ЛСВ 2), ferocity, fierceness (ЛСВ 1), force (ЛСВ 1), forcefulness, foul play (ЛСВ 1), frenzy, fury (ЛСВ 1), homicide, insurgency, insurrection, intensity, intimidation, manslaughter, massacre (ЛСВ 1), mayhem, might, mob rule, power (ЛСВ 1), pressure (ЛСВ 4), rampage, reign of terror, rebellion (ЛСВ 1), revolution (ЛСВ 1), riot (ЛСВ 1), sabotage, sadism (ЛСВ 1), savagery, severity, strength (ЛСВ 4), terror (ЛСВ 3), terrorization (ЛСВ 2), potency (ЛСВ 1), fervency, ardency, trouble (ЛСВ 5), tumult (ЛСВ 2), turbulence (ЛСВ 1), turmoil, uproar (ЛСВ 1) та СД war (34 единицы): *action, atrocity, battle (ЛСВ 1), bloodshed, skirmish (ЛСВ 1), clash (ЛСВ 1), encounter (ЛСВ 1), offensive (ЛСВ 2), attack (ЛСВ 1), movement (ЛСВ 4), brawl, bustle (ЛСВ 1), campaign (ЛСВ 1), chaos, combat, conflict (ЛСВ 2), crusade (ЛСВ 1), discord (ЛСВ 1), drive (ЛСВ 4), entanglement (ЛСВ 1), fight (ЛСВ 5), fighting, fracas, hostilities (ЛСВ 3), jihad, massacre, quarrel (ЛСВ 1), rumpus, ruckus, strike (ЛСВ 2), struggle (ЛСВ 5), unrest, warfare (ЛСВ 2).**

Наибольший вторичный СР составляют единицы с СД *lawlessness* (95 единиц): *agitation (ЛСВ 2), anarchism, anarchy, assassination, assault (ЛСВ 2), barbarism (ЛСВ 1), blackmail (ЛСВ 2), bloodlust, brawl, bustle (ЛСВ 1), clamour (ЛСВ 2), convulsion (ЛСВ 2), despotism, discord (ЛСВ 1), disorder (ЛСВ 2), entanglement (ЛСВ 1), fight (ЛСВ 5), flap (ЛСВ 4), foul play (ЛСВ 1), fracas, hubbub (ЛСВ 2), imbroglio, insurrection, mayhem, misrule (ЛСВ 2), unruliness, disruption, insubordination, mob rule, mutinity, nihilism, quarrel (ЛСВ 1), rebellion (ЛСВ 1), reign of terror, revolution (ЛСВ 1), riot (ЛСВ 1), sabotage, strike (ЛСВ 2), trouble (ЛСВ 5), tumult (ЛСВ 1), turbulence (ЛСВ 1), turmoil, unrest, uproar (ЛСВ 1), vandalism, assumption (ЛСВ 2), chaos, civil disobedience, willful disobedience, disobedience, dissension, conflict (ЛСВ 1), contention (ЛСВ 1), criminalism, criminality, difference (ЛСВ 3), forwardness, hubris, illegality, illicit business, illicitness, impermissibility, imposition (ЛСВ 2), indiscipline, indocility, infraction, infringement, intractability, lawbreaking, legal flaw, liberty (ЛСВ 1), liberty abused, licence (ЛСВ 2), licentiousness, mobocracy, naughtiness (ЛСВ 1), noncompliance, nonconformity (ЛСВ 1), outlawry, passive resistance, presumption (ЛСВ 2), presumptuousness, strife, transgression, tyranny, uncooperativeness, undue liberty, unlawfulness, vandalism, variance, violation, waywardness, abandon, crime (ЛСВ 1), unrestraint.*

Анализ вторичных доминант констатирует ряд дистинктивных признаков, уточняя компоненты основного СР и таким образом проявляя различия между другими подгруппами.

Значительное количество синонимических единиц трех СР для обозначения феномена терроризма подчеркивает тот факт, что терроризм является гиперкогнитивизированным феноменом с детально разработанной когнитивной структурой: в англо-американской ККМ и ЯКМ концепт **TERRORISM** выступает архиконцептом (прототипом) по отношению к его базовым составляющим таким как, концепты **VIOLENCE** (НАСИЛИЕ) **WAR** (ВОЙНА), **LAWLESSNESS** (БЕЗЗАКОНИЕ, БЕСПРЕДЕЛ). Семантическая общность и различие между единицами указанных СР позволяет рассмотреть микроконцептосферу **TERRORISM** во всем разнообразии присущих ей признаков и свойств.

Кроме номинаций явления терроризм, ЛСП *terrorism* включает самые разнообразные единицы, значение которых содержит сему *terrorism*. Такие единицы локализируются на разных участках ЛСП, и, подобно именным номинациям, вступают в парадигматические отношения с его элементами, отражая связанность сфер ККМ. Итак, рассматриваемое ЛСП конституируется номинативными единицами, в которых содержится непосредственная или косвенная указание на понятие «терроризм».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вердиева, З. Н. Семантические поля в современном английском языке: Учеб. пособие / З. Н. Вердиева. – М. : Высшая школа, 1986. – 120 с.
2. Гак, В. Г. Языковые преобразования / В. Г. Гак. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1998. – 768 с.
3. Гольдберг, В. Б. Контрастивный анализ лексико-семантических групп (на мат-ле английского, русского и немецкого языков) / В. Б. Гольдберг. – Тамбов : ТГПИ, 1988. – 56 с.
4. Деменчук, О. В. Колоративна композиция в англійській мові: когнітивно-ономасіологічний аспект: дис. ... кандидата філол. наук: 10.02.04 / О. В. Деменчук. – К. – 2003. – 240 с.
5. Жаботинская, С. А. Ономазиологические модели в свете современных школ когнитивной лингвистики / С. А. Жаботинская // С любовью к языку. – М. – Воронеж : ИЯ РАН, Воронеж. Гос. ун-т, 2002. – С. 115–123.
6. Казанцева, Е. А. Функционально-семантическое поле СТРАХ в английском языке / Е. А. Казанцева // Коммуникативно-функциональное описание языка. – Уфа : Изд-во Башкирского ун-та, 2001. – С. 129–132.

7. Лайонз, Дж. Лингвистическая семантика: Введение / Дж. Лайонз. – М., 2003. – 400 с.
8. Левицкий, А. Э. Функциональные изменения в системе номинативных единиц современного английского языка: дис. ... доктора филол. наук: 10.02.04 / А. Э. Левицкий. – К., 1999. – 396 с.03. – 400 с.
9. Манакин, В. Н. Сопоставительная лексикология / В. Н. Манакин. – К. : Знание, 2004. – 326 с.
10. Мартинюк, А. П. Конструювання гендеру в англomовному дискурсі / А. П. Мартинюк. – Харків : Константа, 2004. – 292 с.
11. Никитин, М. В. Курс лингвистической семантики / М. В. Никитин. – СПб. : Научный центр проблем диалога, 1996. – 756 с.
12. Носков, Ю. Г. Технология и идеология политического терроризма / Ю. Г. Носков // Военно-христианский вестник. – 2002. – № 2-3. – С. 6–7.
13. Селіванова, О. О. Сучасна лінгвістика: напрями та проблеми: підручник / О. О. Селіванова. – Полтава : Довкілля-К, 2008. – 712 с.
14. Селіванова, О. О. Сучасна лінгвістика: термінологічна енциклопедія / О. О. Селіванова. – Полтава : Довкілля-К, 2006. – 716 с.
15. Longman Dictionary of Contemporary English / Ed. by Della Summers. – Harlow : Pearson Education Limited, 2001. – 1668 p.
16. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. – Oxford : Bloomsbury Publishing Plc, 2006. – 1567 p.
17. Roget's Thesaurus of English Words and Phrases / Ed. by Robert A. Dutch. – Penguin Books Ltd, Harmondsworth, Middlesex, England, 1969. – 712 p.
18. The Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. – 6th edition / Ed. by Sally Wehmeier. – Oxford University Press, 2000. – 1604 p.
19. The Oxford Dictionary of English Etymology. – Oxford : Clarendon Press, 1996. – 1024 p.
20. The Oxford Dictionary of Synonyms and Antonyms. – 2nd edition. – Oxford University Press, 2007. – 519 p.
21. The Oxford Reference Dictionary. – Oxford : Clarendon Press, 1992. – 972 p.
22. URL : <http://mw2.merriam-webster.com/dictionary/terrorize>.
23. URL : <http://www.merriam-webster.com/dictionary/terror>.

Матеріал поступил в редакцію 01.09.16.

NOMINATIVE SPACE OF MICROSPHERE OF CONCEPTS OF TERRORISM IN THE MODERN ANGLO-AMERICAN POLITICAL DISCOURSE

I.V. Fatyanova, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
Donetsk National University, Donetsk

Abstract. *The study object is Anglo-American linguistic and conceptual world images. The study subject is structural, semantic, onomasiological, linguo-cognitive and stylistic aspects of means expressing microsphere of concepts of TERRORISM in the modern Anglo-American political discourse. Units of various lexical and grammatical classes, denoting the phenomenon of terrorism, create integral nominative space, structured according to field principle of lexis organization. The description of nominative space of microsphere of concepts of TERRORISM allows better revealing of common mechanisms and principles of expression of terrorism phenomenon, promotes expansion of our knowledge about conceptual and linguistic world images. Scientific novelty of the research is that microsphere of concepts of TERRORISM is allocated and analysed as a complex of interconnected concepts of TERRORISM, VIOLENCE, WAR, LAWLESSNESS, forming a nuclear construction in a number of conceptual spheres and denoting various types of terrorist activity. The paper first conducts a complex study of multilevel linguistic units, representing microsphere of concepts of TERRORISM in the modern Anglo-American political discourse. Terrorism was considered as microsphere of concepts, based on interaction of concepts of TERRORISM, VIOLENCE, WAR and LAWLESSNESS; its place in the modern conceptual world image of Anglo-American political discourse was determined as well as structural, onomasiological, semantic and stylistic peculiarities of units, verbalizing this microsphere of concepts in journalistic texts of the modern Anglo-American political discourse; lexical means representing various types of terrorist activity and ways of counterterrorism were systematized; lexical units functioning in Anglo-American journalistic texts as image-bearing specific marks denoting terrorism phenomenon were allocated and described. Nuclear and outer stratification of a fragment of linguistic world image to denote terrorism was established, its thematic parceling, based in the research on synonymic rows was defined.*

Keywords: *concept, microsphere of concepts, discourse, nominative space, semantic structure of concept.*

UDC 811.1314.2

**THE POLYPHONY OF POSTMODERN LITERARY DISCOURSE
(THE MATERIALS OF LATIN AMERICAN SHORT STORIES)**

N.V. Chorna, Candidate of Philology, Associate Professor of the Spanish-Italian Philology Department
Institute of Philology,
Taras Shevchenko Kyiv National University, Ukraine

***Abstract.** The article focuses on analysis of the postmodern literary discourse polyphony as the ground for the formation of the textual concepts. Spanish postmodern literary discourse is considered as a world of the big dialogues, which include in itself the voices of writer, lector, hero, text, another text that allows seeing the polyphony at all stages of the text perception. The basic plurality of interpretation implements practically the possible worlds' communicative strategy in the texts space.*

***Keywords:** postmodern literary discourse, polyphony, open text, textual concept.*

Postmodern literary discourse is the reflection of basic views of a new style, which characterizes a specific sensation of the world of a person with the complex attitude to the reality as chaos. The study of textual, stylistic and lexical aspects of postmodern literary discourse as well as the interpretation of conceptual structure of postmodern literary texts of modern Latin American writers determines the **actuality** of the article presented.

The scientific novelty lies in the notion of a postmodern text as an open structure which allows to broaden the concept of poetry and to avoid the aspiration of the predetermined form and completeness. The perception of postmodern literary discourse as an open communication of characters determines not only the introduction of polyphony to the composition of text concepts, but also a foundation of these concepts. The polyphonic literature, postmodern literary discourse, is absolutely dialogic, because of the dialogic relations between the elements of its literary structure.

The aim of the article is to research the phenomenon of "openness" of Latin American short stories as a typical feature of Spanish literary discourse. This "openness" is manifested in polyphony, which is generally presented as exceptional self-sufficiency in the structure of literary discourse of a word, which sounds along with the author's and goes fully with the characters' voices. Different shades of meaning, expressiveness, stylistic tropes constitute the author's and characters' diverse attitude in postmodern literary discourse.

The objective of the research is the selected short stories by Julio Cortázar and Adolfo Bioy Casares – modern Latin American writers.

The polyphonic literature, Spanish postmodern literary discourse, is entirely dialogic, because there are dialogic relations between all elements of the narrative structure. The novel polyphony is considered by M.M. Bakhtin as "a universal phenomenon that comes through all the people's relation and communication, all that has sense and meaning" [1, c. 47], the broader relations between remarks of a compositional dialogue. This statement was developed by Oswald Ducrot who, according to principles of linguistic semantics, gave the linguistic embodiment to Bakhtin's theory of polyphonic novel, drawing the line in all functions of parts of speech in a text as polyphonic. To his mind polyphony becomes the very connection of textual concept and literary image of postmodern literary discourse, which has to explain both the conceptual essence of the character and the figurative meaning of text concepts [2, c. 38].

The polyphony is observed as the foundation for text concepts in Spanish postmodern literary discourse of Julio Cortázar and Adolfo Bioy Casares. The polyphony of characters' "voice vibration" becomes determinant and is realized in play strategy expressed in fictional communication when the character addresses oneself to get into one's inner self and to find his / her place in this world [3]. The perception of the reality as commutative-contextual play and the extension of margins of literary fiction as real / unreal lead to the semantic multivariate postmodern literary work of art, change the attitude of literary world to the reality connected with the pragmatics and the relations of addressee, addresser and the context.

A bright example of polyphonic literary discourse is a short story "Anillo de Moebius" by Julio Cortázar. It consists of two parts having their own graphical type. The first chapter is separated by epigraph. The story lines of the chapters are presented by different functional styles – the narration of the main character is interrupted by documentary facts. Such text not only gains the characteristics of polylogue but also develops the polyphonic "multitude of voices", in other words the remarks of characters have independent theme lines which is determined by the change of communicative roles and is characterized by variability expressed by connotation of lexical units [5].

Another example of polyphonic textual structure is a story “La barca o nueva visita a Venecia” by Julio Cortázar which is a monologue of a main character interrupted by her friend’s comments. The dialogue is performed by one narrator while the other one becomes an echo or her other “self”. Characters’ monologues go parallel without intersecting (each one takes one’s own stand), only the last remark of a dialogue joins the positions of both characters finishing a story with the logical end that becomes the summit of dialogic polyphony: “Su ausencia lo hacía más odioso porque su falta era de las que sólo castigan o se perdonan en persona. Venecia.

La opción ya tomada, se hace pensar como se quiere a Valentina, pero otras opciones son posibles si se tiene en cuenta que ella optó por irse sola a Venecia. Términos exagerados como odio y repugnancia, ¿se aplican en verdad a Adriano? Un mero cambio de prisma, y no es en Adriano que piensa Valentina mientras vaga por Venecia. Por eso mi amable infidencia florentina era necesaria, había que seguir proyectando a Adriano en el centro de una acción que acaso hacia el final del viaje, me devolviera a ese comienzo en el que yo había esperado como todavía era capaz de esperar.

Se le daba como un admirable escenario sin los actores, sin la savia de la participación” [5, c. 69].

First of all the characteristic feature of polyphony at a graphical level is the use of different types. For example, the story “Perseguidor” by Julio Cortázar: “En el *metro* – ha dicho Johnny”, “El *metro* es un gran invento. Un día empecé a sentir algo en el *metro*, después me olvidé ...”, “No me voy a poner a decirle que su edad mental no le permite comprender que ese inocente juego de palabras encubre un sistema de ideas bastante profundo (a Leonard Feather le pareció exactísimo cuando se lo expliqué en Nueva York) y que el paraerotismo del jazz evoluciona desde tiempos del *washboard*, etc” [5, c. 77].

Secondly, the emphasis of an author’s or character’s “voice” is introduced by brackets, parenthesis, quotation marks, different types and print in the text. For example, in a story “Lejana” by Julio Cortázar the author’s comment is given in brackets: “Me acesté con gusto a bombón de menta, al Boogie del Banco Rojo, a mamá bostezada y cenicienta (como queda ella a la vuelta de las fiestas, cenicienta y durmiéndose, pescado enormísimo y tan no ella)” [5, c. 102], in a story “Perseguidor” – author’s contemplations are given in quotation marks: “*No sé por qué (no sé por qué) creí en un momento que en Johnny había una grandeza que él desmiente de día en día (o que nosotros desmentimos, y en realidad no es lo mismo; porque, seamos honrados, en Johnny hay como el fantasma de otro Johnny que pudo ser, y ese otro Johnny está lleno de grandeza; al fantasma se le nota como la falta de esa dimensión que sin embargo negativamente evoca y contiene)*” [5, c. 369]. In a story “Las babas del diablo” Julio Cortázar introduces graphical markers in order to separate possible world of clouds – the author narrates about clouds using italics: “... *yo que no veo más que las nubes y puedo pensar sin distraerme (ahí pasa otra, con un borde gris)...*”, “*(pasa una paloma)*”, “*(nubes, y a veces una paloma)*” [5, c. 224-226].

Another example is Julio Cortázar’s “La barca o nueva visita a Venecia”. The story is narrated in the author’s (usual type) and friend’s (italics) name: “Ese día Dora y Valentina encontraron simpático a Adriano;

Hm.

No parecía turista (él se consideraba un viajero y acentúa sonriendo el distinguo) y el diálogo de mediodía fue un encanto más de Roma en abril. Dora lo olvidó en seguida

Falso. Distinguir entre savoir faire y tilinguería. Nadie como yo (o Valentina, claro) podía olvidar así nomás a alguien como Adriano; pero me sucede que soy inteligente y desde el vamos sentí que mi largo de onda no era el suyo. Habló de amistad, no de otra cosa porque en eso ni siquiera se podía hablar de onda. Y puesto que no quedaba nada posible, ¿para qué perder el tiempo?” [5, c. 70].

The use of italics and brackets is typical for Adolfo Bioy Casares’s discourse. Graphical markers are used to emphasize such fragments of text as allusion, quotations, links, idioms, explanations of scientific or cultural nuances, character’s thoughts and views that are not part of a story. That’s a specific author’s emphasis, for example, in a story “La invención de Morel”: “*Créame Faustine – dijo el barbudo con desesperación mal contenida, y yo supe el nombre: Faustine (Pero ha perdido toda importancia)*”, “*Yo estudié el tema antes del proceso: las conversaciones son intercambio de noticias (ejemplo: meteorológicas), de indignaciones o alegrías (ejemplo: intelectuales)*” [4, p. 128], or irony: “*Tal vez por alguna imperfección del alma (y la infinidad de mosquitos) he tenido nostalgias de la vispera*” [4, c. 140].

Thirdly, there is a use of such stylistic method as semantically or syntactically unfinished sentences and the direct address to the reader. For example, Adolfo Bioy Casares’s “Lejana”: “*Tan hermoso, éste, porque abre un camino, porque no concluye. Porque la reina y ...*”, “*Estaré jueves stop espérame puente ...*” [4, p. 170]. In Adolfo Bioy Casares’s literary discourse, for example, in a story “Ad Porcos” the reader has to understand the ending of a man and woman’s relationship, whether the man has got courage to follow his love. The author gives a hint to the possible ending: “*¿Te parece que me largue y vaya? ... – Insistí – ¿y si yo me largara a buscarla?*”, “*El miedo no es soño, pero sí triste*” [4, p. 266]. In the story “El don supremo” the main character can only guess what comes in the future: “*Mañana el coche está listo y me voy de viaje. ¿Con qué ánimo, con qué garantías, regresaré finalmente? Lo ignoro. Por ahora me atengo a las palabras de un predicador: basta al día su afán*” [4, p. 370]. The story does not have a logical ending, which is typical for open textual structure.

So, the perception of Spanish literary discourse as the original polyphonic structure gives the polyphony way not only to the text concept structure but also considers it as a basis of text concepts. If text concept of postmodern discourse is considered as integration unit, which conforms certain rules, then taking the polyphony into the text concept

imposes an additional meaning, outlining its conceptual boundaries of logical plan where text concept extends. Understanding polyphony as a basis of text concepts comes from the idea of Spanish postmodern literary discourse as the “world of dialogues” which includes the voices of author, character, reader, text, another text that gives an opportunity to follow the polyphony at different stages.

REFERENCES

1. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – [2-е изд.]. – М. : Искусство, 1986. – 445 с.
2. Дейк, Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация: сб. работ / Т. А. ван Дейк [пер. с англ. под ред. В.И. Герасимова, сост. В.В. Петрова]. – М. : Прогресс, 1989. – 312 с.
3. Затонский, Д. В. Модернизм и постмодернизм: мысли об извечном коловращении изящных и неизящных искусств (от сочинителя Умберто Эко до пророка Экклесиаста) / Д. В. Затонский. – Х : Фолио, АСТ, 2000. – 342 с.
4. Эко, У. Роль читателя: исследования по семиотике / У. Эко. – Львов : Литопис, 2004. – 382 с.
5. Casares, A. B. La invención de Morel / A. B. Casares. – Madrid : Trinidad Barrera, 2001. – 341 p. 459.
6. Cortázar, J. Los relatos, 3 pasajes / J. Cortázar – Madrid : Alianza Editorial, 2000. – 298 p. 460.

Материал поступил в редакцию 03.08.16.

ПОЛИФОНΙΑ ПОСТМОДЕРНОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ДИСКУРСА (НА МАТЕРИАЛЕ ЛАТИНОАМЕРИКАНСКИХ НОВЕЛЛ)

Н.В. Черная, кандидат филологических наук, доцент кафедры испано-итальянской филологии
Институт филологии,
Киевский национальный университет им. Тараса Шевченко, Украина

***Аннотация.** Статья посвящена анализу полифонии постмодерного художественного дискурса как основания для формирования текстовых концептов латиноамериканских новелл. Испаноязычный постмодерный художественный дискурс рассматривается как мир больших диалогов, которые включают в себя на равных правах голос автора, читателя, персонажа, текста, другого текста, что позволяет проследить полифоничность на всех этапах восприятия текста. Принципиальная множественность толкований практически реализует коммуникативные стратегии возможных миров в текстовом пространстве.*

***Ключевые слова:** постмодерный художественный дискурс, полифония, открытый текст, текстовой концепт.*

УДК 81

МЕТАФОРИЧЕСКИЙ ТИП ЗНАЧЕНИЯ ГЛАГОЛОВ РАЗРУШЕНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ XI-XVII ВВ.

Н.Ф. Хомуськова, аспирант

Белорусский государственный университет (Минск), Беларусь

Аннотация. В настоящей статье представлены результаты исследования, направленного на изучение метафоры как способа вторичной номинации на примере образования глагольной лексики со значением разрушения в русском языке XI–XVII вв. Были рассмотрены и изучены глагольные единицы с вторичным значением разрушения. Сделан вывод о продуктивности метафорического переноса в образовании семантически производных глаголов. Выявлены некоторые регулярные модели семантического перехода для глагольной лексики со значением разрушения в русском языке.

Ключевые слова: метафора, вторичная номинация, глаголы со значением разрушения, модель, производное значение.

Как известно, возникновение у слов вторичных значений в результате различных семантических сдвигов является продуктивным способом обогащения номинативной системы языка. В семасиологических трудах неоднократно предпринимались попытки выделить различные виды изменений в лексической семантике. Известны классификации Г. Пауля, Л. Блумфилда, С. Ульмана, Д.Н. Шмелева [1, 2, 5, 6]. Несмотря на те или иные различия в классификациях, большинство языковедов сходятся в едином мнении, выделяя метафору в качестве основного механизма вторичной номинации.

Целью настоящей статьи является рассмотрение продуктивности метафоры в образовании семантически производных глаголов со значением разрушения в русском языке в период XI–XVII вв. Материалом исследования послужили «Словарь русского языка XI–XVII вв.» (далее – СлРЯ XI–XVII) и «Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам» И.И. Срезневского.

Исследование глагольных единиц показало, что в большинстве случаев значение разрушения первично либо является результатом морфологической деривации. В то же время, удалось выявить и семантически производные глаголы.

Анализ языкового материала позволил выделить некоторое количество регулярных моделей метафорического переноса, выступающих в качестве основных механизмов образования значения разрушения. Эти модели и будут рассмотрены далее.

1. Модель ‘копать’ → ‘разрушать’.

Древнерусский глагол *рыти* впервые отмечен в значении ‘рыть, копать’ в XI–XII вв.: *Възьмь рыло чьстьный дьякъ Савинь, начать рыти мѣсто, идеже хотяху положити чьстьное тѣло.* Пов. о Царьграде, 2. XVI в. ~ XV в. [СРЛЯ 22 1997, 277]. Вторичное значение ‘раскапывать, разрушать’ обнаруживается у глагола в письменных памятниках XV–XVI: *Повель [цесарь] горы рыти и нижняя мѣста наполняти... и равняти мѣсто.* Пов. о Царьграде, 2. XVI в. ~ XV в. [СРЛЯ 22 1997, 277].

Вероятно, эту же модель можно считать продуктивной и для древнерусского глагола *рушити* (*рюшити*), который впервые зафиксирован у И.И. Срезневского в Повести временных лет под 6599 г. в значении ‘копать’: *И приспѣвшю празднику успения Бѣгъ, трети дньми, повель игумень рушити, кдѣ лежатъ мощь его, отца нашего.* Пов. в. л. 6599 г. [Срезневский 3 1912, 201]. Известное же нам значение ‘разрушать’ оказывается производным и появляется у глагола несколько позже как результат метафорического переноса по указанной выше модели: *Обновиша мостъ цересь Волхово, рушивъше.* Новг. I л. 6641 г. [Срезневский III 1912, 201]. Однако здесь нельзя утверждать однозначно. Наличие значения ‘копать’ у такого же глагола в близкородственных языках, например, в литовском *rausti* ‘рыть, копать’ подтверждает наше предположение. Тем не менее, не следует отрицать и возможность развития двух значений от существительного *рух* ‘движение’ [6, с. 524].

Наиболее предсказуемым выглядит метафорический перенос для глаголов *раскопати*, *раскоповати*. Значение ‘разрушить до основания, срыть’, фиксируемое у указанных лексем в XI в., напрямую мотивировано исходным значением ‘раскопать, разрыть’, датируемым тем же периодом. Употребление глаголов в анализируемом значении относится к XI–XVII вв.: *Призьри съ нбее и виждь, и посьти виноградъ съ... Пожъжень огонь и раскопанъ.* (Пс. LXXIX, 17) Псалт. Чуд.¹, 186. XI в. [СРЛЯ 22 1997, 14].

Схожей моделью образования значения разрушения является модель 'пахать' → 'разрушать'. Старославянский глагол *орати* с исходным значением 'царапать, рассекать, разрубать землю' [8, с. 163], включаясь в новые контексты, обрастает новыми смыслами, в результате чего происходит сдвиг семантики в сторону значения 'перепаживать, уничтожить': *Татаровя... межи и грани выорали.* (Вып. из писц. кн. Свяязск. у.) Р., № 78. 1626 г. [СРЛЯ 3 1976, 231].

Таким образом, рассматриваемое значение разрушения в указанных примерах возникает на основе сходства образа действия: копать, т.е. рассекать, разрубать что-л. Следовательно, категориально-лексической семой в указанных метафорических значениях является сема 'нарушать целостность чего-л.'

2. Модель 'бросать, кидать' → 'разрушать'. В основе рассматриваемого метафорического значения, развиваемого глаголами, лежат ассоциативные признаки 'с силой', 'интенсивно', 'быстро'.

Примером является глагол *метати*, первоначально зафиксированный в XII в. в значении 'кидать, бросать': *Тъмъ же и ножикъмъ маломъ рѣжеть е и от цѣлы мещеть ...* (Ж.Феод. Студ.) Выг. об., 340, XII в. [СРЛЯ 9 1982, 124]. В XVI в. лексема отмечается в производном значении 'разрушать, разбирать, растаскивать что-л.': *Не дадите де намъ иныхъ дворовъ, и намъ деи вамъ хоромъ метати не дати.* Польск. д. III, 637. 1570 г. [СРЛЯ 9 1982, 124].

Аналогичный семантический сдвиг наблюдаем и у глагола *низложити*, отмечаемого в употреблении с XI в. в значении 'повергнуть на землю': *Показалъ быхъ твою немощь и низложилъ твоє шатание.* Патерик Син., 290. XI в. [СРЛЯ 19 1986, 372]. Вторичное значение 'разрушить' фиксируется в XVI в.: *Грады велицѣи до основания низложени быша.* Каз. лет., 273. XVI-XVII вв. ~ XVI в. [СРЛЯ 19 1986, 372].

Метафорическое значение 'разрушить' развивает и такой глагол, как *рассыпати* 'рассыпать, раскидать, разбросать', что также подтверждает регулярность рассматриваемой модели: *Оць нашъ... баню росыпа.* Патерик Син., 149. XI в. [СРЛЯ 22 1997, 77]. Оба значения впервые отмечены в семантике глагола в XI в.

3. Модель 'дергать' → 'рвать, разрывать'. Как и в вышеописанном случае в основе развиваемого значения разрушения лежат ассоциативные признаки 'с силой', 'интенсивно', 'быстро'.

Глагол *рвати* впервые встречается у И.И. Срезневского в памятниках XII в. в значении 'дергать' [Срезневский III 1912, 202]. На это указывает следующий пример: *Рѣваахоу бо власыс своя Жидове.* Псалт. Толк. XII в. пс. LXVII. 22. толк. (В.). [Срезневский III 1912, 202]. Значение 'рвать, терзать, разрывать' оказывается вторичным и фиксируется у глагола только в XVII в.: *Кто убьетъ до смерти отца или матеръ... и тому дати сыну муку: въ торгу его возите и тѣло клещами рвати.* Доп. Суд., 83. XVII в. [СРЛЯ 22 1997, 123].

Еще одним примером служит древнерусский глагол *тързати*. Исходное значение 'дергать' отмечается в семантике глагола в XII-XIII в.: *Нифонт ..., тързаха брадоу свою по одному космоу дондеже створи ю тако и длань.* Жит. Нифонт. XIII в. 104. [Срезневский III 1912, 1086]. В письменных памятниках XVI в. обнаруживается употребление глагола в производном значении 'разрывать': *Гръ е дравшия по мртвецъ или на болны рвати волосы или браду или нуты свод тързавши.* Дуб. сб. XVI в. Уст. пост. 122. [Срезневский III 1912, 1086].

По схожей модели 'хватать' → 'разрывать' осуществляется семантический переход и для древнерусского глагола *хаповати*. Первичным значением, фиксируемым у глагола в наиболее ранних записях, является 'хватать', 'кусать', 'жалить'. *Змий хаплюци.* Втз. VIII. 15 по сп. XIV в. [Срезневский III 1912, 1360]. Значение 'разрывать' – результат метафорического переноса: *Зоубы своими хапахоу.* Прохор. Жит. Ио. Богосл. XXVIII в. [Срезневский III 1912, 1360].

4. Модель 'вырывать (с корнем)' → 'разрушать'. Примером ее реализации является развитие значения 'разрушать до основания' у глагола *искореняти*, впервые отмеченного в употреблении в XI в. в исходном значении: *Зубы немлствно ... и искореняемъ.* Мин. окт., 85. 1096 г. [СРЛЯ 6 1997, 259]. В XVII в. в семантической структуре глагола фиксируется производное значение разрушения: *Градъ Иерусалимъ разоришиа изъ основаня... стѣны искореняшиа, и ничтоже оставишиа тамо. Проскинитарий.* Арс. К., 3. 1686 г. [СРЛЯ 6 1997, 259].

Вышеизложенные примеры позволяют прийти к следующим выводам. Во-первых, можно утверждать о продуктивности метафоры как способа образования значения разрушения у глагольных единиц. Во-вторых, можно говорить о наличии некоторых регулярных моделей семантического перехода для глагольной лексики. В-третьих, метафорическое значение разрушения развивается по описанным моделям у глаголов со схожей семантикой или синонимов, что дает основание говорить о присутствии интегрального семантического компонента в структуре лексических единиц.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Блумфилд, Л. Язык / Л. Блумфилд; пер. с англ. Е. С. Кубряковой, В. П. Мурат; ком. Е. С. Кубряковой; под ред. и с предисл. М. М. Гухман. – М.: Прогресс, 1968. – 607 с.
2. Пауль, Г. Принципы истории языка / Г. Пауль. – М.: Иностр. лит., 1960. – 126 с.
3. Словарь русского языка XI–XVII. – М., 1975–2008. – Вып. 1–28.
4. Срезневский, И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: в 3 т. / И. И. Срезневский. – СПб., 1893–1912.
5. Ульманн, С. Семантические универсалии / С. Ульманн // Новое в лингвистике: сб. ст.: пер. с англ. Под ред. Б.А. Успенского. – М., 1970. – Вып. 5: Языковые универсалии. – С. 250–299.
6. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка. Вып. 3 / М. Фасмер. – М.: Прогресс, 1987.
7. Шмелев, Д. Н. Очерки по семасиологии русского языка / Д. Н. Шмелев. – М.: Просвещение, 1964. – 244 с.
8. ЭССЯ 9 – Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд. Отв. ред. О. Н. Трубачев. Вып. 32. – М.: Наука, 2005.

Материал поступил в редакцию 19.08.16.

**METAPHORICAL TYPE OF MEANING OF VERBS
OF DESTRUCTION IN RUSSIAN IN XI-XVII CENTURIES**

N.F. Khomuskova, Postgraduate Student
Belarusian State University (Minsk), Belarus

***Abstract.** This article presents results of the research aimed at studying metaphor as a way of secondary naming on the example of derivation of verb lexis of destruction in Russian in XI-XVII centuries. Verbs with secondary meaning of destruction were studied. The conclusion is made that metaphorical mapping is effective in formation of semantically derivative verbs. Some common models of semantic derivation for verb lexis with the meaning of destruction in Russian are allocated.*

***Keywords:** metaphor, secondary naming, verbs of destruction, model, derived meaning.*

════════════ **Comparative Historical, Typological and Comparative Linguistics** ════════════
 ════════════ **Сравнительно-историческое, типологическое**
и сопоставительное языкознание ════════════

УДК 1751

**ЯПОНСКАЯ И РУССКАЯ ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА
 В АСПЕКТЕ СОПОСТАВИТЕЛЬНОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ**

А.Б. Недосугова, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка
 Юридический институт, Российский университет дружбы народов (Москва), Россия

***Аннотация.** Статья посвящена контрастивному описанию важнейших концептуальных составляющих японской и русской языковых национальных личностей, что подтверждает необходимость теоретической и практической разработки проблемы формирования межкультурной компетенции японских учащихся с целью установления диалога культур, а также создания высокоэффективной национально-ориентированной методики аспектного обучения русскому языку как иностранному.*

***Ключевые слова:** лингвокультурология, психолингвистика, концепт, менталитет, фразеология, языковая национальная личность.*

Актуальность темы связана с тем, что происходящий сегодня процесс глобализации предполагает взаимопроникновение культур и установление диалога в межкультурной коммуникации, что обуславливает интерес к проблемам национальных характеров, менталитетов и их проявлений в языке.

На протяжении многих десятилетий у японцев существует интерес к изучению русского языка и русской культуры. На основании последних достижений в области этнопсихологии и лингвокультурологии возникла необходимость создания национально-ориентированной методики обучения японцев русскому языку и культуре. В результате проведенного сопоставительного анализа выявление языковых концептов японской и русской культур даёт возможность налаживать учебный процесс в контексте диалога культур и тем самым повысить эффективность преподавания, а также способствовать снятию возникающего обычно у японцев так называемого культурного шока.

По мнению исследователей, целью сопоставительной лингвокультурологии является раскрытие глубинной ментально-культурной сущности языковых и коммуникативных единиц, что, в свою очередь, призвано помочь полному и детальному взаимодействию в рамках культурно-языкового и коммуникативного пространства на материале двух и более языков и культур. Реализация данной цели на материале двух и более разносистемных языков способствует достижению коммуникативного эффекта при межкультурной коммуникации [Алимжанова, 2010, с. 34].

Основным объектом сопоставительного лингвокультурологического исследования являются фразеологизмы, которые, по мнению В.Н. Телия, существуют «в национальных языках на основе такого образного представления действительности, которое отображает обиходно-эмпирический, исторический или духовный опыт языкового коллектива, который, безусловно, связан с его культурными традициями, ибо субъект номинации и речевой деятельности – это всегда субъект национальной культуры» [Телия, 1996, с. 214]. По нашему мнению, как и по мнению В.Н. Телия, к фразеологизмам можно отнести идиомы, фразеологические сочетания, паремии, штампы, клише и крылатые выражения.

Метод сопоставительного анализа является наиболее эффективным как в области лингвистических исследований, так и в обучении иностранным языкам. Из этого следует, что сопоставительное исследование фразеологии – это метод семантико-диахронического сопоставления, основанный на контрастивном анализе картин мира, которые находят отражение во фразеологизмах. Представляют особый интерес такие фразеологизмы, понимание которых затрудняется ввиду различий смыслового содержания в русском и японском языках. Например, понимание смыслового содержания выражения 六日のあやめ菊の十日 «*ирисы шестого числа, а хризантемы десятого*» предполагает знание культурных традиций страны: ирисы – символ доблести и успеха – дарят в день мальчиков 5 мая, в праздник 端午の節句 *Танго но сэкку* «праздник первого дня лошади» (ранее по лунному календарю 5-го числа 5-го месяца), а хризантемы – национальный цветок Японии – 9 сентября в праздник хризантем (ранее по лунному календарю 9-го числа 9-го месяца). Исходя из этого, «шестого» и «десятого» дарить эти цветы неуместно. Сравним с русским: *Дорого яичко к Христову дню*.

В Японии есть и другой праздник – праздник девочек 雛祭 *Хина мацури* «праздник кукол Хина», который

отмечается 3 марта. В этот день родители, в семьях которых есть девочки, выставляют специальную коллекцию кукол в центральной комнате дома. Эта коллекция передается по женской линии из поколения в поколение, иногда пополняется новыми куклами, в числе которых всегда есть куклы, изображающие императорскую семью и придворных. Обязательным условием является то, что с этими куклами нельзя играть, в течение месяца ими можно только любоваться. Цель – воспитание качеств характера, которыми должна обладать женщина: **сдержанность, самообладание и терпение**. Метаязыковое описание японской фразеологии находит этому подтверждение: 能ある鷹は爪を隠す «*имеющий способности сокол когти прячет*», ならぬ勤忍するが勤忍 «*нестерпимое терпеть – терпение*». В русской этнокультурной среде терпение также принадлежит к категории нравственных ценностей: *Не лезь на рожон; Будь тише воды, ниже травы; Терпение и труд всё перетрут; За терпенье бог дает спасенье; Бог терпел и нам велел* и другие.

Именно метаязыковое описание русской и японской фразеологии и паремиологии, которое было сделано по системе Халлига и Вартбурга, на основе анализа тематического блока «Человек» позволило выявить культурологические ценности японской и русской национальных личностей (ЯНЛ, РНЛ). В ходе анализа удалось установить как общие культурологические ценности, так и национально-специфические. Одним из примеров общих ценностей является **фатализм**. Японцы часто употребляют такие выражения, как например, 奇縁合縁 «*от судьбы не уйдёшь*»; 一寸先は闇の世 «*никто не знает, что может случиться завтра*»; 栄枯盛衰は世習い «*подъем и упадок – в порядке вещей*» или 会者定離 «*те, кто встречается, неизбежно и расстаются*». Сравним с русским: *От сумы да от тюрьмы не зарекайся; На всё судьба; Чему быть – того не миновать* и т.п.

А вот к такому русскому феномену, как правдоискательство (*Всё минется, одна правда останется; Хлеб-соль ешь, а правду режь*), японцы относятся с иронией: 馬鹿と子供は正直 «*дети и дураки говорят правду*», не исключая при этом, что 嘘は泥棒の始まり «*ложь – начало воровства*».

В результате проведенного систематизированного сопоставительного анализа ментальных, лингвокультурологических и этнопсихологических характеристик русской и японской национальных языковых личностей удалось определить основные концепты японского национального характера (ЯНЛ – японской национальной личности), их 27, а также 5 доминант этих концептов. Такими доминантами явились: **коллективизм, этноцентризм, внутренняя сила духа, практичность, чувствительность**.

Религия как фактор, влияющий на мировоззрение личности, имеет большое значение для характеристики ЯНЛ. Однако несмотря на то, что в Японии представлены разные религии: буддизм, конфуцианство, даосизм и христианство, в основе мифологемного сознания ЯНЛ лежит синтоизм (путь богов). *Синто* связано с древней мифологией, согласно которой император является потомком духов неба, а рядовой японец – потомок духов так называемого второго разряда – *ками* 神. В этом понятии для ЯНЛ заключены бог, божество героических предков и духов. Религиозность ЯНЛ мифологемна и связана с верой в превращение после смерти в *ками* 神, а также с верой в своё божественное происхождение, что является одним из подтверждений проявления **этноцентризма**. Одним из исторических языковых примеров этого является вошедшее во многие языки мира слово *камикадзе* 神風, которое буквально означает «*божественный ветер*».

Тем не менее, отношение к религии в пословицах и фразеологизмах у ЯНЛ, как, впрочем, и у РНЛ, разное. С одной стороны, прагматичное, взвешенное и разумное: 天は自ら助くるもの助く «*небо помогает тем, кто сам себе помогает*»; 事を図るは人に有る、事を為すは天にある «*человек предполагает, а Бог располагает*»; и даже 知識を欠くた信仰は、奴隷化された精神のイデオロギである «*вера без знаний есть идеология рабощенного духа*». Сравним с русским: *На Бога надейся, а сам не плошай; Бережного Бог бережет; Не всё то Богу любезно, что человеку полезно*. С другой стороны, почтительное и искреннее: 天道人を殺さず «*Бог милостив*»; 自誠天に通ず «*искренность доходит до неба*», «*вера двигает горами*»; 天道様もお見とうした «*небо всевидяще*». Сравним с русским: *Божья рука – владыка; Жить – Богу служить; Господня воля – наша доля* и т.п.

Для ЯНЛ понятие «**сила духа**» связано также и с понятием характера, которое выражается словом 氣 и переводится на русский язык словами «*дух, характер*» [Большой русско-японский словарь, 2000, с. 399], что, на наш взгляд, свидетельствует об отождествлении японцами этих понятий. Языковой материал позволяет предположить, что при оценке человека японцы в равной степени отдают предпочтение характеру и внутренней сущности, о чем свидетельствует большое количество фразеологизмов, употребляющихся с этим словом: 氣がある «*иметь дух*» – интересоваться чем-либо, иметь склонность к чему-либо; 氣が合う «*дух встречается*» – сходиться (характерами), быть близкими по духу; 氣が荒い «*дух грубый*» – буйный, сварливый; 氣が折れる «*дух ломается*» – пойти на уступки; 氣が強い «*дух сильный*» – храбрый, мужественный; 氣に負ける «*терпеть поражение от духа*» – уступить настроению; 氣になる «*стать духом*» – захотеть чего-либо; 氣に病む «*болеть духом*» – принимать близко к сердцу; 氣がそろう «*дух заканчивается*» – обрести душевный покой и т.д. и т.п. [Быкова, 2000, с. 96-103]. Как показывает языковой анализ примеров, 氣 «*дух, характер*» для ЯНЛ – это основа жизни и человеческого бытия. Сравним с русским: *быть сильным духом; быть слабым духом; (не) падать духом; воспрянуть духом*. Как для ЯНЛ, так и для РНЛ надежда является главной: 命あつての物ぐさ «*пока живу – надеюсь*»; сравним с русским: *Надежда умирает последней*.

О мудрости ЯНЛ, о некоей «космичности» сознания и мироощущения свидетельствует понимание концепции соединения и гармонии противоположных начал: 雨降って地固まる «после дождя земля твердеет (ещё больше)»; 禍を転じて福とする «считать несчастье счастьем»; 陰窮まって陽生ず «когда «Ин» доходит до крайности, появляется «Ё» («Ин» 陰 – лунное «женское» начало, «Ё» 陽 – солнечное «мужское» начало), «всякое качество, доведенное до крайности, перерастает в свою противоположность»; 一利一害は世の常だ «где добро, там и зло»; 禍福は糾える縄の如し «горе и радость переплетаются, как пряди в веревке» [Киреев, 2007, с. 38]. Такое мироощущение близко и понятно РНЛ: Нет худа без добра; Где мед, там и мухи; И свадьба, и поминки – всё сразу; От любви до ненависти один шаг; Не было бы счастья, да несчастье помогло.

Одним из концептов ЯНЛ является концепт «Долг, Честь», который относится к числу первых в доминанте «Внутренняя сила духа». Интересным, на наш взгляд, представляется тот факт, что для ЯНЛ эта парадигма имеет формулировку «Долг, Честь», тогда как для русской национальной личности (РНЛ) данная парадигма имеет более развернутую формулировку «Долг, Честь, Совесть», что, по мнению В.В. Воробьева, «указывает на сложную, противоречивую природу социальных ценностей русской личности и ее внутренних побуждений» [Воробьев, 1997, с. 136]: *Добрая совесть – глаз божий; Есть совесть, есть и стыд, а стыда нет, и совести нет; Как ни мудри, а совесть не перемудришь* и др. Это качество дополняется такими понятиями, как «долг» и «честь»: *За совесть да за честь – хоть голову снести; Береги платье снову, а честь смолоду; Бесчестье хуже смерти; Давши слово, держись, а не давши, крепись* и др.

Для японцев понятия «долг» и «честь» неразрывно связаны. Это прежде всего обязанность, доброе имя и добрая слава: 義理とふんどしは欠かさねぬ «долг, как и наличие пояса «фундоси», превыше всего»; 人は一代名は末代 «человек умирает, а имя его остается»; 渴しても盗泉の水を飲まず «лучше терпеть жажду, чем пить из нечистого /букв. воровского/ источника»; 瓦となつて全かちんよりは玉となつて砕けよ «лучше разбиться драгоценным камнем, чем уцелеть черепицей»; «лучше погибнуть славной смертью, чем влачить жалкое существование». Всё это также связано с древней культурой Бусидо 武士道 «путь воина», являвшемся кодексом чести самурая: 武士に二言なし «самурай не нарушает своего слова»; 武士は食わねど高楊枝 «самурай и не поест, а в зубах поковыряет» (т.е. и виду не подаст, что голоден).

Японцы озабочены своей репутацией, сохранением лица и поэтому избегают всего, что может поставить их в неловкое положение. Так, со словом «лицо» 顔 есть большое количество фразеологизмов: 顔が利く «лицо действует» – быть влиятельным; 顔が向けられない «лицо не поворачивается» – неловко (стыдно) показаться на глаза; 顔が立つ «лицо стоит» – сохранять репутацию, доброе имя, «лицо»; 顔にかかわる «иметь отношение к лицу» – затрагивать репутацию; (の)顔に免じて «из уважения к лицу (кого-л.)» – ради кого-л. (лично); 顔を汚す «запачкать лицо» – опозорить, унизить; 顔を利かせる «пускать в ход лицо» – использовать свое влияние и др.

По мнению многих исследователей, в основе социальных норм поведения японцев лежит понятие 義理 [giri] «чувство (сознание) долга». «Это и обязательство, и ритуал выполнения обязательства, и долг благодарности. В широком смысле «giri» проявляется в соответствующем общении вышестоящего с нижестоящим, во взаимодействиях между равными, в ритуалах общения между соседями и т.д.» [Пронников, Ладанов, 1996, с. 141]. Так, например, выражение 義理にも может быть переведено двояко: а) из чувства долга; б) ради приличий. Как видим, в японском языке эти выражения не различаются.

Интересно также, что иероглиф 義 «долг» употребляется в японском языке при образовании следующих слов и понятий:

義母, где 義 «долг», а 母 «мама» – мачеха; тёща; свекровь

義父, где 義 «долг», а 父 «отец» – отчим; тесть; свекор

義兄, где 義 «долг», а 兄 «старший брат» – сводный старший брат; молочный старший брат; шурин; деверь; зять; свояк

義妹, где 義 «долг», а 妹 «младшая сестра» – сводная младшая сестра; молочная младшая сестра; золовка; невестка

義子, где 義 «долг», а 子 «ребенок» – приёмный сын и т.д., что подтверждает выводы об особенностях ментальности ЯНЛ и позволяет высказать предположение о наличии определенного эмоционального психологизма и глубины человеческих взаимоотношений в японской этнокультурной среде.

Как видим, языковая картина мира формирует тип отношения человека к миру. Метаязыковое сопоставительное исследование позволило выявить, что такие концептуальные понятия как, например, «мудрость», «ум», «разум» и «знания» принципиально не различаются в японском языке. Все эти значения выражаются двумя словами, которые могут иметь тот или иной перевод, ту или иную коннотацию в зависимости от контекста:

賢い – умный, разумный, мудрый; со светлым умом; сообразительный; и даже (Н.Р.) тактичный.

知識 1) мудрость; 2) прославленный (известный) буддийский монах; 3) знания, образованность, ученость, эрудиция, умение, осведомленность, информированность, знакомство с чем-л.

Причина этого, видимо, кроется в образности самого иероглифического знака, в его смысловой многозначности и выразительности. Однако фразеология свидетельствует о важности этих понятий для японской

национальной личности: 知識は力なり «знание – сила»; 賢うは一生 «учиться всю жизнь»; 知恵は万代の宝 «мудрость превыше богатства»;

知恵と力は重荷にならぬ «мудрость и сила спину не тянет». Сравним с русским: Век живи – век учись; Учись смолоду, под старость не будешь знать голоду; Не учась и лаптя не сплетешь; Ученье – свет, а неученье – тьма и др.

Вышеизложенное подтверждает, что существование культурологических ценностей, закреплённых в языковом сознании и остающихся неизменными на протяжении долгого периода времени, даёт возможность говорить о доминантах национальной личности, являющихся ее сфокусированными характеристиками и отражающих ее сущность. Рассмотрение японской и русской языковых систем на уровне фразеологии представляется особенно важным, так как фразеологические единицы представляют собой, с одной стороны, национально-языковой вариант функционально-семантического инварианта, некий результат диалектического взаимодействия, универсальности, типологической общности мышления, а с другой, – особенности психологии народа, его традиций, образа жизни, быта, культуры. Проведенный анализ еще раз демонстрирует нам, что овладение иностранным языком связано с познанием другого «образа мира», с изменением системы отношения личности не только к культуре страны изучаемого языка, но и к своей собственной в процессе обучения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алимжанова, Г.М. Сопоставительная лингвокультурология: сущность, принципы, единицы: Дис. докт. фил. наук / Г.М. Алимжанова. – Алматы : 2010 – 309 с.
2. Большой японско-русский словарь. Т.1-2. / под ред. Н.И. Конрада. – М.: Русский язык, Живой язык, 2000.
3. Быкова, С.А. Японско-русский фразеологический словарь / С.А. Быкова. – М.: Издательский Дом «Муравей-Гайд», 2000. – 266 с.
4. Воробьев, В.В. Лингвокультурология. Теория и методы / В.В. Воробьев. – М.: РУДН, 1997. – 332 с.
5. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т.1- 4 / В.И. Даль. – М.: Прогресс, 1994.
6. Недосугова, А.Б. Лингвокультурологическое описание национальной личности в русском и японском языках: Дис. канд. фил. наук / А.Б. Недосугова. – Москва : 2003 – 225 с.
7. Пословицы и поговорки Японии / Сост. Ю.П. Киреев. – М.: 2007. – 318 с.
8. Пронников, В.А. Японцы / В.А. Пронникова, И.Д. Ладанов. – М.: ВиМ, 1996. – 400 с.
9. Телия, В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В.Н. Телия. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 284 с.

Материал поступил в редакцию 04.08.16.

JAPANESE AND RUSSIAN LINGUISTIC WORLD-IMAGE IN TERMS OF COMPARATIVE CULTURAL LINGUISTICS

A.B. Nedosugova, PhD, Associate Professor of the Russian Language Department
Institute of Law, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (Moscow), Russia

Abstract. This article deals with the contrastive description of the major conceptual components of the Japanese and Russian linguistic personas that confirms the need of theoretical and practical development of formation issue of cross-cultural competence of the Japanese pupils for the establishment purpose of dialogue of cultures, and also development of the highly effective national focused technique of aspect teaching Russian as a foreign.

Keywords: linguocultural studies, psycholinguistics, concept, mentality, phraseology, linguistic persona.

ФИЛОЛОГИЯ

Международный научный журнал

№ 5 (5), сентябрь / 2016

Адрес редакции:
Россия, г. Волгоград, ул. Ангарская, 17 «Г»
E-mail: sciphilology@mail.ru
<http://sciphilology.ru/>

Учредитель и издатель: Издательство «Научное обозрение»

ISSN 2414-4452

Редакционная коллегия:
Главный редактор: Мусиенко Сергей Александрович
Ответственный редактор: Маноцкова Надежда Васильевна

Дмитриева Елизавета Игоревна, кандидат филологических наук
Анимова Ольга Константиновна, кандидат филологических наук
Атаманова Наталья Викторовна, кандидат филологических наук

Подписано в печать 12.09.2016 г. Формат 60x84/8. Бумага офсетная.
Гарнитура Times New Roman. Заказ № 155.